ПИОНЕР

МАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г.

3

Слушай,

ПИОНЕР

Год издания 38-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

На снимке вы видите самых боевых участников всех дел в «пионерской зоне» — пионеров 25-й школы г. Костромы Юру Румянцева, Вову Стайко, Наташу Якимюк, Валю Савкину и Колю Маляхина.

ПИОНЕР!

Вот какое дело затеяли костромские ребята:

они создали в дружинах зоны пионерского действия

Что же это такое — зоны пионерского действия?

...Висит в пионерской комнате карта микрорайона школы, огромная, во всю стену. А на ней особыми значками отмечены клуб, почта, ясли, красные уголки, магазины, фотоателье, начальная школа, разные учреждения.

Такая карта нужна пионерам, как командиру карта боя. Это план действия пионерской дружины. Ни один значок не поставлен на карте случайно.

Вот ясли — над ними надо взять шефство.
Вот клуб — тут хорошо дать концерт для дошколят.
Вот почта — здесь надо помочь разносить телеграммы.
Вот фотоателье — тут можно организовать фотокружок для пионеров.
Вот книжный магазин — можно взять под расписку детские книжки и понести их по домам, продать.

Карта зоны разделена на участки. В каждом участке хозяйничают два отряда: пионеров третьей ступени и второй. Маленьких в зону не пускают, им пока что дают отдельные поручения.

Хозяева зоны находят где-нибудь в подвале или на чердаке помещеньице и открывают свой пионерский штаб.

Каждый день поступают в штаб сообщения пионерской разведки:

Надо помочь агитаторам разнести пригласительные билеты!

Шестилетний мальчишка из 17-й квартиры бегает по улицам один. Надо присмотреть за ним!

На углу улицы кто-то сломал ограду у деревца — срочно починить!

Во дворе дома № 25 надо срочно построить снежную горку, а то малыши катаются прямо на улице, того и гляди несчастье случится!

За все отвечают ребята в своей зоне.

Совет отряда дает срочное, боевое задание, и работа закипает.

...Сейчас все ребята Советской страны думают, **как лучше отметить XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, который открывается в октябре.**

Много разных дел можно придумать в подарок к съезду. Вот одно из них, пожалуй, самое интересное и полезное,— организуйте **зону пионерского действия!**

МАРТ № 3 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" 1961 г.

Стихи В. ТОВАРКОВА

Красная Пресня

Улица Красная Пресня,
Знакомая с детства, как песня,
Больше других любимая,
Шумная,
Голубиная.

Здесь были косые домишки,
Здесь в летний зной за дворами
Гусей гоняли мальчишки
И пыль поднимали ногами.

Здесь жили мастеровые —
Люди труда и отваги.
Это они боевые
Над Пресней подняли флаги.

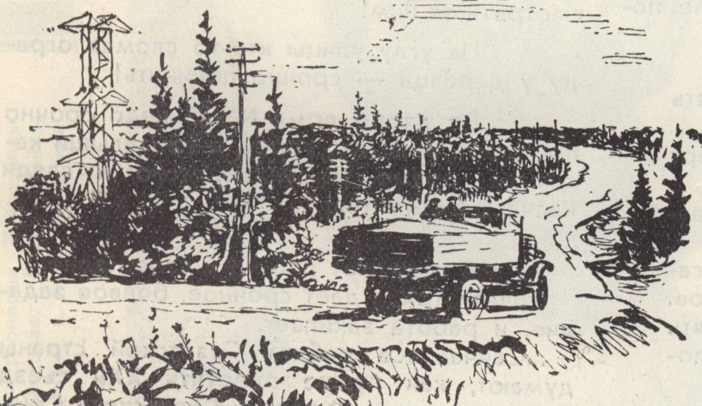
Я Пресней с детства гордился.
Здесь сорок лет назад
Первый в стране родился
Наш пионерский отряд.

Время легенды сложило
О старой и новой Пресне.
Улица заслужила
Славу, простор и песни.

Растут на местах восстаний
Светлых зданий громады.
Фундамент у этих зданий —
Бессмертные баррикады.

Цвети же, Красная Пресня,
Знакомая с детства, как песня,
Улица Красной столицы,
Улица славных традиций.

Недаром с любимой улицы
Ровесники и ровесницы
На стройках ударных трудятся —
И всюду они краснопресненцы!

Зерно

На пашню случайно
зерно не попало,
Оно по дороге
с машины упало.
Но вижу сейчас я в пыли
не зерно,
А колос,
которым бы стало оно!

Наступление цветов

Теплым июньским утром
На влажный ковер полян
Высадил одуванчик
Первый десант семян.

С грузом желтых пылинок
Летят на луга шмели...
Цветами берется с боем
Каждый клочок земли!

СПАСИБО ОТ ВСЕГО СЕРДЦА!

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Несколько лет назад я был на Каме, в знаменитых сосновых лесах около Елабуги, в тех местах, где работал наш «лесной» художник Шишкин.

И вот в этих лесах я увидел зрелище ужасающее, от которого буквально стыла кровь.

Я увидел огромные пространства леса, съеденного гусеницей, затянутого густой серой и грязной паутиной, — леса голого, сохнущего, умирающего.

А два года назад я видел на берегах Оки (около города Алексина) дубовые леса-дубравы, съеденные непарным шелкопрядом.

Мертвые дубы стояли, раскинув черные руки — большие ветви. Только к осени, собрав все свои силы, дубы выпустили жалкие карликовые листья, которые тут же высохли.

И я вспомнил, как месяц назад, пока еще не появился этот отвратительный шелкопряд, я проезжал здесь на лодке. Могучие зеленые шатры дубов стояли в солнце и блеске, а на полянах цвела черемуха, сыпала свой легкий снег. Я жадно вдыхал тончайший, как будто прохладный и сладкий черемуховый запах.

А сейчас даже черемуха стояла увядшая, понурая, как бы доживая вместе с дубами свои последние дни.

Мне рассказали, что в Марийской республике школьники начали борьбу с вредителями леса, с личинками майского жука.

Это — великолепное, благородное дело. Нужно быть очень упорным и целеустремленным, чтобы довести его до конца и не успокаиваться на достигнутом.

Это вообще великий закон жизни — никогда не успокаиваться и не ослаблять своих сил. Этому закону нужно следовать во всем или, как любили говорить старые писатели, «на всех путях своей жизни».

Марийские пионеры, чудесная марийская молодежь должны не только сами спасать свои огромные, знаменитые, исторические леса, — они должны стать во главе всенародного движения пионеров и школьников за охрану лесов не только от майского жука и других вредителей, но и от браконьеров, тех хищников, разрушителей и опустошителей, какие, к сожалению, еще орудуют на нашей земле.

В деле спасения лесов пионерам помогут все, кто действительно любит свою страну, родную природу, родную культуру, — помогут люди разных занятий, в том числе художники и писатели. В этом я совершенно уверен.

Марийские школьники взяли на себя большую и бескорыстную работу. И не только люди, но и леса отблагодарят их. Они примут их в свои душистые, теплые, зеленые дебри, они пропитают их легкие целебным смолистым воздухом сосны, вереска, можжевельника, освежат их водой лесных речек и озер, будут встречать их и провожать свистом, щелканьем и щебетом сотен птиц. И каждый лесной цветок, если бы он мог говорить с ними, наверное, склонил бы перед этими юными своими друзьями голову и сказал бы, прошептал бы им одно только прекрасное русское слово: «Спасибо!»

ЛЕСУ — ПИОНЕРСКАЯ ЗАЩИТА

Прошлым летом наш отряд был в туристском походе в районе Мадарского озера. Там мы узнали, что нашим лесам грозит большая опасность: личинки майского жука (хруща) губят деревья.

Мы решили помочь работникам лесхоза определить, как сильно заражен лес этими вредителями. В каждом квартале мы выкапывали по пять ям глубиной в 30—40 сантиметров и подсчитывали количество личинок. Так мы проверили восемь кварталов леса.

Огромные лесные массивы еще ждут пионерской помощи.

В 1962 году в лесах Марийской республики ожидается массовый вылет майского жука. Поэтому зараженные личинками участки леса нужно определить уже сейчас, этой весной и летом.

Наш отряд снова пойдет в Мадарское лесничество. Мы хотим проверить еще десять кварталов леса.

Обращаемся ко всем: ребята, давайте бороться с вредителями леса,

давайте составим свою пионерскую карту обследования наших лесов на зараженность майским жуком.

Галя Кирпичева.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ ПИОНЕРАМ!

По поручению отряда № 3, дружины имени Сергея Суворова школы № 8 г. Йошкар-Олы: Сергеева Галина, Сергеева Галя, Кирпичева Галя, Ахмедзянова Аля, Свинцов Гера, Лурье Галя, Баженова Нина, Мальцева Нина, Загайнова Тамара, Качмашев Коля, Виногоров Коля, Булатова Тоня, Толстухин Толя, Турусинов Аркаша, Михайлова Зина, Садовин Борис, Кожевникова Таня, Гришинкова Валя.

Валя Гришинкова.

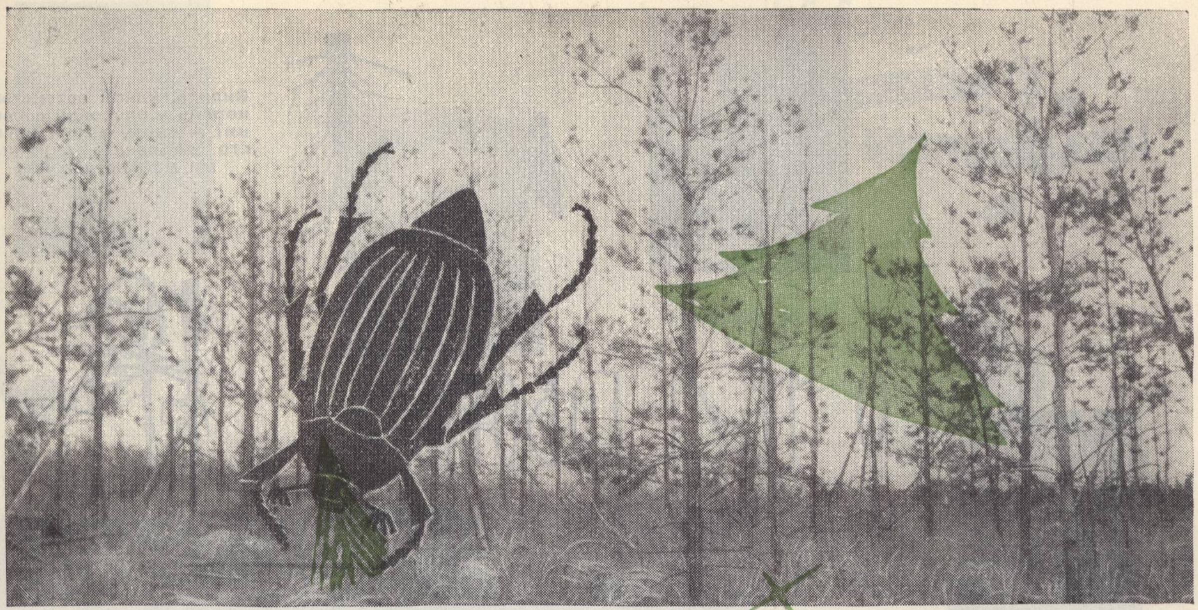
ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В ДВИЖЕНИЕ „ЗЕЛЕНОГО ПАТРУЛЯ"

Галина Сергеева.

Аркаша Турусинов.

НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ!

Дорогие ребята!

Марийская республика покрыта густыми лесами. Они занимают 1 миллион 400 тысяч гектаров. Лес — наше богатство.

Уже вошло в обычай, что каждую весну школьники помогают лесничествам: на берегах Светлого озера, на местах старых гарей, вскоро поднимется молодой лес, посаженный руками пионеров и школьников нашей республики. Но у сосенок и елочек, дубков и кленов много врагов. И, пожалуй, самый страшный из них — майский жук. Его личинки живут в земле и пожирают корни деревьев. А уничтожать нужно взрослого жука, когда он вылетел и еще не успел отложить яйца.

Вот почему так важно заранее разведать кварталы леса, зараженные хрущом, определить возраст личинок и вовремя послать самолеты с химикатами для уничтожения вредителей.

Марийские пионеры уже начали борьбу с майским жуком.

Примеру школьников Йошкар-Олы следуют другие. Летом отправятся в поход пионеры Дубовской средней школы, Горно-Марийского района. Каждый отряд решил обследовать пятнадцать кварталов леса.

Нет сейчас дела важнее, чем защита лесов.

Я уверен, что пионеры помогут сберечь наше богатство.

П. Низяев,
заместитель председателя Марийского совнархоза

Галя Сергеева.

Вот какие крепкие, пушистые сосенки выросли там, где был уничтожен майский жук. Вдали вы видите чахлые деревья, погубленные его прожорливыми личинками.

Нина Мальцева.

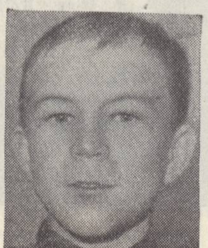

Видите, какой ветвистый корень у здоровой сосенки? А внизу корни начисто объедены личинками майского жука.

О чем говорили на сборе

Гера Свинцов.

Склонившись над большой картой, ребята и взрослые разрабатывали план серьезной операции — так проходил сбор дружины в Дубовской средней школе, Горно-Марийского района.

А начался он с того, что ребята рассматривали засохшую сосенку, у которой корни были начисто съедены вредителями. Даже для них, марийских пионеров, хорошо знающих свой лесной край, только теперь стало понятно, какой страшный враг майский жук.

«Если лес заражен личинками майского жука, погибает не только молодая поросль, но даже пятнадцатилетние деревья»,— говорит Павел Иванович Соколов.

Павел Иванович — лесопатолог, лесной врач. Он следит за молодыми посадками, лечит взрослые деревья от болезней, борется с вредителями леса. Павел Иванович объяснил ребятам, чем они могут помочь леспромхозу, где искать личинки, как определять их возраст.

Сбор дружины решил: защита лесов от вредителей — боевое задание пионерам республики. Пионеры Дубовской средней школы поддерживают обращение школьников города Йошкар-Олы и берутся обследовать всю территорию Волжского леспромхоза.

— А наш отряд решил проверить пятнадцать кварталов леса! — заявил председатель совета отряда Коля Пушкин.

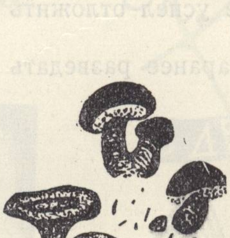
От имени своих отрядов его поддержали Оля Бекирева, Нина Сакович, Рая Тимофеева и Аня Пахмутова.

И еще ребята решили подготовить к лету пионеров-инструкторов по охране леса, инструкторов-фотографов и обязательно всем научиться ставить палатки. Походы уже не за горами!

В. Степаненко.

← Вместе с Павлом Ивановичем Соколовым пионеры Дубовской школы рассматривают карту Волжского леспромхоза.

Борис Садовин.

Ребята, лес ждет ваших рук!

Нина Баженова.

Коля Виногоров.

Это молодые побеги на здоровой сосне.

«Посмотрите, как загубили молодую сосенку личинки майского жука»,— говорит пионерам лесник Анатолий Михайлович Агеев.

А это верхушка другой сосны. Корни объедены, и ей не хватает питания, сил для роста.

Молодцы, марийские пионеры!

Хорошее и очень нужное дело начали они. А ведь это по силам каждому отряду — встать на защиту лесных кварталов. Так пусть же пионерская дружба с лесом войдет и в вашу двухлетку!

Наступает весна — лес ждет пионерских рук.

С чего начинать? Идите в лесхозы, предложите лесничим свою помощь. Они расскажут, что нужно сделать для лесов вашего края.

А мы будем печатать на страницах журнала советы ученых юным защитникам леса.

Ждем сообщений о ваших делах.

Редакция

Николай БОГДАНОВ

КОГДА Я БЫЛ ВОЖАТЫМ

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

Рисунки С. Забалуева.

19. КАК МЫ ГОТОВИЛИ «РД» И КАК НАМ МЕШАЛИ «ЧП»

— Итак, ребята, мы должны провести операцию «РД»,— сказал Аркадий на совете отряда,— то есть родительский день. В армии таких операций мне проводить не приходилось, но инспекции и смотры — множество раз. А ведь наезд родителей — это то же самое. Так вот запомните: во-первых, начальство любит порядок и не любит беспорядка. Во-вторых, обожает пробовать солдатский борщ и заглядывать, хорошо ли заправлены койки. В-третьих, бывает довольно четкими ответами на самые неожиданные вопросы и не терпит мямленья. А пуще всего бывает покорено веселым видом бойцов, четким строем и бодрой песней. Есть у нас возможность представить все это в наличности?

Конечно же, раздались возгласы «Есть!», «Будет!», и веселое оживление охватило наш лагерь.

Мы вычистили всю территорию. Построили еще один «культурно-показательный шалаш». В нем соорудили койки: набили колья и настелили на них топчаны, сплетенные из ошкуренных ивовых прутьев. Своей белизной они напоминали плетеную мебель и сразу создавали впечатление чистоты.

Этот шалаш отдали звену «Красная Роза». Вход в него девочки увили гирляндами из полевых цветов. Обычные корзинки приспособили под тумбочки, накрыв их платками. Получилось нарядно.

В остальных шалашах ребята спали на сене, вповалку. Но ничего, будем показывать девичий шалаш как образец и говорить, что, если останемся, все сделаем такими и даже лучше.

— Главное, никогда не подавать виду, что это по необходимости или из нужды,— советовал Аркадий,— а уверенно отвечать: «Так у нас положено», «Таковы наши правила», «Так мы хотим», «Это нам нужно для воспитания смелых, закаленных ребят».

И все эти разговоры шли за делом, во время работы. Мы вместе трудились, сооружая столовую и кухню.

И здесь пригодился военный опыт Аркадия. «Пищеблок» сделали на берегу ручья. Вкопали в обрыв берега печку, выложили ее старым кирпичом, добытым из развалин забора вокруг парка. Вмазали котел, одолженный огородниками. И даже вывели трубу, составив ее из кусков старых водосточных труб, выброшенных за негодностью на свалку.

Родник, из которого брали воду, огородили и закрыли деревянной крышкой.

Нам повезло: ребята, купаясь, заметили несколько плывущих по реке досок и поймали упавший с баржи деревянный лоток для слива воды. Из досок мы соорудили отличный стол, укрепив его на низких кольях. Чтобы не делать скамеек, настелили на землю чистой соломы и выкопали для ног канавки.

И когда все это было готово, навели «ажур» — обозначили территорию лагеря декоративным забором из изовых прутьев, ошкурив их и воткнув дужками.

Такими же дужками, только мелкими, окружили клумбу, в которую высадили осторожно выкопанные с землей полевые цветы.

Из нескольких длинных орешин, воткнув их покрепче в землю, сплели арку. Над нею повесили плакат «Добро пожаловать».

— Удивить — победить,— повторял Аркадий.

Совершенно сразить наших гостей мы решили роскошным обедом: ухой из свежей рыбы и жареными карасями.

Иван Данилыч притащил свой старенький бредень и уверял, что в луговых озерах этих глупых карасей видимо-невидимо...

Звено «Красная Роза» усердно чинило бредень, пустив в дело все имеющиеся у нас нитки.

Звено «Спартак», как самое сильное, несло охрану вишневого сада. Угощение родителей первыми вишнями тоже входило в наш план «удивить — победить».

Котов и Шариков отправились чинить-паять старые ведра, кастрюли, умывальники. Они имели задание добыть для карасей сметаны: ведь известно, что он, карась, любит. А чтобы ребят не обидели, с ними на фуражировку пошел «за старшего» Аркадий.

Маргарита и Франтик, который в прошлом году все лето продавал газеты на улицах Москвы, решили попробовать, пойдут ли книжки Мириманова.

Со мной в лагере работали, «наводя ажур», ребята из звена Либкнехта.

И, как всегда, в «Орлином гнезде» сидел дежурный, наш впередсмотрящий, который должен был все видеть и обо всем предупреждать.

Это сооружение на старом дубе, крепкое и довольно просторное, смастерили сами ребята. По их мнению, когда-то тут было настоящее орлиное гнездо, о чем свидетельствуют засохшие ветви на вершине. Особенно любил сидеть здесь Франтик, и всегда, оставшись один, он пел польские песни. Франтик обожал этот уединенный пост. На высоте, по его уверению, ему приходили в голову самые замечательные фантазии.

Сегодня в «гнезде» дежурил кто-то из ребят звена Либкнехта.

А напротив, на обрывистом берегу ручья, сидел наш враг, батрачонок Васька, и дразнился. Васька так надоел нам, что никто уже не обращал внимания на его глупые и мерзкие слова. Но это-то и доводило Ваську до исступления.

Аркадий тоже вначале возмутился Васькиными глупыми выкриками и хотел догнать и вздуть его. Потом решил «зайти с тыла» — сесть рядком и распропагандировать как солдата-бедняка, оказавшегося по глупости в белой армии. Потом плюнул: ладно, самому надоест, устанет — перестанет.

А сегодня, послушав хриплые Васькины выкрики: «Эй вы, голопузые, бесстыжие, красно-рыжие! Кресты поснимали — красные тряпки повязали. Черти вас будут за них хватать, в кипящую смолу мордами макать...» — и прочие самые непотребные слова, Аркадий сказал:

— А все-таки надо эту проблему решить. Приедут родители, начнется у нас смотр, все честь по чести, а он вдруг с того берега и начнет шпарить... А? Что получится? «ЧП», чрезвычайное происшествие, выражаясь по-военному.

Проблема решилась сама собой и весьма неожиданным образом.

Васька вдруг примолк. Я это не сразу заметил. Мне только показалось, что в природе что-то изменилось к лучшему. Стал слышней милый треск кузнечиков в траве. Я огляделся и увидел, как в жаркой тишине летнего дня таинственно возникают на дорогах пыльные вихри. «Значит, полдень,— еще подумал я по деревенской примете,— пора бы искупаться».

И в это время из «Орлиного гнезда» раздался сигнал тревоги. Часовой изо всех сил заколотил в звонкий обломок рессоры.

Уж не тонет ли кто?.. Наверное, опять Рая! Ноги сами вынесли меня к реке. Нет, на реке никого. И тут я вспомнил, что в последнее время Рая вместе с Катей-большой и Маргаритой-Матреной стали купаться не в реке, а в маленьком ручье, пробиравшемся извилистыми оврагами к Москве-реке.

Утонуть можно было только в устье ручья, где при впадении в реку образовался глубокий омут.

Туда и понесли меня ноги.

Но на бегу я услышал крики на скошенном лугу за ручьем. Какой-то большой парень бил пионера...

Он колотил его наотмашь, пионер падал. Парень пытался бежать, но пионер хватал его за ноги. В одной руке верзила держал какой-то сверток, а другой норовил стукнуть как следует нашего храбреца. Тащил его за собой на одной ноге, как гирю. Отцеплял и не мог отцепить. Снова волочил по колючему покосу. У пионера задралась рубашка. Парень брыкал его ногой, но тот, видно, вцепился намертво.

Я переменил направление и по дороге увидел пасущихся лошадей. Быстро снял веревочные путы с какого-то коня, привычно взнуздал этими же путами, вскочил на спину и пришпорил пятками. Конек, привычный к подобному обращению, рванулся вперед.

И я явился на поле боя с неожиданной для противников быстротой в тот самый момент, когда верзила замахнулся на пионера ногой, норовя ударить в лицо...

Мой удар опередил подлеца. Он покатился по жнивью в одну сторону, а какие-то юбки, кофты, трусики и полотенца — в другую.

Поверженным врагом оказался Васька!

Я поднял с земли пионера, и передо мной предстал Игорь. Но в каком виде! Нос разбит. Один глаз заплыл. Волосы запорошены землей. На лице ссадины. А живот — словно его кошки драли — до крови расцарапан жесткой отавой, по которой тащил его Васька.

— Он наших девчат салил! Кидал в них грязью, не давал вылезти из воды. Уселся на одежде и говорит: танцуйте голышом. Девчата плакать, а он схватил платья — и бежать! — докладывал Игорь, сгоряча не ощущая боли.

Все свои раны он почувствовал лишь потом, когда ему мазали живот йодом, а к синякам и шишкам прикладывали холодные примочки.

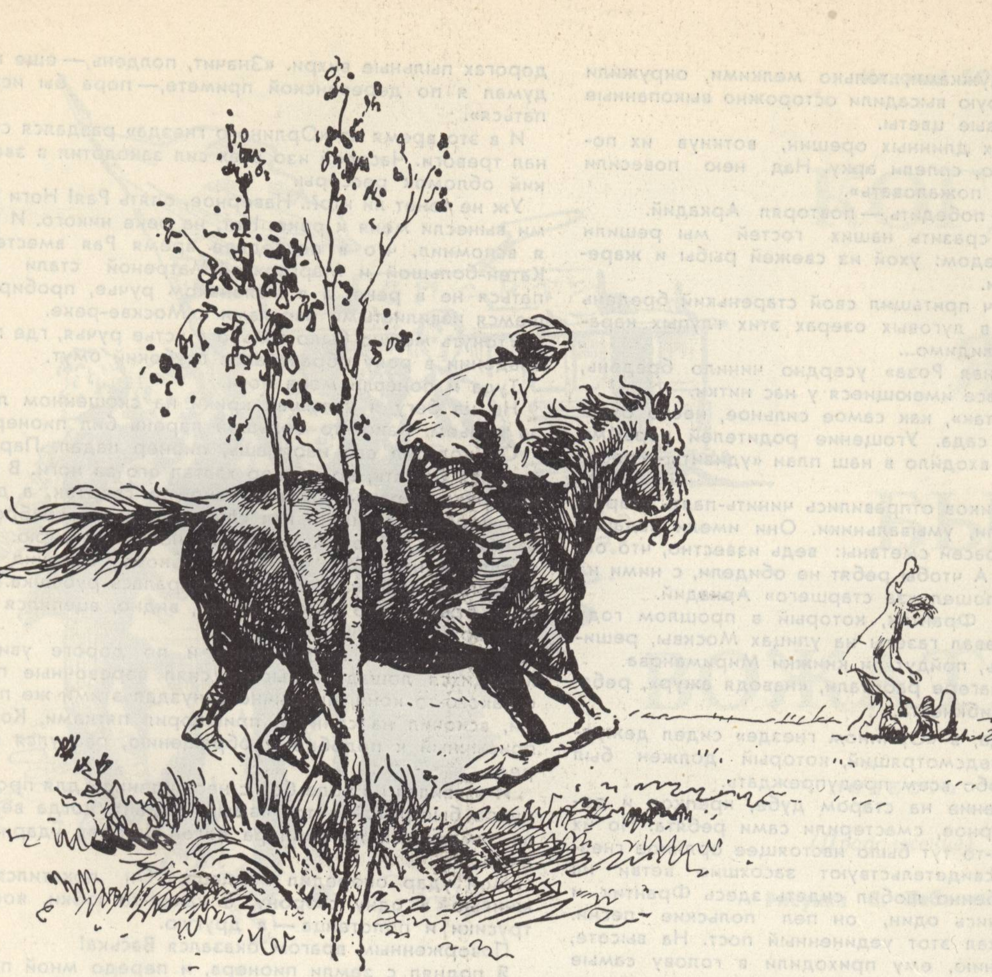
— Вожатый, я стойкий? Верно ведь, я очень стойкий! Больно, а я не плачу,— говорил он, смахивая слезы и морщась.

— Откуда ты взялся на том берегу?

— А я с эстафетой бежал, с фуражировки... Командир сообщает, что они заночуют... Так обстановка требует... Когда вы добудете карасей, они явятся со сметаной.

К вечеру у Игоря поднялась температура. А наутро один глаз закрылся огромной опухолью лилового цвета. И это накануне воскресенья, рокового родительского дня!

Много шума наделало это происшествие. На селе говорили, что пионеры побили батрака. Особенно старались кулацкие дети, подговорившие Ваську напасть на девочек. Они скрывались в кустах. И даже не показали носа, когда подоспевшие пионеры взяли Ваську в плен, как лилипуты Гулливера, и повели в лагерь.

Я явился на поле боя с неожиданной для противников быстротой.

Кулаки против пионеров — это дело понятное. А вот натравить пионеров на батрака куда забавней. Хитры были кулачата, учились не в Коломенском, а в московской какой-то школе, кажется, в одном из редких тогда ремесленных училищ. В хозяйстве работал за них батрак, а они приобретали знания.

Во всем этом мы разобрались не сразу. Признаться, мне было очень не по себе оттого, что я принужден был ударить Ваську.

Но в глазах ребят мой поступок был справедлив и даже героичен.

— Вожатый как вскочит на лошадь, как помчится! — слышал я в палатке ребят.

— Наш вожатый как даст ему, он и покатился...

— Наш вожатый сильный,— слышалось из девичьей палатки.

Нехорошо, ах, как нехорошо!

— Васька,— сказал я. — Ты не обижайся, но если ты еще раз затеешь провокацию, тебе снова попадет.

— А я не обижаюсь,— отвечал наш пленник, запихивая в рот кусок пирога и ничуть не протестуя против плена на хороших харчах. — Не фулигань, за это и не так перепадает,— рассудительно говорил он. — А то берите меня к себе насовсем. Я вам буду продукты возить. А зимой печки в школе топить... Я тогда совсем буду за вас. Я у этого кулачья все сады обтрясу... Я этим кулачатам все носы разобью... У меня кулачищи во, как у мужика!

— Ты, чудак, думаешь, здоровые кулаки — это все,— говорил ему Игорек. — А вот ты не знал, что у меня в кармане был этот талисман. Видишь, орех. Только это как будто орех... А вот раскуси... Ты сильней, а меня не победил...

— Конь с репьем не сладит... Понял? А ты репей! — беззлобно отругивался Васька.

Мы отпустили его, взяв честное слово больше нам не вредить.

20. КАК МЫ УГОВАРИВАЛИ ЩУКУ

Итак, наступила суббота, канун нашего первого родительского воскресенья.

Судя по тому, что написал Аркадий в эстафете, доставленной Игорьком, сметана нам обеспечена. Дело за карасями. Бредешок, изъеденный мышами, починен и сверкает свежими заплатами. Иван Данилыч с корзинкой на голове нетерпеливо топчется на месте, ему хочется скорей к заветным озерам.

— Карасей там, ну, видимо-невидимо... Давно их не тревожили... Здоровущие выросли, как лапти... Лини, как пироги... И никуда не ушли... Вот уж третью весну озера эти не заливало. Не выходила к ним Москва-река. Не могла рыба уйти. Вся тут, в озере, сидит. Нас ждет!

Переправились через реку, зашагали по лугу. Поскольку в увлекательную экспедицию рвались все,

создали сводный отряд из представителей всех звеньев.

До озера далеко. Жара. В лугах марит. От запахов разогретых солнцем трав кружится голова. Но нам все нипочем. Все предвкушают великое таинство рыбной ловли. Будет ли улов? Что окажется в озере?

Вот и оно, окаймленное кустами молодых ракит небольшое озерко, все заросшее кувшинками, ряской, лягушиными тенетами и, конечно, телорезом. Только кое-где темные, как нефть, окошки чистой воды.

В этих окошках на вечерней заре купались какие-то жители глубин и, по уверению Данилыча, хлопали по воде хвостами, как бабы вальками по белью.

Ребята располагаются на берегу. А я прямо в одежде, чтоб оберечься от телореза и осоки, лезу в воду с косой. Данилыч, не выпуская из рук ведра для будущего улова, недоверчиво смотрит, как это я буду косить под водой. Здесь это не принято. А у нас, в Мещорской пойме, во время покоса, в полдневный перерыв собравшись артелью, запросто выкашивали мы и не такие озера и брали карасей возами.

Однако вода в озере холодна. И даже в травянистых местах глубоковато. Доходит до подбородка. Пригнуться нельзя. Двигаю косой у самых ног... Вот-вот порежешься.

Но сочные водяные растения срезаются от первого прикосновения. Толстые, в руку, корни кувшинок всплывают шумно, поднимая донную тину.

Заросли телореза — плавучего растения, похожего на кактус, все время наплывают на меня, сколько ни отталкиваю их косой.

А тут еще жучки-вертунки. Маленькие, черненькие, вечно снующие вверх-вниз. Как куснет, словно электрическим током ударит.

Вот одна сторона озерка выкошена. Вся поверхность воды взбугрилась от водорослей.

— Ребята, таскать!

Выделенные мне в помощь лучшие пловцы и ныряльщики бросаются в озеро и начинают вытаскивать траву на берег. Оставь ее — бредень скатается, и никаких карасей не поймаешь.

В первых же охапках вытащенной на сушу травы обнаруживается масса живности. Вся трава шевелится. Тут и жуки-плавунцы в своих толстых панцирях, и тритоны, и огромные жирные пиявки.

Но ни одного малька, ни одной рыбки... Наверное, рыба в глубине. Прячется от косы, как от щуки.

Когда косьба подошла к концу, а ребята не растащили еще и десятой доли скошенных водорослей, не вытерпели мои пионеры и все, сколько их было, влезли в воду.

Шум, крик, визг. Кому к ноге присосалась пиявка, кто наткнулся на телорез, кого куснул жучок...

Наконец почти вся трава вытащена, озеро взбаламучено, теперь-то уж карасям некуда деться.

Теперь уж без усмешки, торжественно развертывает свой старинный бредешок Иван Данилыч и сам лезет взаброд, в холщовом белье и в лаптишках, чтобы не повредить ноги.

— Рыбку есть хотца, да лезть за ней не хотца,— приговаривает он, жмурясь и поеживаясь.

Медленно тянем бредешок под взорами болельщиков. Ни всплесков в нем, ни движения. С трудом вытаскиваем его, полный зарослей,— и ничего, кроме тех же плавунцов да пиявок...

Второй заброд. Третий. Пусто!

— Взмутить, взбаламутить надо. Тогда пойдет... Карась, он носом в тину воткнулся,— говорит смущенный Данилыч.

Ребята бросились в озеро и давай ногами поднимать донный ил. Взмутили, чуть не все водоросли вытянули бредешком, а рыбы нет как нет.

Настоящий рыбак закален в неудачах. Я не унываю. Замечаю, что мы никак не можем обловить небольшой кусочек озера, глубокую ямку в самой середке. По краям ее ходим, а протянуть по ней бредень не можем. Не хватает нам роста. Глубоко. Что делать?

— На бечевках протянем! Сейчас! — горячится вошедший в азарт Данилыч. — Такому труду да пропадать? Травы вытащили цельный стог — и зря? Нет, этому не бывать... Мы вас достанем! — грозится он коварным карасям.

При этом дед разувается, сердито разматывая длинные оборки от лаптей. Из оборок мы приделываем к бредню «вожжи».

Два камня, с трудом найденные на берегу, привязываем к нижним концам «кляч» — палок, на которые посажен бредень.

Заводим центр бредня прямо против омутка и тянем за веревки все это сооружение поперек озера...

Тянем осторожно: оборки тонки. Бредень идет-бредет потихоньку. Палки под тяжестью камней погружаются. Ого, глубок омуток! Только бы пройти его... Наверное, все они сидят там... те, которые по вечерам купались.

Вот прошли омуток. Скорей подхватывать вынырнувшие из него палки. Скорей тащить к берегу.

Помощники хватают низ бредня. Осторожней, не прорвите!

Вот они, блестят! Бьются! Трепещут! Широкие, золотые.

Карасики! Карасищи! Ох, какие!

Четыре квадратных, жирных, толстогубых красавца! Два — в дрожащих руках деда. Два — в моих руках. Высоко над всеми головами. С золотой крупной чешуей и красными плавниками.

— Ой, не упустите, дедушка! Ой, вожатый!

Нас тащат прочь от берега, мокрых, грязных и счастливых.

— Там еще... Там их много... Мы еще заведем! — суетится дед, заводя еще раз бредень на самый центр омутка. Лопаются размокшие бечевки. Дед лезет в глубину. Тащит бредень на плаву, то погружаясь, то выныривая, опираясь на палку, чтобы достать ее концом дно и взмутить омут.

Волосы у него растрепались, залепили глаза. Ну, водяной да и только! То унырнет, то покажется...

При этом заходе — два карася.

При третьем — один. Затем еще один... Дальше — ничего! Всего восемь. Больших карасищ, но только восемь...

Куда ж подевались остальные? Ну, хотя бы помельче, да побольше, чтобы пожарить каждому по карасю... А то восемь рыб, как их делить?

— Под берегами схоронились, злая рота! — озадаченно говорит дед.

И мы ведем бредень под берегами. Вот кустик в самой воде. И вдруг в самом кустике всплеск, в бредне удар...

— На подъем! — кричит дед.

Выхватываем на подъем и видим в самом центре бредня, в «пузе», здоровенную дыру.

— Щука! — азартно кричит дед...— Крокодила! Всех карасей поела, подлая! Не уйдешь!

Он завязывает оборками дыру, и мы бросаемся в погоню за хищницей, убавившей в озере карасей...

Щука, наверно, велика. И хитра — в руки нам не дается: откуда бы мы ни зашли, ждет, притаившись, потом вдруг бросок — и щука с разбега пробивает бредень в любом месте...

— Врешь, попадешься! — возмущается дед, штопая и наспех завязывая дыры.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вдруг среди приунывших ребят не раздался робкий голос:

— А если в бредень травы набить?

Это сказал Игорек, больше наблюдавший, чем действовавший сам.

Как у него возникла эта мысль, трудно сказать. Но мы набили бредень до отказа водорослями и снова повели навстречу щуке... Шел он медленно, тяжело, раздувшийся, как воздушный шар. А щука ждала где-то под берегом его приближения...

Все затаили дыхание. Всплеск, удар могучего хвоста. И мы не почувствовали толчка... В бредне раздалось только какое-то шипение, словно спустили воздушные тормоза.

— Давай, давай! На берег! — страшным голосом закричал дед.

И когда с помощью ребят мы вывалили на берег бредень, из кучи водорослей вдруг выползла на луговые травы длинная черная щука и поползла, извиваясь среди цветов, как змея... Пасть ее сжималась и разжималась, и круглые янтарные глаза зло блестели.

Ребята шарахнулись в разные стороны. Девочки пронзительно завизжали. А Данилыч бросился на щуку, как ястреб. Оседлал ее и стал ломать хребет. Но это оказалось ему не под силу, и живучая щука долго ползала по траве, таская за собой деда.

Кончилось тем, что под жабры ей продели палку и понесли в лагерь. Карасей несли живыми в ведре с водой. Все банки были полны озерной живностью. И не было человека, который бы не почесывался от укусов жучков, пиявок и коварного телореза.

Возник вопрос, как делить улов.

— Ладно, берите все: у вас гости, — сказал азартный старик, — но уговор будет такой: следующее озеро целиком мое! Которое — я сам укажу... Вот увидите, лошадь запрягу... Телегу карасей выгребем.

И в предвкушении будущего улова ушел, оставив нам чинить бредень, весь продырявленный щукой.

В лагере нас ждало много новостей, и немало неприятных. Ребята, посланные за вишнями, явились без добычи, поцарапанные, в порванных рубашках.

Назло нашей охране деревенские садолазы не рвали вишни, а просто отдирали целые ветки с деревьев, не разбираясь, где спелые, где неспелые ягоды, и бежали прочь, к оврагу. Все это под лозунгом: «Пусть никому не достается!».

Только прискакавший на шум объездчик из совхоза усмирил разбойников.

Шариков и Котов явились весьма смущенные, с несколькими горшками сметаны, но без Аркадия. Наш необыкновенный гость, передав нам привет, так же неожиданно исчез, как появился. По словам ребят, он встретил в одной деревне какого-то инвалида гражданской войны, своего фронтового товарища, и вместе с ним укатил в Москву. Этому товарищу нужна была какая-то срочная помощь в каком-то деле, в котором ему мог помочь его бывший командир.

Зато порадовали нас наши офени. На книжки Мириманова они наменяли столько яиц, что едва дотащили.

Этой ночью всем участникам рыбной ловли плохо спалось: ужасно чесались укусы жучков, уколы телореза, ранки, нанесенные пиявками.

А у Раи-толстой поднялась температура. Кожа покраснела, укусы и порезы загноились. Мы смазали многочисленные ее раны йодом, и она стала вся пятнистая, как пантера.

Худо ей было, но терпела. И не плакала, а даже смеялась и подшучивала над своей изнеженностью.

21. КАК МЫ УДИВИЛИ И ПОБЕДИЛИ

О появлении родителей должен был просигналить с «Орлиного гнезда» вперёдсмотрящий. И прозевал. Он воображал, что папы и мамы пойдут от трамвайной остановки пешком. И не ожидал, что они могут приехать на извозчике.

Это были отец Раи-толстой и мамаша Игорька, энергичная, полная женщина в модной шляпе.

— Игорек! Игоречек! Булька моя! — кричала она, заглушая тревожный звон запоздавшего сигнала с «Орлиного гнезда», и металась по лагерю, нагруженная кульками, свертками, кулечками. — Где ты, детка моя? Скорей... Вот вкусненькое, вкусненькое!

Данилыч бросился на щуку, как ястреб.

За ней бегали наши дежурные, которые должны были встречать родителей перед аркой и отбирать все подарки в общий котел. Но Игорькова мамаша так быстро пронеслась мимо большущей круглой корзины, представляющей «общий котел», что заградительный отряд не успел и рта разинуть.

Теперь несколько пионеров и пионерок бегали за ней следом, как цыплята за квохчущей наседкой.

— Крошка моя! Птичка моя! — неслись ее призывы, нестерпимо унизительные для каждого уважающего себя мальчишки.

Игорек не отзывался. И не мог отозваться. Застигнутые врасплох, мы затащили его в показательный шалаш и обрабатывали его физиономию, как в каком-нибудь косметическом кабинете. Все синяки, шишки и царапины, полученные в схватке с Васькой, спустя день раздулись и почернели. Синяк под глазом стал буро-лиловым. Глаз весь заплыл. Ни зубной порошок, ни мука, которыми мы пытались заменить пудру, не помогали. Оставалась надежда только на придуманный нами тактический ход...

Я вышел навстречу мамаше Игоря и, стараясь не теряться перед этой крупной женщиной с громким голосом, заявил, что ее сын Игорь готовится к параду, на котором пионеры будут его чествовать... Он не может ей показаться раньше этого и если будет разгуливать, как все обыкновенные мальчики, то сорвет нам всю торжественность. Ведь он совершил подвиг и должен появиться под звуки горнов, как герой.

— Да, мой Игорь — необыкновенный мальчик. Но какой это он совершил подвиг?

— Видите ли, я не могу раньше времени разглашать... Мы приготовили сюрприз... Вы подождите немножко, вот как только соберутся все родители, так и откроется парад.

И я проводил мамашу к шалашу, где стояла Игорева койка.

— Да жив ли мой мальчик? — спросила вдруг мамаша, бросив на меня такой взгляд, что я поспешил ретироваться со словами:

— Жив, здоров... Вырос, прибавил в весе... Хотя и скучает о вас.

Это бурное вторжение внесло расстройство в наши планы. Мы не смогли встретить остальных родителей так торжественно, как хотели. А главное, общий котел остался пустым.

Чувствуя, что долго испытывать терпение встревоженной матери невозможно, я ускорил начало парада. Родителей мы усадили в тени деревьев, на подстилке из хвои и сухих листьев. Горнист вышел на линейку и под мачтой с развевающимся флагом протрубил сбор. Со всех сторон, словно из-под земли, явились наши пионеры, и три звена встали на своих местах. Дежурный отрапортовал о событиях дня. Затем с рапортом выступила вожатая звена Маргарита.

Она рассказала о нашем самодеятельном лагере, о постройке жилья, о разведке жизни, о наших фуражирах. И, наконец, о подвиге пионера, крепкого, как орешек.

Выслушав краткий отчет о побоище Игоря с Васькой и приняв свернутый в трубочку письменный рапорт, я сказал:

— Поведение Игоря заслуживает быть отмеченным в истории отряда. Защищая пионерскую честь, он вступил в борьбу против противника втрое сильнее себя и победил его своей стойкостью. Приказываю: записать это в тетрадь памятных событий. Героя наградить двойным орехом, символом его звена, и увенчать венком из дубовых листьев!

Заиграл горн, забил барабан, и из показательного шалаша появился Игорь.

Я быстро вышел ему навстречу с тяжелым венком из дубовых листьев и тут же возложил на его стриженую голову, украшенную шишками, причем наискось, стараясь, чтобы венок закрыл правый глаз, украшенный зловредным синяком.

Отдав мне салют, Игорь промаршировал вдоль родительских скамей, держась строго в профиль, чтобы видна была только чистая половина его лица.

Он шел важно, животиком вперед, напрягая все силы, чтобы прямо держать голову под тяжестью венка. Встал под развернутое знамя. После моей краткой речи и призыва быть готовым к подвигам ответил: «Всегда готов!»

Толстушка Рая, одетая в длинный белый хитончик из простыни, с вырезанной из фанеры лирой, как муза поэзии, прочла посвященные Игорю стихи, сочиненные ею экспромтом...

Длинный до пят хитон замечателен был тем, что скрывал от всех глаз цыпки на ее ногах, израненных телорезом...

Страшноватый момент наступил, когда Игорь наконец бросился в объятия своей мамаши!

И что же? Растроганная до слез женщина не заметила ничего! Обнимая и целуя любимого сыночка, она старалась как-нибудь не задеть, не стронуть с места, не уронить его венок славы...

Мы воспользовались этим до конца. Игорь даже обедал в дубовом венке. Так она и уехала, не заметив огромного синяка, — и это мамаша, которая, бывало, сдувала с единственного сынка каждую пылинку!

Поистине велика материнская любовь к славе детей!..

С толстушкой Раей все обошлось еще лучше, ее отец остался весьма доволен. Дочку он нашел посвежевшей, более оживленной, чем прежде. И ничуть не удивился, что она разгуливала в хитоне из простыни, показывая старинный парк. Ему в голову не пришло, что мы этим нарядом скрыли болячки.

Все родители были в восторге от показательного шалаша. Впрочем, большинству понравились и самые обыкновенные. После обеда папы и мамы отлично отдохнули в них на свежем, душистом сене, которое мы заранее накосили и насушили.

Но окончательно сразила родителей наша громадная щука. Уху из нее варили люди, понимающие толк в деле: отец Вани Шарикова — «доктор паровозов», оказавшийся заядлым рыбаком, и мать Кости Котова. Она явилась в лагерь одетая нарядней всех. И принесла пирог — здоровенный, как бревно, пышный, сдобный, с мясной начинкой! И была единственной мамой, предложившей его в общий котел.

В восторге от лагеря были молодые тетки Кати-беленькой — белошвейки. Девушки вприпрыжку носились по лужайке, купались, собирали полевые цветы. А к вечеру у них покраснели обожженные солнцем руки и плечи, разболелись головы, и нам пришлось уложить их в тень и лечить, смазывая покрасневшую кожу сметаной.

Придирчивей всех была вагоновожатая Кондратьева. Ей казалось, что ее Маргарита похудела. Она допрашивала меня: почему все ребята поцарапанные! Но и она смягчилась, когда вечером все родители уселись у костра и стали петь песни. Голос у нее оказался сильней всех. В паре с матерью Кости Котова они перепели столько старинных песен, что даже охрипли. Спели вместе с ребятами нашу любимую «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Все шло отлично, не подвел нас даже Васька. Он явился к нам нарядный, как на праздник. Но по-прежнему смущал ребят своим странным восприятием жизни.

— Родителев-то у вас сколько, а? — завистливо го-

ворил Васька.— У которых и по двое... Еще и дома остались... Богато!

— Чего же тут богатого? Обыкновенно.

— А у меня вот совсем нет ни одного родителя. Обыкновенно? Не, опять неравенство. Вы передо мной богачи, а еще кулаков браните.

— Ну, как же ты не понимаешь, Вася, кулаки — это эксплуататоры, а мы...

— Ну, да у них всего больше, чем у других. А у вас вот родителев больше, чем у меня... Выходит, я бедняк, а вы кулаки!

У ребят слезы выступали от обиды, что он так нелепо переиначивает все.

— Ну, ладно уж,— снисходительно говорил Васька,— я не обижаюсь, вот в коммуне отберут вас у родителей, все будем равны!

Ушел он, ублаженный, с карманами, набитыми до отказа конфетами, печеньем и прочей снедью.

Когда ребята отправились спать, родители долго еще не расходились. То разговаривали о будущем своих детей, то пели песни. У костра, над рекой, почему-то всем поется.

И вот что интересно: не мне пришлось их уговаривать оставить детей еще на недельку — они уговаривали меня подольше пожить с пионерами в лагере. И доказывали, что именно так и нужно: в шалашах, на природе, чтобы закалялись.

— Такие ребята нигде не пропадут!

На этом сходились все. И если кто говорил, что дети похудели, а не поправились, тут же раздавался хор голосов:

— А что же им, жиры, что ли, нагонять? Верно: пионеры не курортники. Здоровье не в толщине!

Родители всячески старались вселить в меня веру в то, что лагерь наш может существовать вот так, на подножном корму. Обещались приехать в совхоз на воскресник, помочь нашим благодетелям. Договорились в следующий раз все гостинцы, чтобы поддержать коллективизм, сложить в общий котел. Адвокат потихоньку предложил мне одолжить денег на парное молоко. Он выиграл какой-то процесс, и у него есть «деньги удачи». Но я отказался «из принципа».

Словом, для родителей посещение лагеря обошлось благополучно, они уезжали довольные. Для детей же их пребывание даром не прошло: большинство заболело расстройством желудка. Непомерное потребление домашних сладостей вывело из строя даже стойких, в том числе Игорька.

Уснул я только на рассвете; как залег, так и проспал до полудня, не услышав ни утренней побудки, ни шума и гама оставшихся без вожатого ребят.

22. КАК РАЯ ТОНУЛА

Все понемногу наладилось. Я лежал на прибрежной траве, отдыхая от всех тревог, и любовался купающейся детворой. Резвились в теплой воде Москвы-реки все вместе, мальчишки и девчата, веселые голыши. Девчонки были в том возрасте, когда они еще плоски, худы и тонки, как плотвички. В воде они напоминали мне этих резвых костлявых рыбешек, и я с удовольствием любовался их быстрыми движениями среди радуг, поднятых брызгами. Не нравилась мне только Рая-толстая.

Я досадовал на ее родителей, что ее так раскормили. Бегать ей трудно, спать жарко, купаться неудобно, играть и прыгать тяжело.

Конечно, она не виновата, да и все ребята не виноваты в том, у кого какие родители. Надо брать в пионеры не только детей рабочих и служащих, а всех, кто только захочет быть с нами, чтобы перевоспитались. Независимо от того, нравятся они нам или не нравятся. Не так, как Вольнова, выбрала лишь тех, кто ей по вкусу, одних детей коммунистов, как изюм из булки... Нет, это неправильный путь...

Отчаянный крик с реки прервал мои рассуждения.

— Тонет! Тонет! Утонула Рая!

Когда я очутился на месте происшествия, все девочки были на берегу и, плача и причитая, показывали на воду.

Вода была спокойна, и в ней никого не было.

Я хотел нырнуть прямо с берега вниз головой, и хорошо, что вовремя удержался. Глубина была не больше метра. Внизу под зеленоватыми струями просвечивал плотный песок. Сломал бы я себе шею. Приглядевшись, я увидел, как в сказке о мертвой царевне, лежащей в хрустальном гробу, Раю. Она лежала на песчаном дне, закрыв глаза и раскинув руки, и над ней бежала прозрачная, зеленоватая вода. Это было страшно.

Не понимая, как можно утонуть на мелком месте, я какую-то секунду постоял в нерешительности, но, сообразив, что с глупыми городскими детьми всякое может случиться, скатился с обрыва и в один миг поднял утопленницу со дна.

Бросившиеся за мной ребята помогли втащить ее на берег. Здесь я вспомнил, как на курсах вожатых нас учили делать искусственное дыхание, и принялся за первую практику.

Рая открыла глаза, и ее воскресение приветствовал радостный крик всех пионеров.

Все обошлось благополучно, но этим дело не кончилось. Чтобы Рая не утонула, я решил научить ее плавать. Толстуха оказалась на редкость неспособной. Сколько я с ней помучился! Она болтала руками и ногами как-то без толку, на одном месте.

Когда я ее чуть-чуть поддерживал, плыла, стоило мне отнять руку, хватала меня за шею и топила своей тяжестью, так что я глотал невкусную речную воду.

Но я снова подтягивал ее на мелкое место и упорно обучал плаванию. Ничего не поделаешь — сам бросил лозунг: «Пионер должен плавать, как рыба, бегать, как волк, лазить, как кошка».

23. КАК ПОЯВИЛСЯ «СОС»

Вскоре состоялось совещание садолазов.

Подготовили мы его и провели, надо сказать, с блеском. Вначале в окружающие деревни являлись наши ребята целым звеном, становились на улице, где-нибудь у школы, у пожарного сарая, у кучи бревен, трубили сбор.

Конечно, на звуки горна и бой барабана сбегались все любопытные мальчишки и девчонки.

И тут наши глашатаи объясняли:

— Внимание, внимание! Поспела смородина и малина. Поспели вишни. Растут яблоки. Наступает время лазить по садам. Ребята, мы решили собрать совещание по обмену опытом. Как лазили прежде, как теперь. Лазить или не лазить в будущем. Присылайте делегатов на берег реки, к нашему лагерю у парка. Выбирайте самых отчаянных, самых ловких, самых деловых садолазов.

Тут же проводили выборы и вручали мандаты с правом решающего голоса, написанные на березовой коре.

И ребята пришли. Один за другим, иные крадучись: нет ли здесь подвоха? Босые, простоволосые, сжимая картузы в руках, пряча лукавые глаза под

чубами. И великовозрастные и малыши — «садолазы будущего».

Самым старшим делегатом от «садолазов прошлого» оказался директор совхоза, державший такую речь:

— Я был садолазом, когда еще вас, пацанов, и на свете не было. И знаете, где — в городе Белеве. Там, откуда знаменитая белевская яблочная пастила. Ох, какой это город, какие там сады! Какие грушовки, какие анисы... А груши, бергамот, а дули! И как же нас за них дули! Да знаете ли вы белевских собак? А садовых сторожей? Ну, тогда вы ничего не знаете! Бородачи, глаза ястребиные, голоса медвежиные. Как рявкнут, бывало, «держи-держи!», так от страха с забора свалишься. Да... И все-таки сады мы обчищали... Но ведь это были купеческие, буржуйские сады. А теперь?

— И теперь есть кулацкие, поповские,— сказал какой-то мальчишка из деревенских.

— Про эти не говорю, но есть и народные. Вот этот, совхозный сад, он же принадлежит народу.

— А кто с него яблоки ест? — опять раздался скептический голос со стороны деревенских.

— Вот это интересный вопрос! — подхватил директор.— Для кого мы хотим сохранить яблоки? Надо избрать комиссию, пусть выяснит и доложит. Давайте выберем делегатов от разных деревень, и пусть они...

— А ты скажи сразу!

— Вы же знаете: наш совхоз поставляет овощи, молоко для больниц. Снабжаем мы туберкулезный детский санаторий. Видали бы вы, какие там несчастные ребята лежат! Иные совсем неподвижно, в гипсе.

— Это чтобы горбы не росли, я знаю! — заявил один из деревенских.

— И вот таким ребятам не дать из нашего сада яблока? Да я бы на вашем месте собрал и отнес! А не то что вот так, зря, зеленушками оборвать.

— Мы не оборвем, так другие.

— Верно! Вот потому мы и предлагаем вам создать союз садолазов и взять под свою охрану сад.

— Лазить, но организованно! — сказал Шариков.

— Правильно! — раздались голоса.

Дело кончилось тем, что был создан «СОС» — «Союз Отважных Садолазов». В его совет избрали троих наших пионеров и двоих из деревенских ребят.

Все ребята согласились: зеленые яблоки не рвать, яблони не трясти, собирать только опавшие, караулить сад по очереди, деревенские вместе с пионерами. А урожай яблок разделить поровну: половину — совхозу, половину — караульщикам.

Директора это вполне устраивало. Это было лучше, чем ничего.

* * *

Через несколько дней мы устроили торжественную передачу сада союзу садолазов.

Бил барабан. Звучал горн. Деревенские ребята выстроились в одну шеренгу, пионеры — в другую. Директор совхоза Никодим Петрович зачитал приказ о передаче сада под охрану «СОСа». Костя Котов — председатель совета — прочел клятвенное обещание садолазов сберечь яблоки.

После чего был устроен сбор уцелевших вишен и их дележка. Собрали всего четыре небольших корзинки.

Чтобы доставить вишни в туберкулезный детский санаторий, избрали делегатов. Двух деревенских и от нас Маргариту.

Директор запряг своего выездного коня в пролетку и сам повез делегацию в Москву.

Выглядело это довольно любопытно. На козлах сидел директор, в полотняном костюме, в шляпе, а на сиденье — пионерка с корзиной вишен на коленях и двое босоногих деревенских мальчишек, от волнения утирающих рукавами носы.

Эта поездка произвела действие, не сравнимое ни с какими словесными уговорами, убеждениями, рассуждениями. Когда ребята своими глазами увидели больных костным туберкулезом детей, они были потрясены не менее, чем Данте, которому Виргилий показал мучения грешников в аду.

Стойкая Маргарита говорила о закованных в гипс ребятах со слезами на глазах.

Что и как рассказывали своим друзьям деревенские мальчишки, мы не знали, судить могли только по результатам. Когда мы делили набранную в саду черную смородину, деревенские старались в корзинку для санатория положить ягод побольше. Набивались в провожатые. Один парень принес и добавил из дому «гостинчик» — малосольные огурцы. Какой-то девочке в санатории очень, очень хотелось их попробовать. А другой передал сверчка в спичечной коробке: какой-то мальчуган, вот уже много месяцев прикованный к постели, мечтал, чтобы у него сверчок «чиркал» под подушкой.

— Он его спрячет,— убеждал парнишка,— руки-то у него свободные. Сумеет схоронить, главное, доставить ловко, чтобы никто не заметил!

Доставили и сверчка.

Больные дети, ждущие нашей помощи, вызвали такое участие, такую бурю добрых чувств, внесли такой великий смысл в дело сохранения совхозных яблок, что охрана сада превратилась в самое желанное дело.

В центре его мы построили для дежурных шалаш. А чтобы не было страшно, около шалаша теплился негасимый костер. Всю ночь он таинственно и притягательно мерцал среди старых, корявых деревьев.

Особенно рвались мои ребята в ночные патрули. Девочки требовали равноправия и в этом. Те, кого отстраняли от ночных дежурств за малолетством, огорчались до слез. Приходилось вместе с ребятами постарше брать и малышей.

Как-то я взял с собой Катю-беленькую. Она шла, крепко вцепившись в мою ладонь пальцами, и я чувствовал, что вся она дрожит. Ведь это первый раз в жизни идет она глубокой ночью по темному саду, среди таинственных черных деревьев. Не то во сне, не то наяву. Каждый шорох, каждый незнакомый звук так непонятен и страшен. Почему зашуршало позади? Отчего треснул сучок впереди? Что там упало сверху?

— Вожатый,— шепчет она,— если они спят, а? Мы их напугаем, да? Вот будет здорово!

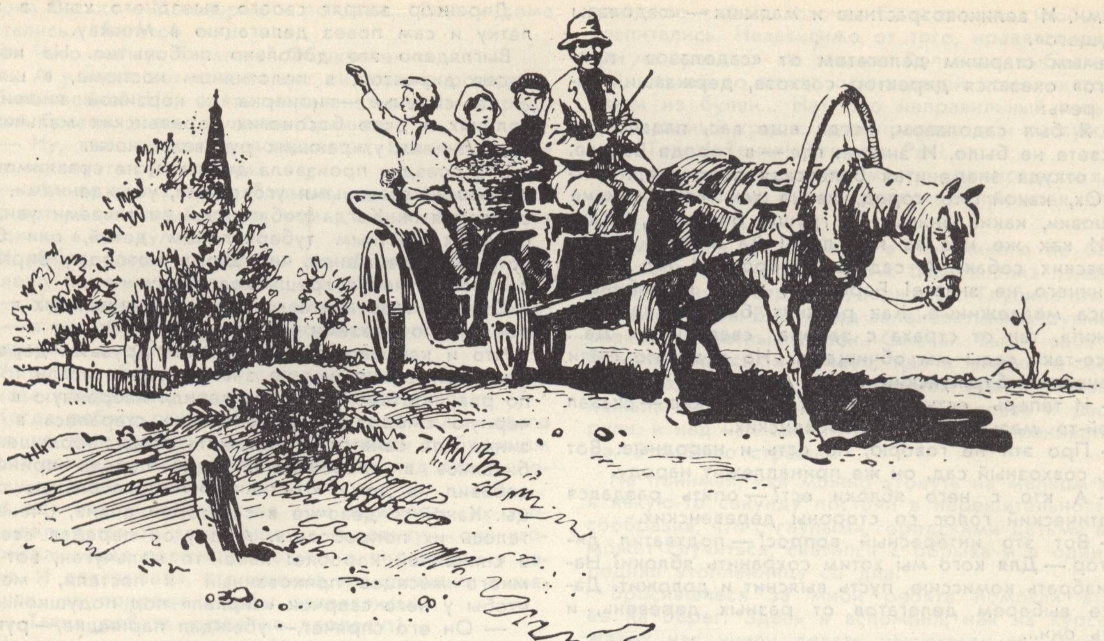
Однако напугались мы сами: нас угораздило набрести на сонную совхозную свинью, которая отбилась от стада. Она вскочила и бросилась прочь с ужасным визгом и хрюканьем.

Мы так и присели.

Свинья, промчавшись мимо костра, перепугала дежурных. Игорек затрубил в горн. Ему отозвался дежурный в лагере, забив в барабан. Общий сигнал тревоги поднял всех ребят.

И вскоре мои пионеры с горящими факелами, заготовленными на всякий случай, стали окружать сад.

В совхозе подняли отчаянный лай все собаки. Прибежал ночной сторож с берданкой, наконец, сам директор, заспанный, босиком.

Директор запряг своего выездного коня в пролетку и сам повез делегацию в Москву.

Учебная тревога, как мы ее назвали, получилась на славу. Ребята были убеждены, что это вожатый проверил их боевую готовность на случай настоящего нападения на сад.

Только мы с Катей-беленькой и знали, кто был причиной переполоха, но тайны решили никому не открывать. Как же мы потом смеялись! И долго еще взглянем друг на друга, приложим пальцы к губам и про себя улыбнемся.

После ночного приключения Катя стала веселей, живей, выше держала голову и на остальных поглядывала самоуверенно.

Ей все девчата завидовали: ведь она поднимала тревогу вместе с вожатым! И это наполняло ее гордостью.

Прошлись мы с ней в сад и еще раз. Подслушали ребячий разговор у костра. Разговаривали какой-то деревенский паренек и Франтик о том, почему интересней дежурить ночью. Франтику нравились ночные дежурства: ночью у него появлялись необыкновенные фантазии. Ему казалось, будто деревья — это заколдованные великаны, будто они по-своему разговаривают, шепчутся. Вот и сейчас — слышишь? — кругом тишина, ничто не шелохнется, а они шелестят листвой даже в безветрии!

Действительно, листва на осинах тихо шелестела. Осиновый лист так устроен, что колышется от малейшего потока воздуха, а воздух движется всегда: лес днем вбирает в себя тепло, а ночью отдает его восходящими потоками.

Деревенский слушал, Франтик рассказывал.

— Тебе нравится, когда вот такая тишина-тишина, а деревья шепчутся?

— Нет,—ответил деревенский,—по мне лучше бы ветерок и когда яблоки сшибает! Утром глядишь — и полный картуз... А теперь, поди-ка, ничего не нападает... И чего дежурил? Приду пустой.

...Так вот почему деревенские стремятся на ночные дежурства! Раньше что-то не очень рвались, а вот как белый налив стал поспевать, как сластена грушовка...

— А мы давай тряхнем... немного,— от доброты душевной предложил Франтик.

— Не,— сказал деревенский.— Это не закон! Раз был такой уговор — не трясти, давай не будем.

Я нагнулся к Кате.

— Слышишь, какие честные деревенские ребята?

— Слышу,— сказала Катя тоном человека, открывшего великую тайну.

— Мы не будем показываться им.

— Хорошо.

Мы крадучись обошли шалаш и, не хрустнув веткой, удалились.

Было безлунно и тихо. Мы шли при свете звезд, угадывая тропинки. Молча, задумчиво. О чем думала Катя-беленькая? Очевидно, о чем-то большом и важном: так сосредоточенно она молчала. Говорят, дети растут ночью, во сне. Мне казалось, что в ночном походе эта девочка-малышка возрастала духовно. Я испытывал какое-то удивительное чувство, ни с чем не сравнимое, наверно, это и было ощущение счастья.

24. КАК НАМ НАВЯЗАЛИ ВОЙНУ

Наконец, после солидной подготовки, вывезла в лагерь своих пионеров и София Вольнова. Ее опытно-показательные расположились в двух километрах от нас, в здании сельской школы.

Сначала явились красноармейцы, выбелили и вычистили помещение. На пришкольном участке разбили военные палатки. Поправили забор вокруг. Очистили дорожки. Посыпали речным песком линейку перед мачтой для флага.

С красноармейцами прибыла походная кухня, прикомандированная по распоряжению Буденного.

Вольнова неплохо использовала тропинку, протоптанную нами к почетному пионеру!

В одно прекрасное утро мы услышали звонкие горны побудки и увидели мелькание белых рубашек и красных галстуков. А через несколько дней к нам явилась делегация. Впереди — трубач, за ним — барабанщик и девять пионеров, все как на подбор. Мальчишки в белых рубашках с закатанными рукавами, синих трусах, девочки в белых кофточках и в синих юбках. Красота! Не то что наши, кто в чем, только по галстукам и отличишь, что пионеры.

Показательные выстроились перед нашими шалашами. Горнист протрубил, барабанщик дал частую дробь, и герольд прочел, развернув свиток, что отряд имени Спартака вызывает нас на войну.

Некогда было нам заниматься такими пустяками: мы по горло были заняты фуражировками, совхозным садом, артельным огородом, проще говоря, борьбой за существование. Но положение обязывает. Военная игра предусмотрена лагерным расписанием, и мы нехотя отправились во вражеский стан вырабатывать условия войны. И тоже трубил наш горнист, и бил барабан, и герольд прочитал, развернув свиток из березовой коры, наш ответ на дерзкий вызов.

А потом в штабной палатке вожди воюющих сторон занялись обсуждением условий и правил пионерской войны.

Вольнова, как всегда, хорошо подготовилась. На ящике из-под консервов, служившем столом, была разложена карта местности, уже снятая и разрисованная ее ребятами. Тут же четко написанные и даже разрисованные правила войны.

Мы уже назывались синими, они — красными. Я не стал спорить. Наши уже окрестили чистеньких пионеров Вольновой «белячка́ми», а они прозвали наших «дикарьками».

Не нашлось у нас возражений и против стратегических условий. Победа будет за тем отрядом, который выведет из строя большинство противников либо отберет знамя.

По вопросам тактики разгорелся жестокий спор. Наши не хотели принимать условностей, предложенных Вольновой.

Как это так? Признать себя пленным, если противник оказался численно сильней? Признать, что двое всегда берут в плен одного? Что побеждают зашедшие с тыла, окружившие, отрезавшие путь к своим? Нет, это не по-нашему, не по-буденновски.

Буденный и с горсткой бойцов белые полчища разгонял. У него один храбрец сотни стоил. Нет, мы хотим как в гражданскую войну: кто храбрей, тот и сильней.

— Да я семерым в руки не дамся! — возмущался Игорек.

— Добровольно отдать галстук! Нет, ты попробуй возьми! — грозно сверкал очками наш «доктор» Шариков.

Не согласился и я на такие условия, хотя для нас они были бы выгодней: пионеры Вольновой были все ровные, отборные, а мои — разновозрастные, среди них немало малышей.

— Пойми,— сказал я Вольновой,— если с детства приучать ребят к таким правилам, мы воспитаем трусов!

Долго мы спорили. Наконец согласились на условиях «честной драки». Каждый боец, защищая звеньевой флажок, знамя отряда, свой красный галстук, с которым он отдавал свою «жизнь», мог бороться изо всех сил. Только не царапаться, не кусаться, не плеваться, не пускать в ход кулаки, не рвать друг на друге одежду.

Отняли звеньевой флажок,— значит, «уничтожили» полк противника; сняли с пионера галстук,— значит, «убит» боец, а если отняли отрядное знамя, тогда проиграна война.

Разрешалось применять военную хитрость и смекалку.

Мои ребята ушли домой в самом бодром настроении. Игорек хитро улыбался.

Я остался. Вольнова хотела похвалиться своим замечательным лагерем.

Да, здесь было на что посмотреть.

В классах сельской школы, сверкающих чистотой, стояли складные кровати. Здесь пионеры спали, каждое звено в своем классе.

А в военных палатках располагался в одной штаб отряда, в другой — красный уголок, в третьей — вожатая и ночная вахта.

— Далековато от реки,— сказал я.

— Так и нужно, чтобы одни купаться не удирали. Раз в день достаточно, по расписанию. Под моим присмотром. Иначе перетонут... У тебя уже едва откачали кого-то?

— Было дело,— признался я.

— Ну, и чему это тебя научило?

— Тому, что все пионеры должны уметь хорошо плавать.

— Ну вот, а отнес бы лагерь подальше от реки,— жил бы спокойней.

— Да, мне-то, конечно, спокойней, но ребятам хочется купаться, ведь лето так коротко...

— Мало бы чего им хотелось! Воспитание в том и заключается, чтобы сдерживать инстинкты. Нет, у меня не посвоевольничают,— усмехнулась Вольнова.

— Пионеры не должны своевольничать, — заявила Вольнова.

В длинном и светлом коридоре располагалась столовая.

Во дворе стояла походная военная кухня, и женщина в белом халате поверх военной формы хлопотала, приготавливая обед.

— Это знаменитый кашевар из буденновской армии,— похвалилась Вольнова,— порекомендовала жена Семена Михайловича. Теперь всех женщин уволили в запас. Она с радостью согласилась поработать у нас лето... Возможно, устроим на зиму в школу готовить горячие завтраки.

Вольнова показывала мне все свое прекрасно налаженное хозяйство с таким счастливым видом, приглашая меня порадоваться вместе, что я невольно похваливал и улыбался.

— Пойдем посмотрим, как мы живем,— пригласил я ее.

— А что у тебя смотреть? Шалаши? Ничего в этом не вижу поучительного. Самообслуживание? Ну, ведь это же по необходимости. Зачем прививать ребятам эти навыки, когда в будущем все будут пользоваться общественным питанием! Походы

в деревню, участие в классовой борьбе, помощь беднякам против кулаков? Зачем это? Для политического воспитания? Ну, подумай, нужно ли это людям будущего, которых мы готовим! Ведь когда они вырастут, ничего подобного уже не будет! Зачем им такие понятия? Им надо прививать навыки коммунистического бытия!

— А ты их знаешь?

— Знаю, конечно. Во-первых, организованность, дисциплинированность; коммунистическое общество — прежде всего организованное общество.

Ушел я из этого опытно-показательного лагеря с ощущением какой-то скуки.

25. КАКОЕ КАПИТАЛЬНОЕ ДЕЛО — ВОЙНА

Навязанная нам война сразу осложнила и затруднила всю нашу с трудом налаженную жизнь.

Вернувшись в лагерь, я застал ребят за новым занятием, которое прежде им и в голову не пришло бы. Одни таскали друг друга за галстуки, как драчливые петухи за гребешки. Оказывается, тренировались, как ловчей сорвать с противника галстук. Другие занимались борьбой — упражнялись, как одному отбиться от двоих нападающих.

На обеденном столе уже была разложена карта местности, по памяти скопированная Игорьком с карты наших противников. Штаб уже обсуждал план наступления и скорой победы.

— Нам же некогда,— говорил Шариков,— мы с этой войной пропадем. Если она затянется, не прокормимся. Надо с ними расправиться поскорей.

Никто не хотел идти на фуражировку: опасались внезапного нападения. Недалеко от лагеря были замечены вражеские лазутчики.

Никто не хотел охранять сад: нужно было беречь лагерь, а то «свистнут «белячки» знамя»,— и все пропало. А белый налив поспевал, грушовка была уже съедобной.

Я понял: война для нас — это беда. Ничего она нам не прибавит, кроме разбитых носов. Не предложить ли мне Вольновой объединить наши силы для настоящей войны за сохранение совхозного сада? По крайней мере здесь и результат будет ощутимый — яблоки.

Но остановить эту стихию было уже нельзя: «бог войны» вырвался на простор, и все ребята были охвачены воинственным азартом. Все мирное потускнело, потеряло интерес. Даже девочки и те вели себя воинственно.

Все только и думали, как перехитрить «белячков», как содрать с них галстуки, отнять звеньевые флажки, забрать отрядное знамя. Все были как в лихорадке. Никто не мог спать, всем чудилось, будто подкрадываются враги.

Ребята разожгли большой костер, пели воинственные песни, про конную Буденного, раскинувшуюся в степи, с особым чувством повторяя припев:

Не сынки у маменек
В помещичьем дому,
Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму!

Не спалось и «противникам» при всей их дисциплинированности. Запертые в стенах школы, они смотрели в нашу сторону сквозь противокомарные сетки. Несколько смельчаков выбрались на крышу и кричали:

— Дикарьки тревожатся!

— Пляшут дикий танец войны!

Постоянно шли поиски разведчиков и стычки патрулей.

Мы решили сами произвести «демонстрацию в сторону противника».

Неожиданно позади нас, вблизи старинной коломенской колокольни, было замечено целое звено «белячков».

Звено «Спартак» выбежало навстречу. Но «показательные», не принимая боя, стали отходить к трамвайной остановке. Наши догадались: заманивают! Отвлекают наши силы, чтобы напасть на лагерь!

Вернулись. И решили сами произвести «демонстрацию в сторону противника» небольшими силами. Участвовали двое шустрых — Игорек и Франтик — и один сильный — Котов. А для обмана противника взяли с собой деревенских ребят, из союза садолазов. Подошли к лагерю «белячков» со стороны деревни, откуда их не ожидали, и застали противника на реке во время купания.

Недолго думая, наши ребята бросились к одежде, смяли охрану и, похватав оставленные купальщиками галстуки,— наутек. Вслед за ними парламентеры из «вражьего стана». С протестом, что это не по правилам.

— А как же на войне? Однажды белые напали на буденновский отряд во время купания. Наши вскочили на коней голышом, сабли в руки — и в бой. Отогнали беляков, а потом докупались! Вот и вы бы так.

Так и не отдали трофеев.

Сами во избежание подобных происшествий стали купаться в галстуках.

Все только и жили военными помыслами. Перестали носить траву для совхозных коров. Перестали помогать огородникам. Нераспроданные книжки Мириманова пылились в шалаше. Питались мы кое-как. В одну неделю подурнели и отощали, словно от какой-то болезни.

* * *

— Что с вами, ребята?

— Что-то вы похудели!

— Все какие-то поцарапанные, встревоженные, глаза у вас врозь, почему это?

Такими вопросами забросали нас папы и мамы в очередное родительское воскресенье.

— Война! — отвечали мы.

— Какая война, с кем? Вас невзлюбили местные ребята?

— Ах, так это военная игра! С другим отрядом. Так-так, понимаем...

Родители несколько поуспокоились, но весь день с любопытством поглядывали в сторону наших «противников», с которыми на воскресный день мы заключили перемирие. К ним тоже приехали родители. И многие ехали вместе с нашими на одном трамвае. По-видимому, разговорились и кое-что рассказали друг другу про жизнь своих детей.

Некоторые папы и мамы, как бы невзначай, спрашивали меня:

— А в том отряде ребята тоже на самоснабжении?

— У них так же, как у вас, полное самообслуживание?

Я отвечал уклончиво и чувствовал, что мои ответы не гасят искры сомнения, зароненные в души взрослых теми, чьи дети живут в районном опытно-показательном лагере.

Надо сказать, что родители наших ребят на этот раз вели себя более разумно и организованно. Все продукты были сложены в общую корзину. Папы и мамы не завладевали своими детьми, как собственностью, не пичкали сластями, уводя подальше от других, оставляли ребят заниматься своим делом и любовались со стороны. Словом, не нарушали строя нашей жизни.

А вот мы оплошали. Лагерь был захламлен, новых шалашей не появилось. Не оказалось у нас ни удивительной щуки, на которой мы «выехали» в прошлый раз, ни корзины свежих яиц, ни сметаны...

Родителям пришлось обходиться продуктами, привезенными с собой.

Это было уже скучней.

«Доктор паровозов», он же слесарь Кузьма Петрович Шариков, как и обещал, вместе с Ваней и Костиком отправился «на фуражировку», чинить-паять ведра, кастрюли и молочные бидоны в совхозе.

Любителям рыбной ловли тоже нашлось дело. Наши ребята отыскали занесенный песком челн, выдолбленный из ветлы (его, очевидно, потеряла какая-нибудь баржа, приходившая снизу в половодье).

Рыболовы принялись его чинить, конопатить и вскоре уже удили с него плотву и ершей.

Им были незаметны непорядки в лагере.

Остальных мы решили отвлечь экскурсией в охраняемый нами сад.

И здесь наши ребята сумели заинтересовать взрослых заманчивой перспективой — заготовить на всю школу яблок.

Игорь и Франтик затеяли увлекательную игру. Подводили взрослых к какой-нибудь яблоне и спрашивали: угадайте, сколько на ней яблок?

Начинались угадки, споры, заключались пари.

И ребята поражали всех, заявляя:

— На этой антоновке одна тысяча двести тридцать два яблока!

Или:

— На этой — сорт скрижапель — всего девятьсот восемьдесят. Зато вот на этой боровинке тысяча триста шестьдесят яблок!

— Да не может быть!

— Кто не верит, пусть проверит!

Начиналась сложная проверка, и в конце концов выяснялось, что ребята подсчитали точно.

— А всего на восьмидесяти семи урожайных яблонях зимних сортов у нас около ста тысяч яблок... Если мы их сохраним с отходом двадцать процентов, то на нашу долю достанется столько яблок, что нам хватит в течение трех месяцев на всю школу, если каждому школьнику выдавать по яблоку каждый день, считая и воскресенье! Вот как! — заявил ликующий Франтик.

А на скептическое «не может быть» Игорек тут же дал точный арифметический расчет.

Родители были так увлечены этой наглядной арифметикой, что весь день провели в саду.

Многим не верилось, что мы укараулим такой сад. «Придут мужики с мешками и отрясут».

— Но того нельзя позволять,— говорил отец Франтика, варшавский пекарь, осевший в Москве после двух войн и революции. Он обещался взять отпуск и поселиться в шалаше. У него есть ружье. И губная гармошка. На гармошке он будет играть, чтобы все знали, что не спит, а из ружья пострелivать — для острастки. От него мы узнали, что настоящее имя Франтика — Франтишек.

Более практические родители побывали в совхозе, и директор подтвердил, что совхоз выполнит свои условия; были бы яблоки, а разделить нетрудно.

Папы и мамы выкупались, попили чайку из нашего пузатого великана-самовара, и настроение у них как будто было неплохое. Но что-то недоговоренное оставалось, что-то томительное, что пере-

давалось и мне. Нет-нет да и поглядывали некоторые в сторону палаточного лагеря.

Не скрасило концовки и появление «доктора паровозов» с бидоном свежего молочка. Молочка наши гости попили, но задушевный разговор у костра почему-то не состоялся.

Мы почувствовали, что родители не совсем довольны нашим житьем. И, прощаясь, многие говорили:

— Похудел ты, сынок, право...

— Подурнела ты, дочурка, нехорошо...

Перед отъездом все выполнили свое обещание и оставили в нашей общей кассе понемногу денег, чтобы нам хватило на хлеб и на молочишко до следующего приезда.

Но не было той радости, которая светилась на лицах отъезжающих в прошлое воскресенье.

В тот раз наши гости были приятно удивлены. Они ожидали увидеть худшее и были покорены нашей убежденностью, что так нужно жить юным пионерам, на лоне природы, подобно робинзонам, иначе и быть не может.

А теперь они засомневались. Несколько человек ушли пораньше, чтобы сделать крюк и зайти в палаточный лагерь. А другие, дойдя до знаменитой коломенской башни, остановились подождать своих утренних попутчиков. Здесь соединялись обе дороги: и к нам и к нашим воинственным соседям.

Даже Катины молодые тетки и те покидали наш лагерь недовольными: они обиделись. Ведь я обещал построить для них отдельный маленький шалаш, в который они приедут в субботу с ночевкой, поживут на воле, по-пионерски. Они так и сделали, явились вечером, а шалаша-то и нет. Не до него мне было с этой войной.

И, провожая их, я испытывал угрызения совести.

Но это еще не все, самым горьким было для нас прощание с дядей Мишей. Михаил Мартынович получил назначение на заграничную работу, по линии Внешторга, во Францию.

Он был грустен, рассеян. И хотя обещал, что сам подыщет нам в замену нового партприкрепленного, и ничуть не хуже, по всему было видно, что покидает он нас с тревогой в сердце.

Когда мы собрались, чтобы подвести итоги этого дня на совете отряда, Костик выразил общее мнение, сказав:

— Войну пора кончать!

26. КАК МЫ ОСУЩЕСТВИЛИ ОПЕРАЦИЮ «МОКРЫЙ ПУДЕЛЬ»

Но оказалось, легко войну начать, да нелегко ее кончить. Сдаваться на милость победителя мы не собирались. Предлагать мир тоже как-то странно в самый разгар, когда у всех такой азарт.

— Надо их победить одним ударом — и все!

И наши ребята предложили самый простой способ вывести противника из войны: отнять отрядное знамя.

Оказывается, Франтик и Игорек выработали неотразимый план под названием «Мокрый Пудель». Они только не хотели его применять, чтобы война так скоро не кончалась.

План был фантастически прост. Но ребята побаивались выполнять его без меня. Пришлось пойти вместе. Этой же ночью мы пробрались во вражеский лагерь, проникли в штабную палатку, привязали к древку знамени крепкий шпагат от сноповязки, клубок которого ребята отыскали на совхозной свалке.

Работали мы довольно долго. И никто не проснулся. Крепче всех спал школьный сторож в теплом овчинном тулупе. Поначалу мы еще остерегались, ползли, затаив дыхание, замирали при каждом шорохе, но потом ходили, почти не таясь, как в сонном царстве. Самим не верилось, что можно так разгуливать во вражьем стане.

На меня напало какое-то озорство, так и подмывало выкинуть какую-нибудь шутку, оставить по себе какую-нибудь память. Ночь была светлая. Когда я отогнул край палатки, полоса света упала на лицо Вольновой. Она закрылась рукой, но не проснулась. Я постоял минуту. И она, словно почувствовав мой взгляд, повернулась и будто прислушалась: дыхание ее притихло.

Интересно, что она теперь видит во сне?

Поймав за руку Игорька, я попросил у него шепотом его талисман, двойной орех. И осторожно вложил его в руку Вольновой, лежавшую поверх тканьевого одеяла. В ладонь, которую она держала лодочкой.

Рука медленно сжалась. Орех мой был принят.

Я медленно опустил полу палатки и пошел прочь. Ребята уже протянули бечевку за территорию лагеря и разматывали клубок дальше, маскируя шпагат сухой травой. Если не заметят, мы за эту бечевку потянем и утащим у них знамя, вот и все...

Утром, лишь только перекликнулись наши горнисты, два наших звена демонстративно перешли через ручей и направились к лагерю «белячков». Там заметили. По тревоге навстречу вышло тоже два звена.

Наши маневрировали, показывая чудеса подвижности. То исчезали, то появлялись в неожиданном месте. Лягут вдруг в высокую траву, а сами проползут, скатятся в овражек, а по нему что есть духу бегом до вершинки. И очутятся на краю сельских огородов, у конопляника.

«Белячки» туда, а наше звено там пропадает и возникает в другом месте. «Белячки» к нему, а звено снова возникает из конопляника. Оно просто лежало там, затаясь в траве, пока второе демонстрировало. Мы заранее отработали этот нехитрый прием, когда два звена изображали одно.

И вот, когда внимание любопытных «белячков» было отвлечено, в лагере у них вдруг возник страшный переполох.

— Знамя утащили! Знамя!

По лужайке, ведущей к нашему лагерю, мчался Костя, размахивая красным полотнищем, за ним «белячки». Они думали, что он утащил знамя. Но Костя только отвлекал их куском красной материи, а с настоящим знаменем по склону к реке чесал никем не замеченный Игорек.

Он вытянул свернутое, зачехленное знамя бечевкой, и оно юлило за ним по траве веселым ужом.

В погоню бросилась сама Вольнова. Она летела, не касаясь земли, я еще не видывал такого легкого, стремительного бега. Вот настигла знамя. Бросилась к нему, сделав «прыжок тигрицы». А Игорек дернул бечевку, и Вольнова упала животом на траву, ловя пустоту!

Когда она поднялась, Игорек уже несся над берегом Москвы-реки, незаметно передав конец бечевки затаившейся под обрывом Маргарите.

А Маргарита, не показываясь из-под берега, только перебирала руками бечевку, подтягивала знамя. Обманутая Вольнова и ее длинноногие девочки, не замечая этого, неслись наперехват Игорьку. Они сокращали расстояние по диагонали, и все видели, что ему не уйти.

Вот они его настигают. Вот окружают, как борзые зайчишку. Готов! Сама Вольнова хватает его в объятия. А знамени у него нет.

Я падаю на землю и не могу подняться от смеха. А наша Маргарита, никем не замеченная, плывет себе на тот берег, утопив под себя свернутое знамя. На том берегу ждут ее наши храбрые малыши.

Кто обратит внимание на каких-то девчонок, собирающих на том берегу цветы и плетущих себе веночки?

Игорек был взят в плен и едва не задушен. Сколько ни пытались с него стащить галстук, так и не смогли: изобретенный нами затяжной узел был неодолим. Тогда его потащили в плен за руки и за ноги, и он не очень отбивался.

Но где же знамя? Куда девалось? Смятение в стане врагов не поддается описанию.

Пока «показательные» возились с Игорьком, наши девочки спокойно пронесли знамя до переправы, сели в ту самую лодку, что мы отремонтировали руками азартных рыболовов, и, замаскировав трофей луговыми цветами, доставили его кружным путем в лагерь.

Горнист заиграл общий сбор. Забили в барабан, и весь наш отряд стянулся на свою территорию. На виду у изумленных «белячков» мы развернули свое непобедимое знамя и перед ним пронесли склоненное знамя наших противников.

Игорек уже несся над берегом Москвы-реки.

Знамя отнято, война окончена, победа! Велика была горькая ярость побежденных! Они явились всем отрядом, явно желая поколотить нас и отобрать свое знамя силой.

Сила была на их стороне, но на нашей стороне — правда. А кроме того, деревенские мальчишки. Все бывшие садолазы сбежались на этот шум и стояли на опушке парка внушительной стенкой. В случае чего, стоило нашим ребятам мигнуть...

Деревенские ребята с пристрастием наблюдали эту войну, сочувствуя, конечно, нам. У них давно руки чесались. И мы все время опасались, как бы их непрошеное вмешательство не превратило нашу игру в настоящую драку.

«Опытно-показательные», очевидно, поняли это и, встав строем против наших шалашей, стали хором выкрикивать: «Не-пра-виль-но! Не-пра-виль-но!»

А наши в ответ нечто непонятное:

— Белый пудель шаговит, шаговит, мокрый пудель победит, победит!

Так мы перекликались бы довольно долго, и ребята уже стали переходить к дразнилкам, показывая друг другу языки и кукиши, но тут вышла вперед Вольнова и решительно направилась к нам. Я поторопился навстречу.

— Это не по-товарищески! — сказала она сквозь зубы.— Отдавайте наше знамя... Украли, вытащили веревочкой, как вагонные воришки. Это не победа... Это не война...

Вольнова чуть не плакала. Да, мудрая, разумная София едва сдерживалась, чтобы не разреветься по-девчоночьи! Губы ее кривились, и глаза застилали слезы.

— Соня! — сказал я.— Надоела нам эта война, давай мириться!

— Нет, это не по правилам! Не по правилам,— твердила она, ломая себе пальцы.

— Как же не по правилам? Мы применили военную хитрость и только. Провели операцию по всем правилам военного искусства.

— Нет, нет, нет!

Видя, что Вольнова не успокаивается, я решительно взял ее за руки и сказал:

— Соня, пойми, мы не могли больше воевать. Нам некогда. Сад надо караулить. Продовольствие добывать. Мы были вынуждены пойти на хитрость... Ну, давай покончим всю эту игру почетным миром. Сядем вот здесь, на нейтральной почве, вместе с советами отрядов, произведем размен галстуками, пленными. Устроим объединенный парад...

— А зачем, зачем вы пронесли наше знамя склоненным перед вашим?.. Зачем? — От моего ласкового тона она еще больше раскисла и едва сдерживала рыдания.

— Ну, прости, Соня, я не знал, что это тебя так обидит... Ну, возьми себя в руки...

Но после этих слов Вольнова не только не успокоилась, а вдруг всхлипнула совсем по-детски и так заревела, что крупные слезы брызнули, как давно собиравшийся дождь.

Это было ужасно, стыдно, нелепо. Я готов был либо провалиться сквозь землю, либо вознестись на небо, лишь бы не стоять рядом с ней под взглядами наших ребят и деревенских союзников.

Закрыв лицо руками, Вольнова села на землю, и это позволило мне несколько выправить положение. Я подал громкую команду:

— Советы отрядов, сюда! Горнисты и барабанщики, ко мне!

И ребята обоих отрядов послушались

Когда они сыграли «внимание», я объявил, что мирные переговоры начинаются, и пригласил советы отрядов сесть в один круг.

За всеми этими действиями ребята отвлеклись, а тем временем Вольнова овладела собой.

Делая вид, что ничего особенного не произошло, я дал оценку нашей войне, похвалил обе воюющие стороны и предложил заключить вечный мир. Мое предложение было принято.

Затем мы устроили общий парад, отдали одинаковые почести обоим знаменам. И вместе отправились купаться.

Я все поглядывал на Софию. Она все еще была невесела и задумчива. Я впервые видел на ее невозмутимом челе какое-то раздумье, в движениях — неуверенность. Вспомнил, как она вдруг всхлипнула, как маленькая, и в сердце моем что-то потеплело. Я пожалел Вольнову. Трудно ей придется в жизни, если не все окажется по ее желанию, не все по ее воле. Не во всем она будет лучше всех.

Желая помочь Софии снизойти к простым человеческим отношениям, я как можно ласковей сказал:

— Сплаваем на тот берег. Только не для соревнования... Просто так, для удовольствия.

Она молча кивнула голубой шапочкой, и мы поплыли. Плыли не торопясь, наслаждаясь, и мне казалось, что впервые наши чувства одинаковы.

Когда мы загорали на песчаном мыске, Вольнова сняла резиновую шапочку и стала сушить волосы.

Я разглядывал ее, еще и еще раз удивляясь, что на свете могут быть такие красивые люди. И странное дело: чем больше я вглядывался в ее красоту, совершенную, без единого изъяна, тем больше я отстранялся, словно отходил подальше, разглядывая статую или картину.

Вдруг я вздрогнул: София улыбнулась. Улыбнулась впервые за все время нашей дружбы-вражды. До сих пор она либо сердилась, либо смеялась, либо оставалась невозмутима, но никогда не видел я на лице ее улыбки. Это было так удивительно, что я затаил дыхание. Улыбка как-то необыкновенно смягчала, делала человечным и милым ее строгое лицо.

— Странно,— сказала она, удерживая на лице улыбку,— ты знаешь, как странно, я видела тебя сегодня во сне.

Я молчал, совершенно ошеломленный.

— Вот странно,— повторила она. И тут же, словно спохватившись: — Ты только не зазнавайся!

Я не понял, отчего же мне зазнаваться. Может быть, во сне она драла меня за уши или укладывала на обе лопатки!

— Соня,— сказал я,— почему ты сегодня так обиделась? Ведь я же не обиделся, когда ты при всех курсантах положила меня, помнишь, когда боролись.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Вольновой. Его вдруг исказила некрасивая гримаска:

— Когда в наше время женщина в чем-либо побеждает мужчину — это прогрессивно, ты понимаешь? А когда мужчина берет верх — это отрыжка старого. Торжество атавизма! Контрреволюция!

Тут меня так и подбросило с песка, словно карася на горячей сковородке.

— Нет, ты соображаешь, что ты говоришь, Соня! Значит, ты плакала оттого, что в моем лице видела унижающего тебя контрреволюционера,— так надо понять?

— Да, да, да! Вы должны были проиграть войну!

— Почему?

— Потому! Ну, как ты не понимаешь,— твой лагерь дикий, а мой показательный, в нашем дневнике не может появиться такое... Это же невозможно показать в отчете. Я тебя ненавижу!

Она затопала ногами, утопая в песке, это было смешно, и я рассмеялся.

— На другое ты неспособен, как только портить мне все разумные планы и смеяться!

Пионерские горны, заигравшие отбой купанию, позвали нас на тот берег, прервав нашу ссору.

Когда мы одевались, из кармана Вольновой вдруг выпал орех-двояшка. Она торопливо сунула его в карман блузки, взглянула на меня как-то странно, словно испуганно. И ушла в смятении чувств...

27. КАК НАС УДИВИЛИ ФРАНЦУЗЫ

Послышалось предупредительное позванивание из «Орлиного гнезда». И на мой вопрос, что там видно, дозорный прокричал:

— Курсом на лагерь семеро неизвестных... Пятеро мужчин в беретах. Две женщины. В штанах. С фотоаппаратами!

Еще издалека послышался частый, звонкий говор, непохожий на русский. Увидев наш лагерь, неизвестные вдруг припустились вперегонки. Первыми ворвались к нам женщины с веселым криком:

— Салют! Салют! — уставились на шалаши и тут же начали их фотографировать.— Как это зовут? Ша-ла-ши... О, как хорошо! — А сами щелк, щелк, стараясь заснять наших мальчишек и девчонок на фоне диковинных дикарских жилищ.

Подоспели мужчины и приветствовали нас поднятыми сжатыми кулаками. Значит, свои, это приветствие «рот-фронт».

Подбежал запыхавшийся круглолицый толстячок и объяснил:

— Ребята.... Это к вам — французские коммунисты, посмотреть, как живут русские пионеры...

— Морис! — представился худощавый блондин.

— Жак! — показал на себя плотный шатен небольшого роста.

Я всегда думал, что французы должны быть черные, и удивился, что они ничем не отличаются от русских, только говорят не как мы.

В толстячке я узнал редактора журнала «Пионер» Добина. В объемистом портфеле у него были свежие номера журнала, пахнущие типографской краской и бутербродами.

— У нас здесь есть другой лагерь, опытно-показательный, настоящий, вон там, на горе, подальше,— сказал я ему потихоньку.

Добин рассмеялся:

— Ничего, ваш интересней. И у нас к тебе дело есть... Ну, это потом. Пошли купаться!

Купание с французами удалось на славу. Купались они весело, все время шутили и смеялись. Ловили в воде друг друга. Пойманного хватали за ноги и за руки и, раскачав, бросали в воду.

В этой игре приняли бурное участие и пионеры.

Морис и Жак устроили для ребят живую вышку. Встали в реке, взявшись за руки, ребята вскакивали на их сцепленные руки. И, подброшенные как из катапульты, звонко шлепались в воду.

Потом на лужайке играли в чехарду. Прыгали одинаково ловко и мужчины и женщины. Не отставали и наши длинноногие — Костя, Рита и Катя-большая.

Забавно получалось и у Добина. Он не решался из-за своего маленького роста перескочить через спины французов. И разбежавшись, опирался на спину, отскакивал вбок козликом.

Наши ребята так и валились на траву от смеха при виде его потешных прыжков.

Потом побежали смотреть парк и рвать вишни. Ребята были в восторге, что взрослые дяди умеют лазить на деревья, как мальчишки.

Потом гости сами готовили еду и совершенно не по-нашему. Из вишен и яблок сварили суп. На второе поджарили яичницу с кусочками хлеба и сделали салат. Нас поразило, что в салат они положили не только редиску, свеклу и морковь, но и мелко нарезанную сырую картошку... А самое удивительное — листья подорожника, сдобрив все это подсолнечным маслом.

Наши ребята пробовали — и ничего, прожевывали. Даже хвалили. Немало веселья вызвал наш купчина-самовар. Женщины сфотографировались с ним в обнимку. А мужчины с азартом собирали еловые шишки и раздували так, что из самовара летели искры.

Чаепитием с добинскими бутербродами, пахнущими типографской краской, и закончилась эта встреча.

Гости все время рассказывали что-нибудь веселое.

Французы ворвались к нам, как летний вихрь, закрутили в каком-то веселом темпе, казалось, само время убыстрилось. Не успели оглянуться, как уже провожаем. Идем гурьбой, поем песни и танцуем, взявшись за руки, хороводом, под карманьолу.

Вернулись мы ошеломленные. Все были удивлены, что французские коммунисты такие веселые. Ведь они же угнетенные! Живут в буржуазной стране под гнетом капиталистов. Мы представляли себе, что на лицах трудящихся, приехавших к нам из зарубежных стран, должно быть выражение горя и печали. А эти смеются!

— Это они у нас так смеются, а дома у них не посмеешься,— сказал рассудительно Шариков.

— Ну, конечно,— подхватила догадливая Катя-маленькая,— потому они и веселились у нас, что на свободе хотели насмеяться в запас!

Было как-то неловко, что день с французами прошел у нас так сумбурно. Не устроили ни митинга, ни пионерского костра, у которого они бы нам по порядку рассказали, как у них живет детвора, а мы — про свою жизнь. Только купались, да бегали, да играли. Да еще много фотографировали. А о жизни как следует и не поговорили.

Впрочем, выяснилось, что среди шуток, купания, хождения за вишнями и собирания еловых шишек французы успели кое о чем и спросить, кое-что и рассказать.

Симона сказала Кате-маленькой, что у нее вот такая же сестренка, даже еще поменьше ростом. Что она никуда не выезжала из Парижа. И ей трудно будет поверить, что детям бедняков можно жить вот так привольно. Ведь это роскошь — жизнь на свежем воздухе.

Жак спросил Ваню Шарикова, кто его отец, и похвалил его желание стать инженером-изобретателем.

Прюданс, узнав что Рая-толстая — дочь адвоката, сказала, что ее решение сдружиться с пролетарскими ребятами прекрасно.

У многих ребят оказались сувениры: крошечные рубиновые звездочки, малютки-блокноты с карандашами величиной со спичку.

А все-таки на душе у меня было неспокойно. Хоть я и утешал себя: вот, мол, в следующий раз, когда у нас будут иностранцы, уж тогда-то мы...

* * *

Наутро вдруг явилась Вольнова в сопровождении двух высоких, решительных девчонок.

— Говорят, у вас вчера была французская делегация. Это правда?

— Были какие-то...— пробормотал я, чувствуя недоброе.

— Какие-то...— На щеках Вольновой медленно проступил румянец, показатель еле сдерживаемого гнева.— Да это не какие-то, а наши, понимаешь, это запланированные нам французы. Они шли к нам... а вы их перехватили!

— Сами зашли, никто и не думал перехватывать.

— Нет, ты понимаешь, что вы наделали? Они шли к нам, в настоящий пионерский лагерь, и вместо этого увидели такое дикарство!

Обе девчонки повернули лица по направлению ее указующей руки и осмотрели шалаши с презрением.

— Какое же у них будет представление о нашей пионерской организации! — Вольнова схватилась за голову.

— Да им у нас очень понравилось! — сказал Костя.— Даже фотографировали...

— Фотографировали? О! — простонала Вольнова.— Да знаете ли вы, что это были руководящие товарищи из ЦК Французской компартии! Из газеты «Юманите»! Вы представляете, что будет, если они напечатают снимки ваших грязных шалашей, вашего ужасного самовара, ведь это же невероятная, экзотическая развесистая клюква! Что же теперь делать? Ехать в Москву? Да, немедленно! Все объяснить. Снова пригласить. Попытаться исправить!

Она рассуждала сама с собой, не обращая на нас внимания.

— А этот Карфаген,— указала она на наш лагерь,— необходимо разрушить!

И удалилась в сопровождении безмолвных девчонок с выражением решительности на лицах.

Вот какая неприятная история произошла у нас из-за французов. И на этом она не кончилась. Несколько позже были и последствия.

(Окончание в следующем номере.)

Великий Кобзарь

Седой человек с добрым, ясным лицом сидел в прихожей богатого барина, помещика Энгельгардта. Посетителю — а это был известный художник Венецианов — пришлось прождать около часа, пока помещик соблаговолил принять его. Но Венецианов не позволил себе вспылить: ведь от этого разговора зависела человеческая судьба! Он пришел добиваться освобождения одного из крепостных Энгельгардта.

Старый художник заговорил было с помещиком о великодушии, о филантропии, о любви к людям. Но тот грубо прервал Венецианова и насмешливо спросил, чего, собственно, от него, Энгельгардта, хотят: чтобы он дал отпускную одному из своих людей? Он не намерен разоряться! Если нужен крепостной, платите деньги.

Венецианов был вне себя. Ему предлагают участвовать в отвратительной торговле человеком! Преодолевая гнев, художник попросил Энгельгардта назначить цену.

— Так бы прямо и говорили,— ухмыльнулся помещик.— Вот вам моя цена: две с половиной тысячи рублей, и ни копейки меньше.

Две с половиной тысячи... От них зависела судьба Тараса Шевченко, талантливого художника и поэта.

Его друзья были в отчаянии. Они не располагали такими деньгами. А между тем следовало действовать без промедления: жизнь Шевченко была под угрозой. Он был близок к самоубийству.

И вот возник необыкновенный план. Жуковский будет позировать Брюллову, а потом портрет великого поэта, сделанный кистью великого живописца, будет продан с аукциона. Никогда Брюллов ни одного своего шедевра не создавал так быстро. Изумительный портрет был написан за два часа. Граф Виельгорский устроил в своем особняке вечер, на который собралась вся петербургская знать. Деньги на выкуп были добыты.

«Тысяча восемьсот тридцать восьмого года, апреля двадцать второго дня, я, нижеподписавшийся, уволенный от службы гвардии полковник Павел Васильевич сын Энгельгардт, отпустил вечно на волю крепостного своего человека Тараса Григорьева сына Шевченко, доставшегося мне по наследству после покойного родителя моего... до которого человека мне, Энгельгардту, и наследникам моим впредь дела нет и ни во что не вступаться, а волен он, Шевченко, избрать себе род жизни, какой пожелает».

Читая эту бумагу, Тарас Шевченко плакал.

— Воля, воля,— едва мог вымолвить он.

Великий поэт Украины стал свободным. Но народ, его народ по-прежнему был в рабстве. Каждая строка стихов Тараса Шевченко полна боли за народ, ненависти к его палачам.

Есть у него несколько стихотворений с общим названием «Молитвы». В них он предъявляет свои требования богу. Да, это не мольбы, это требования.

Царей — кровавых шинкарей
В оковы крепкие закуй...

Он гневно упрекает бога за то, что «тем несытым очам, тем кумирам царям» достались все богатства земли. Он требует, чтобы бог оказал справедливость трудовым людям «на их обкраденной земле». Он восстает и против бога, царя царей, который допускает столько жестокости, горя и несправедливости в подвластном ему мире. В стихотворении «Кавказ», рассказывая о слезах и крови людской, он в страстной ненависти бросает в лицо этому равнодушному богу: «а ты, всевидящее око, чтоб ты лопнуло!»

Автопортрет. 1860 г. Т. Шевченко.

...Жаркий степной полдень. У пыльной дороги, в тени одинокой вербы седой кобзарь, бродячий народный певец, поет свои песни-думы. Поет о казачьей вольнице, о борьбе крестьян против панов, за землю, за счастливую долю. Поет о народных восстаниях и об их вожаках — Гонте, Железняке. Поет о буйной Запорожской Сечи, поет о просторных степях и вишневых садочках, о звездных ночах и соловьиных зорях. «Кобзарь» — так назвал Шевченко первую книгу своих стихов. «Наш Кобзарь» — так назвал Тараса Шевченко украинский народ; тот народ, за счастье и волю которого поэт поднял свой голос и пожертвовал своей собственной, такой желанной волей. За дерзкие стихи он был отдан в солдатчину, иными словами, осужден на двадцатипятилетнюю каторгу и сослан отбывать ее в Новопетровский форт. На сопроводительной бумаге собственной рукою царя было написано: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать».

Песне наступили на горло. Но поэт ничего не забыл за годы солдатчины: ни любви, ни ненависти. Он остался пламенным Кобзарем.

Затерявшийся среди прикаспийских степей форт называется теперь Фортом Шевченко. То же светлое имя носит тихое украинское село Кирилловка, где в семье крепостного рос мальчик Тарас.

10 марта 1861 года. В этот день, сто лет назад, ушел из жизни великий поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Этот день по призыву Всемирного Совета Мира отмечает все передовое человечество.

ИЗ СТИХОВ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Где ваш кров на свете?
В край родной идите, дети!
К нам на Украину,
Сиротине ж на чужбине
Гибнуть мне — судьбина.
Там найдете сердце друга,
Оно не лукаво,
Там найдете, дети, правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать Отчизна!
Моя Украина!
Моих деток неразумных,
Как родного сына.

Перевод А. Суркова.

Хата отца. Рисунок Т. Шевченко.

ИВАН ПОДКОВА

Отрывок

Было время — на Украйне
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.
Те высокие курганы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те курганы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит...

Чумаки. Рисунок Т. Шевченко.

Внук услышит — песню сложит
И с той песней косит.

Было время — на Украйне
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

Перевод М. Михайлова.

И на горе и под горою,
Как старцы с белой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завеянный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду брать.
Сквозь тучи робко поглядело
На землю солнышко с небес.
Взметнулась вьюга, налетела.
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.

Из поэмы «Катерина».

Перевод А. Безыменского.

Летим... Гляжу — уже светает,
Край неба пылает,
Соловейко в темной роще
Солнышко встречает.
Степи грезят, голубея;
Тихо ветер веет;
Меж ярами над прудами
Вербы зеленеют.
Разрослись сады густые.
Тополя на воле
Встали, словно часовые,
Беседуют с полем.
Вся родная Украина
Сияет красою,
Зеленеет, умываясь
Мелкою росою.

Автопортрет. 1847 г. Т. Шевченко.

Хорошеет, умываясь,
Солнышко встречая,
Не видать ее просторам
Ни конца, ни края!
Не убьет ее, не сломит
Никакая сила...
Душа моя! Ты о чем же
Снова загрустила?

Из поэмы «Сон».

Перевод В. Державина.

Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет:
Забудут или не забудут
Меня в далекой стороне —
До этого нет дела мне.
В неволе вырос меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плача, я умру
И все в могилу заберу.
Не вспомнят обо мне в кручине
На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
Родной отец не скажет сыну
О том, как я в неволе жил:
«Молися, сын, за Украину
Когда-то он замучен был».
Мне все равно, молиться будет
Тот сын иль нет... и лишь одно,
Одно лишь мне не все равно:
Что Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят.
Ох, это мне не все равно!

Перевод В. Звягинцевой.

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то,
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребяток маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

Перевод Н. Ушакова.

Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно жестоки.
За что, не знаю, называют
Там в роще хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос,
И горечь самых первых слез
Я там изведал. И не знаю,
Какое есть у бога зло,
Чтоб в эту хату не пришло?
А хату раем называют!

Перевод А. Дейча.

Киргизский мальчик и Шевченко.
Рисунок Т. Шевченко.

ЗОЛА

А. ПУНЧЕНОК

Рисунки Е. Расторгуева.

1

В затруднительное положение попал Тимошка Анисимов. В очень затруднительное. Все сдавали по пять ведер золы — для удобрений — и по пять килограммов железного лома...

В колхозе собирать железо не просто. В городе — там только нагибайся. Впрочем, насчет железа Тимошка не беспокоился. Дядя Митя работал в колхозной кузнице, и у него, пожалуй, удалось бы разживиться каким-нибудь хламом.

Не знал Тимошка, где взять золы. Конечно, печь в Тимошкином доме топилась каждый день и золу бабушка выгребала, но... выносила ее на свой огород.

Тимошка и заикнуться не смел, чтобы бабушка уступила ему эту золу.

Почему?

Да потому, что Тимошкина мать работала дояркой, получала молоко на ферме, и в своей корове они не нуждались. А раз не держали коровы, не было навоза. А для огорода требуется удобрение. Вот бабушка и берегла всякую щепотку золы.

И Тимошка ломал голову: где же, откуда раздобыть золы?

Прошла неделя. Некоторые ребята снесли уже по два и по три ведра. Пионервожатая Люся, между прочим, стала надоедать:

— А ты что же, Тимоша?..

Не мог он рассказать ей всего по правде. Вдруг Люся подумала бы, что бабушка — последняя скупердяйка. Золы и той жалеет.

Двоюродный братишка Ленька, хотя и учился всего лишь во втором классе, часто давал толковые советы, но тут сморозил.

— Айда, — говорит, — в лес! Знаешь, от большого костра сколько золы останется! А потом попросим в колхозе машину. Полную машину привезем. Во!

— Собачья чепуха! — отмахнулся Тимошка.— В лесу снегу по пупки.

Топилась печь, бабушка хлопотала возле нее, а Тимошка лез с вопросами:

— Бабушка, может, еще дров принести? Бабушка, может, еще подбросить?

Даже самые маленькие клочки бумаги он не стал кидать куда попало. Все — в печь! Пускай побольше золы накопится.

Наконец Тимошка решился.

— Завтра бабушка поедет в амбулаторию,— сказал он брату,— после школы начнем.

— А мать на ферме будет? — прищурился Ленька.

Он всегда обстоятельно готовился к предстоящим операциям и любил действовать в спокойной обстановке, чтобы можно было сделать передышку, чего-нибудь перекусить, подумать.

Назавтра так все и сложилось. Они остались одни.

Тимошка перво-наперво законопатил тряпками дырки в старом, прохудившемся ведре. Ленька, сидя за столом и расправляясь с банкой простокваши, давал советы:

— Газетину еще надо в середку, тогда ничего не просыплется.

— Полный порядок! — одобрил Тимошка и обложил ведро внутри газетой.

— А выгребать будем все? — спросил Ленька, облизывая с краев банки оставшуюся сметану.

— Ты что, сдурел? Половину надо. Думаешь, она не заметит?

Тимошка, разглядывая в печке чугуны, соображал, куда какой отодвинуть, чтобы легче подобраться к золе.

Чугунов было три.

Первые два — средних размеров, они отодвинулись без особого труда, но чугунище с поросячьей едой и не думал трогаться с места.

— Пузом! Нажимай на ухват пузом! — суетился Ленька.

Тимошка крякнул и налег на ухват. Чугун угрожающе качнулся.

— Порядок! — обрадовался Ленька.— Самое главное — пузом!

— Отойди.

Тимошка вспотел. Печь дышала на него жаром.

Надоедал Ленька:

— Тимош, давай посмотрим, что в маленьком чугунке.

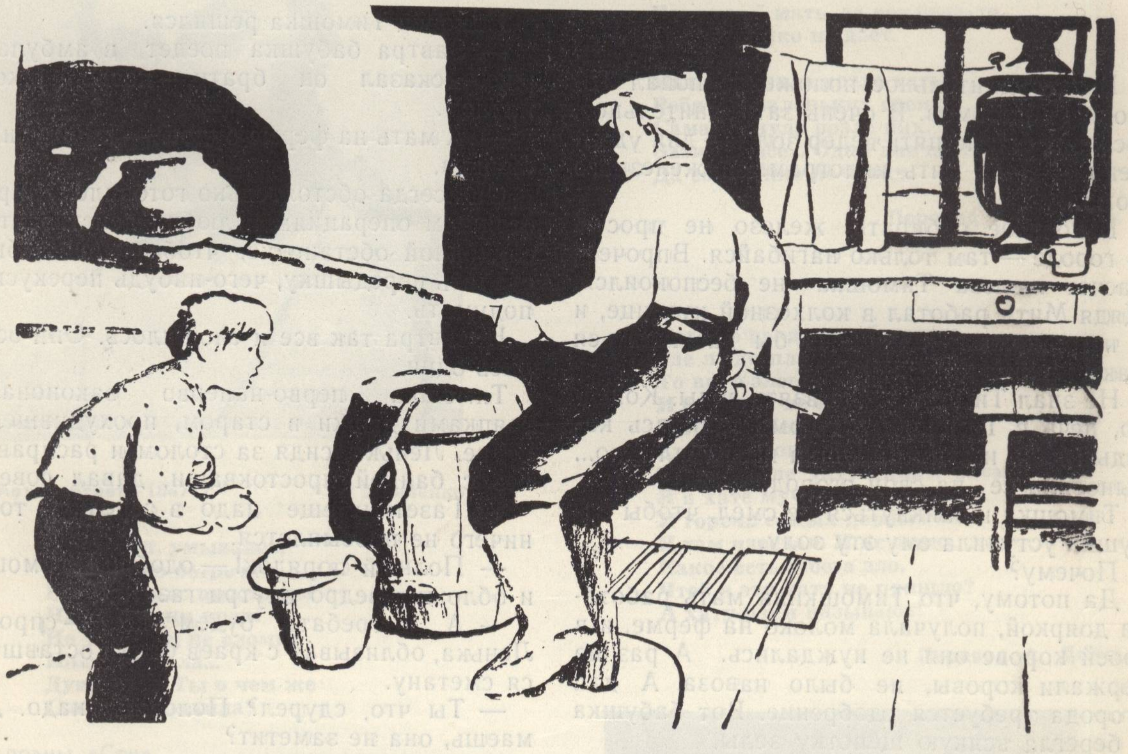
Тимошка снова подсунул ухват под крутые бока самого большого чугуна. Натужился.

— Раз-два — взяли! — пританцовывал сбоку Ленька.— Давай, Тимош, давай!

Чугун качнулся так, что из него выплеснулась изрядная порция воды. Из печи выползло облако пара. Но Тимошка удержал чугун в равновесии. Доступ к золе освободился.

Тимошка не растерялся и накрыл ведро половиком.

Зола оседала долго. Слишком долго. Все-таки осела. И картина представилась ребятам бедственная: все покрылось сплошным

Она еще не остыла. В ней еще поблескивали, приманивали к себе огоньки.

Тимошка длинной кочергой нагреб на лопату кучку драгоценной своей добычи.

Так! В ведро ее!

Еще лопата. Еще. Быстрей!..

Увлекшись, Тимошка сыпанул золу чересчур энергично. Горячая, легкая, она поднялась из ведра, словно туман, и поплыла в воздухе по всей избе.

В горле у ребят запершило. А когда туман рассеялся, Ленька испуганно пробормотал:

— Смотри, горим!

Над ведром плясали языки пламени. Горела газета.

— Воды! — скомандовал Тимошка.

Кадка с водой стояла рядом. Ленька зачерпнул полный ковш и с размаху выплеснул воду в ведро.

Как лопается футбольная камера, надутая сверх всякой меры, так хлопнуло и взорвалось что-то в ведре. Вся зола взметнулась кверху этаким зловещим вулканом.

слоем золы. Расписывайся пальцем, где хочешь.

Они насилу узнали друг друга. Обоих будто окунули в золу. Блестели только испуганные глаза.

— Во взрыв! — ахнул Ленька.

— Из-за тебя все! — грозно прошипел Тимошка.— Теперь вытирай все.

— Да, из-за меня... Ты сказал: «Воды!»

— А кто велел газету подложить?

Да, газету!.. А зачем ты слушался? Я же меньше тебя,— оправдывался Ленька и вдруг спросил: — Тимош, а если патрон бросить в такую золу, взорвется он?

— Иди ты!.. — Раздосадованный Тимошка сдувал с себя золу.— Какой патрон?

— От мелкокалиберной, который я у зареченского Васьки променял.

Тимошка задумался.

— Где патрон?

— Нету,— пожал плечами Ленька,— бабушка отобрала.

— Эх ты, простоквашник! — Тимошка

провел пальцем у Леньки под носом. Получились усы.

Но Ленька не обиделся.

— А я видел, куда она спрятала.

— Куда?

— На полку.— Ленька мигом вскочил на скамейку, на стол и, пошарив в углу, на бабушкиной полке, спрыгнул.— Во! Давай кинем в печку.

— Ты ненормальный, что ли?

— А чего ей будет? Печка во какая! Здоровенная! А патрончик во какой, маленький!

— Дай сюда!

Мурашки разбежались по Тимошкиной руке при одном прикосновении к патрону.

— И чтоб могила! — строго-настрого приказал старший брат.— Чтоб забыл про это! Понял?

Круглая, пухлая физиономия Леньки расплылась в лукавой улыбке.

— Сам кинешь?

Нет, Тимошка хорошо знал, что такие затеи к добру не приводят. И все же он обрадовался глупому Ленькиному предложению, благодаря которому в Тимошкиной голове родился хитроумнейший план.

Притянув к себе Леньку, он спросил шепотом:

— Никому не выболтаешь?

— Чего?

— Я скажу бабушке, что ты патрон в печку кинул, а по правде мы его не кинем.

— О-о, какой хитрый, чтоб мне попало!..

— Ничего тебе не будет.

— Тогда давай кинем.

— Нельзя! Я только скажу, что ты кинул. Бабушка напугается, вот увидишь, велит мне выгребать из печки золу, а дальше — вся зола наша, понимаешь?

Некоторое время Ленька колебался.

— Ох, и всыплет она мне!

— Это тебе-то всыплет? — В Тимошкином восклицании проскальзывала явная зависть.— Это тебе-то, простоквашнику?

Ленька все-таки был другом. Он знал, что даже под страхом сурового наказания надо выручать товарища, попавшего в беду. Где они иначе взяли бы золу для Тимошки?

И Ленька мужественно пообещал:

— Ладно.

2

На следующий день в школе пионервожатая Люся опять спросила:

— Тимоша, где же твоя зола?

— Будет! — И он сделал вид, что спешит.

Тимошка и впрямь спешил. Второй вечер по приказу бабушки им с Ленькой предстояло наводить в доме порядок — перетирать все тряпками.

А в клубе готовилось кино «Кочубей». Говорили, что про гражданскую войну!

Бабушка хлопотала по своим хозяйственным делам и сердито молчала. Не то что Тимошке, Леньке и то ни разу не предложила: «Может, молочка, внучаток?»

А время шло.

Наконец, Тимошка решился.

— Бабушка,— осторожно начал он.

— Что, дедушка?

Тимошка с виноватым, с очень виноватым видом подошел к ней.

— Чего тебе? — Бабушка с неохотой, но все же вступила в переговоры.

— Бабушка...

Еще миг, и Тимошка поступил бы подло по отношению к лучшему своему другу, возведя на него напраслину. Хорошо, что Тимошка глянул на брата и увидел страдальческие его глаза. Ему стало жалко Леньку. Но отступиться от задуманного Тимошка уже не мог.

— Бабушка... бабушка,— забубнил он,— я больше не буду. Это я нечаянно...

— За нечаянно бьют отчаянно!— Бабушка насторожилась.— Докладай все начистоту.

— Я, понимаешь, нечаянно... Он выскользнул у меня из рук...

Тут Тимошка опять глянул на Леньку, увидел повеселевшие глаза своего сообщника. Подмигнул ему и закончил признание твердо:

— Понимаешь, я нечаянно бросил в печку патрон.

Бабушка всплеснула руками.

— Матушки!..— Посмотрела на полку.— Царица небесная! Какой же такой патрон?

Ленька пришел на выручку:

— Тот самый, который ты у меня отобрала.

— Ахти, светы! — Бабушка принялась шарить на полке.— Стибрили! — Она поспешила к печке и приладила заслонку поплотней. Обернулась к ребятам и...

Этого Тимошка никак не ожидал. Бабушка сказала совершенно спокойно:

— Забирайте книжки-тетрадки — и марш к соседям. Живо, марш!

Конечно, они убрались немедленно. И, конечно, не к соседям, а стали подглядывать с разных позиций, что делает бабушка.

Она, как и следовало ожидать, выгребала из печки золу. Только что за диво! Бабушка не выбрасывала золу, как обычно, на огород, а во дворе тщательно разгребала и просеивала ее. Искала, значит, патрон. И непрестанно что-то бормотала.

3

Через несколько дней, когда братья вместе покончили с очередными уроками, бабушка спросила:

— Сколько же всего ведер золы надобно?

— Самое меньшее десять,— сказал Тимошка, подмигнув Леньке.

— Ну а ты, само собой, превыше всех обязан?

— Бабушка, так ведь я...— взмолился Тимошка.

— Понятно,— перебила его бабушка,— производственный передовик.

— Так вон Ленка Осипова уже восемь натаскала,— уныло забубнил Тимошка,— на доску отличников ее поместили...

Бабушка сердито хлопнула дверцей шкафа и вышла в сени. Вернулась. Взяла зачем-то маленький ухват и, оглядев его, проворчала:

— Не знаю, кто из вас врет, ты или пионерпровожатая ваша, только давеча она говорила мне, будто по пять ведер полагается.

Тимошка поперхнулся. Ай-я-яй, так попался на вранье! Но кто знал, что бабушка повстречается с Люсей!

— Так вот,— словно убедившись, что ухват в полном порядке, бабушка водворила его на место,— ты, Тимофей, есть анисимовского роду и мой внук. Никакого права не дано тебе быть в последних! — Она погрозила крючковатым пальцем.— Сделай на носу себе такую зарубку, чтоб отнести двенадцать ведер. Десять за себя и два за эту бессовестную рожу, за Леньку.

— Я сам! Я сам! — завопил обрадованный Ленька.

— Не перебивай! — внушительно сказала бабушка.— А когда собрание пионерское свое соберете, рассудите такой вопрос. Я давеча видела, как агроном с дочерью по ведру золы несли. Куда это годится? Большая девчонка, а родители, полюбуйтесь-ка, ведро для нее тащат. Что ж это за пионерская помощь? Чтоб ей этого ведра не присчитывать!

— Верно, бабушка! — закричал опять Ленька.— А еще раз они шли, так батька оба ведра нес, а она сбоку бежала.

Бабушка, видно, уморилась. Она села на табурет и, вытерев подолом руки, положила их на колени ладонями кверху. Руки у нее были бугроватые, изрезанные глубокими бороздами.

Тимошка грустно уставился на такие знакомые, натруженные бабушкины руки. И ему почему-то подумалось, что напрасно он не сказал все по правде.

— Вам чего еще собирать велено? — спросила бабушка.

— Металлолом,— осторожно сказал Тимошка.

— По скольку?

Чтоб не очень огорчать бабушку, Тимошка занизил норму вполовину:

— По два.

— Снова ведь врешь,— миролюбиво проворчала бабушка.— По пять надобно.

Глаза ее, еще не потерявшие задорного блеска, пристально оглядели внуков.

И Тимошка догадался: неприятности на этом не кончились.

— Железа как-нибудь насобираем,— сказала бабушка, опять вытирая руки подолом и поднимаясь.— А сейчас нечего лодырничать. Марш за дровами! Чтоб натаскать в сени на полную неделю и, само собой, сложить клеткой, ровненько... А патрончик, вот он! Я его давеча, Тимошка, у тебя в портфеле нашла. Плохая это игрушка. Отнесете ее Ивану Павловичу. Он в отставке майор, так что определит, куда чего.

Бабушка, оказывается, все знала.

Ох, уж эти бабушки!

Педро **ГАРФИАС**

Лина Одéна

Лина Одена — героиня испанского народа, комсомолка, погибшая в борьбе с фашизмом двадцать пять лет назад.

Лина Одéна, Лина Одéна,
осколки поют в развороченных ямах...
Тебе б на рояле обыкновенном
играть ученические гаммы,
тебе б мечтать о медведях и льдинах
и книжки глотать, как пилюли,
мгно́венно...
Пули свистят над окопом пыльным:
Ах, Лина Одена, Лина Одена!
Ты ведь девчонка, плечики острые,
но ты воюешь
совсем как взрослая.

В пальцах ты не перо сжимаешь,
а пистолет с раскаленным дулом.
Ты отвечаешь, ты отвечаешь,—
оком за око, пулей за пулю.
Сколько осталось патронов?
Восемь.
Семь во врагов и в сердце один...
Сто голубых нерастраченных весен
ждет тебя, девочка, впереди!
Девчонкой была ты, плечики острые,
но ты умирала
совсем как взрослые.

Перевел с испанского А. Янов.

МАТЬ

Хуан **РЕХАНО**

Мать,
Твоих слез недостаточно,
Чтобы сына спасти:
Они горячи, но чиновничье сердце —
не воск,
Они солоны — полицейский желудок
лужен,
Они драгоценны, но взяточник ценит
пезеты,
Они всемогущи,—
решеток им не перегрызть.
Ты слышишь:
Под пытками сын твой бьется?
Твоих слез недостаточно,
Чтобы его спасти.
Для этого надо бороться.

Перевел с испанского А. Янов.

Художник В. Н. ГОРЯЕВ недавно побывал на Цейлоне. Он много путешествовал по острову и рисовал. Его меткие, выразительные рисунки — увлекательный рассказ о жизни этой далекой страны. Мы попросили Виталия Николаевича показать нашим читателям несколько рисунков и написать о Цейлоне. Художник охотно согласился.

ЦЕЙЛОН

Цейлон — страна сказочно щедрой природы. В теплом Индийском океане, омывающем остров, множество рыбы. На земле — рощи бананов и кокосовых пальм, плантации чая, каучука, какао. Долгие годы — целых три столетия — все эти богатства забирали португальские, голландские, а потом английские колонизаторы. Теперь народ Цейлона освободился от «хозяев» и трудится для себя. Лишь редкая встреча напомнит путешественнику о тягостном прошлом...

Чего-чего не повидал этот старый рикша! Вот уже десятки лет жители Коломбо видят его на том же месте, против главного входа в центральный отель. Когда-то он был красивым и сильным молодым человеком.

Шло время. Страна зажила уже новой, свободной жизнью, а он еще по привычке отыскивает плохо видящими глазами богатого иностранца, желающего

прокатиться на «двуногом такси», или подгулявших матросов с английского военного корабля, готовых вдвоем взгромоздиться на хрупкий экипаж семидесятилетнего старика. Но рикш уже мало в Коломбо, а в других городах, куда не заезжают богатые туристы, такой «экзотики» нет совсем.

Труд стал подлинной радостью на цейлонской земле. Порою он мало чем отличается от искусства. Посмотрите, как виртуозно работает сборщик кокосовых орехов, похожий на циркового канатоходца. Сбросив с одного дерева спелые плоды, он переходит на другое по веревкам, сплетенным из черенков пальмовых листьев.

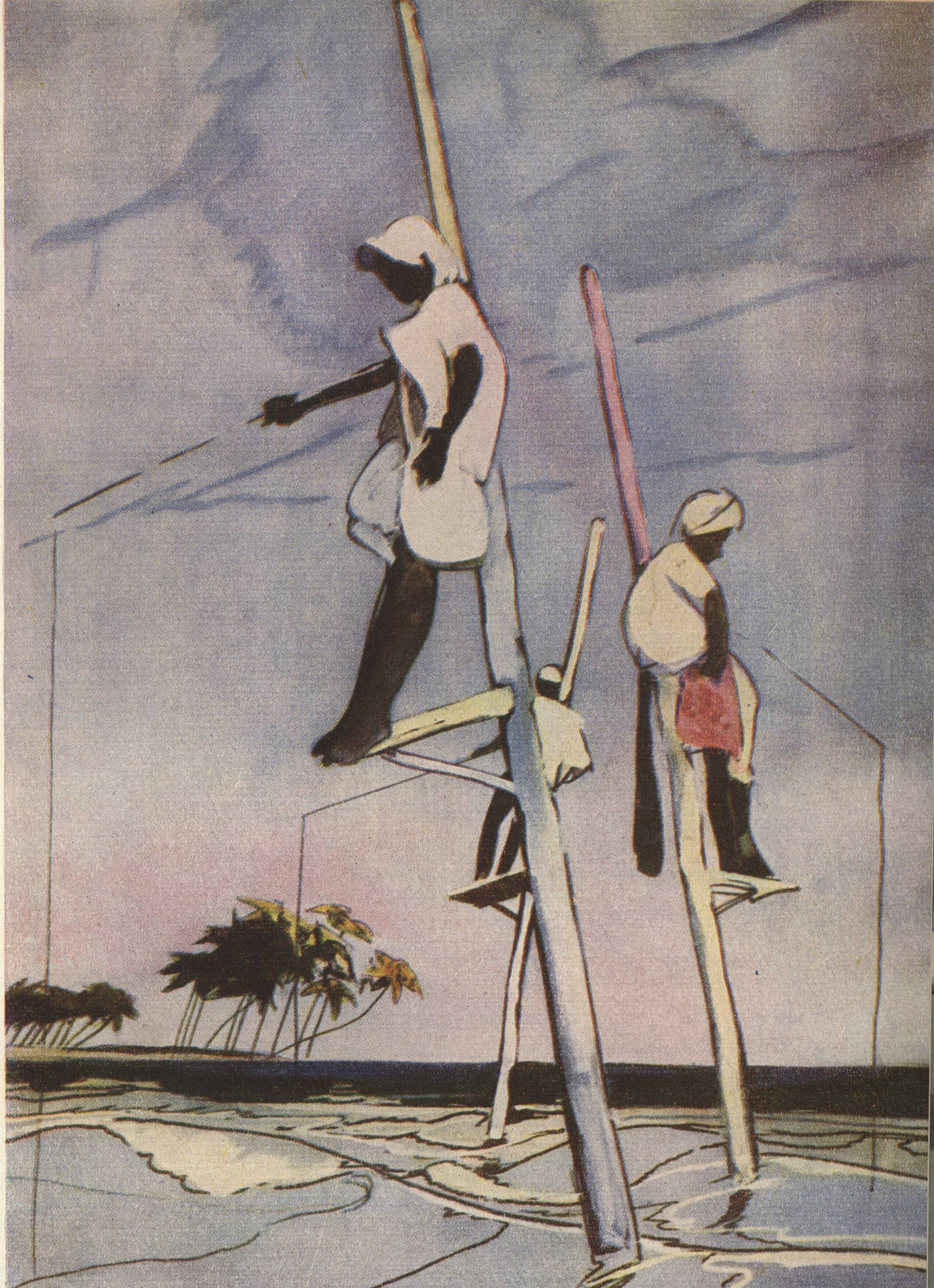

Труд на Цейлоне служит сюжетом для разнообразных танцев, которым обучают во всех школах. Большое значение там придают и урокам рисования. В стране еще мало учебников на сингалезском и тамильском языках, и учителя рисования сами придумывают картинки и наглядные пособия, с помощью которых ребята усваивают знания, а музыка и танцы с первого класса развивают у малышей любовь к национальной культуре.

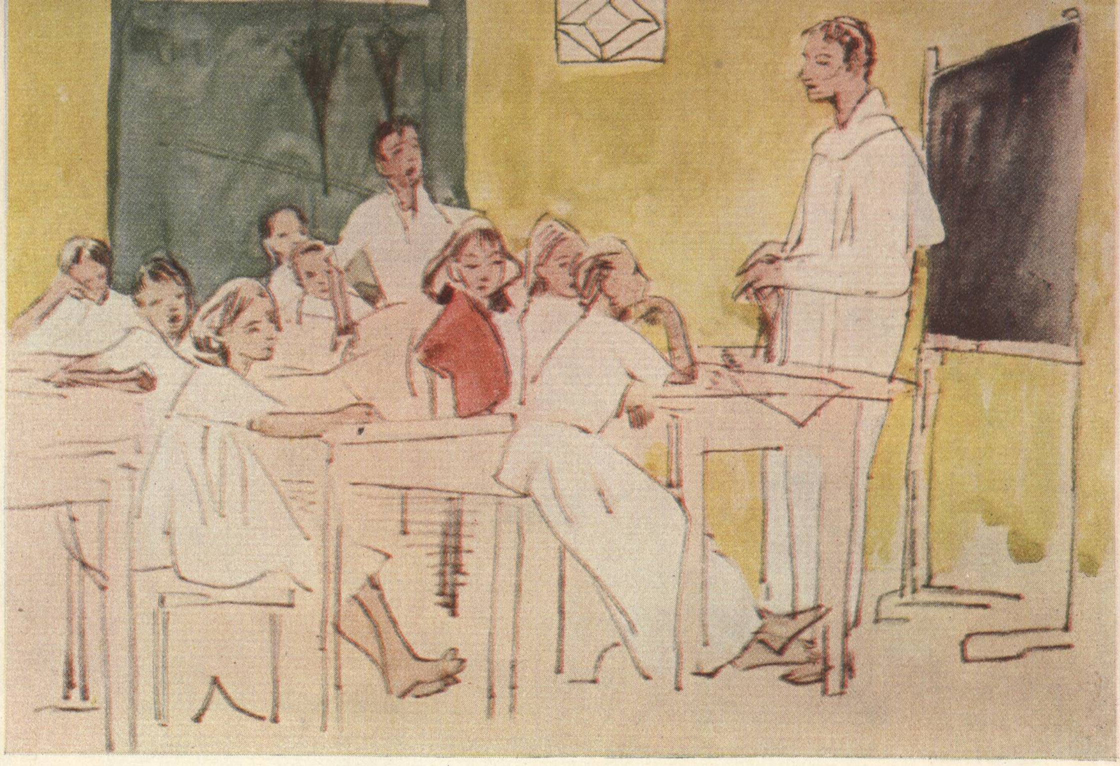
Не знаю большего наслаждения, чем то, которое я испытал, глядя, как эти маленькие девочки под звуки барабана выполняют сложный по ритму танец.

ЦЕЙЛОН

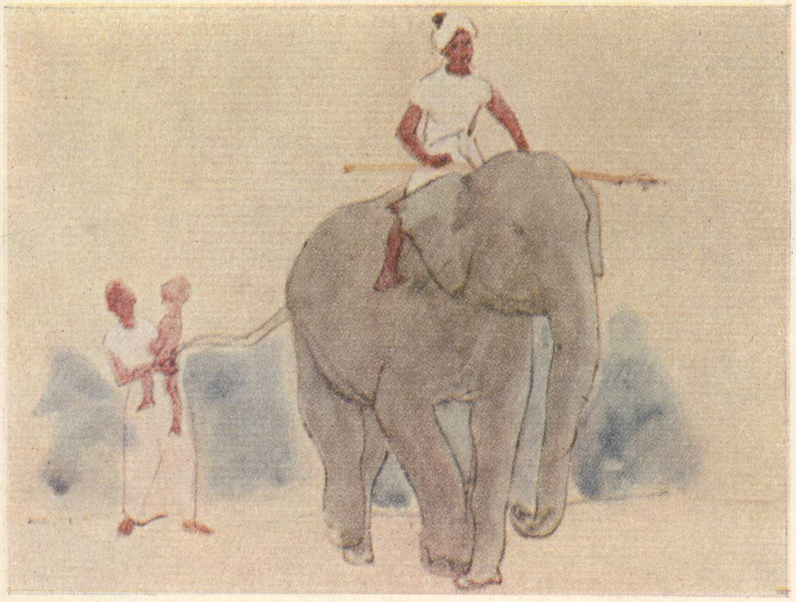

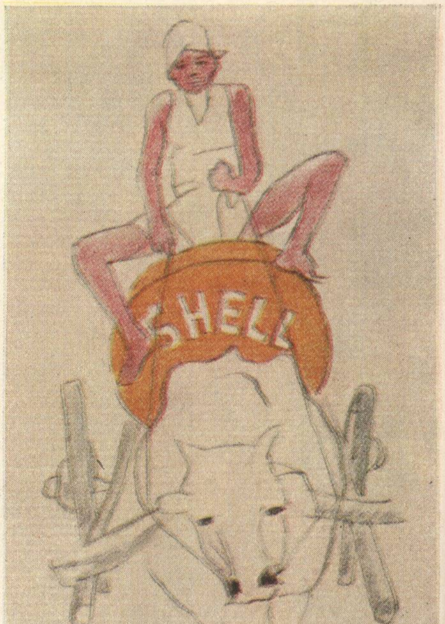
Таким необычным способом на Цейлоне ловят рыбу. Прямо с лодки рыболов взбирается на площадку, прикрепленную к столбу. Этот способ имеет свое преимущество: видно, какая рыба клюет. Слишком крупная может стащить рыболова, и он ее не подпускает.

Эти ребятишки очень трудолюбивы, и если они не все смотрят на учителя, то в этом моя вина: интересно ведь, что делает художник, приехавший из СССР.

Слон на улице Матале оказался терпеливым натурщиком. Он не двинулся с места до тех пор, пока сидящий на нем погонщик не намекнул ему легким ударом ноги, что сеанс окончен.

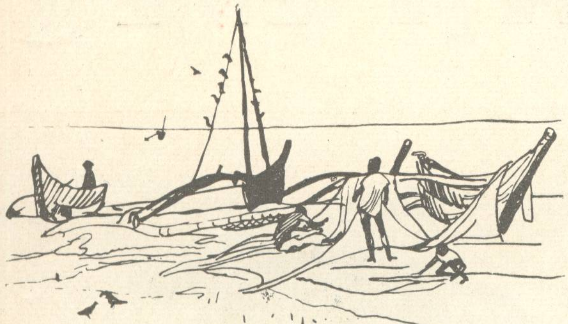

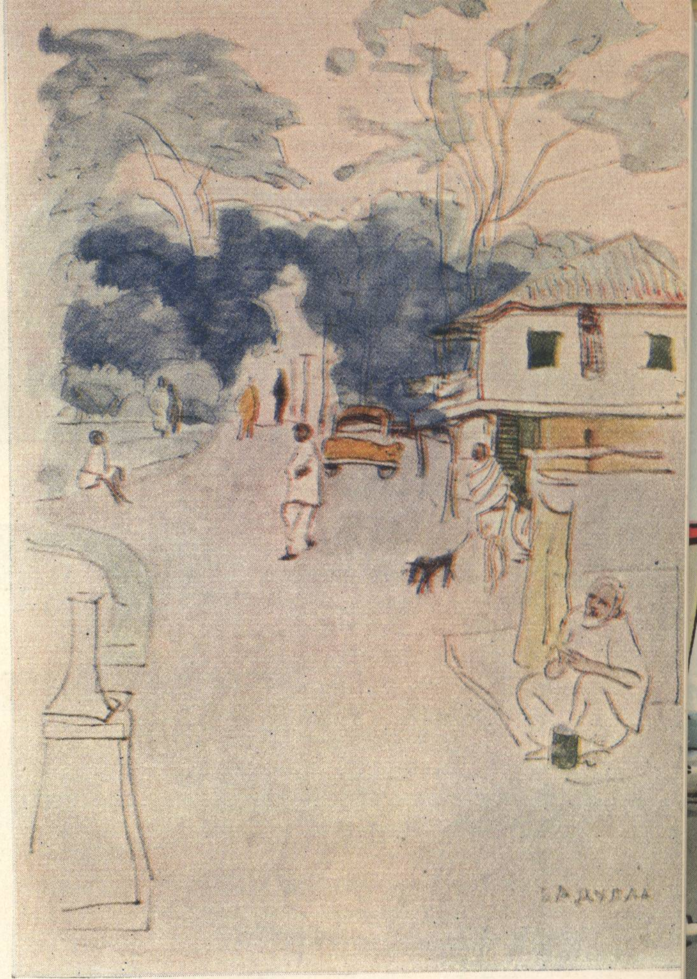
Английская компания «Шелл» торгует горючим в разных уголках земли. Случается, что продукция «Шелл» разъезжает по Цейлону на волах.

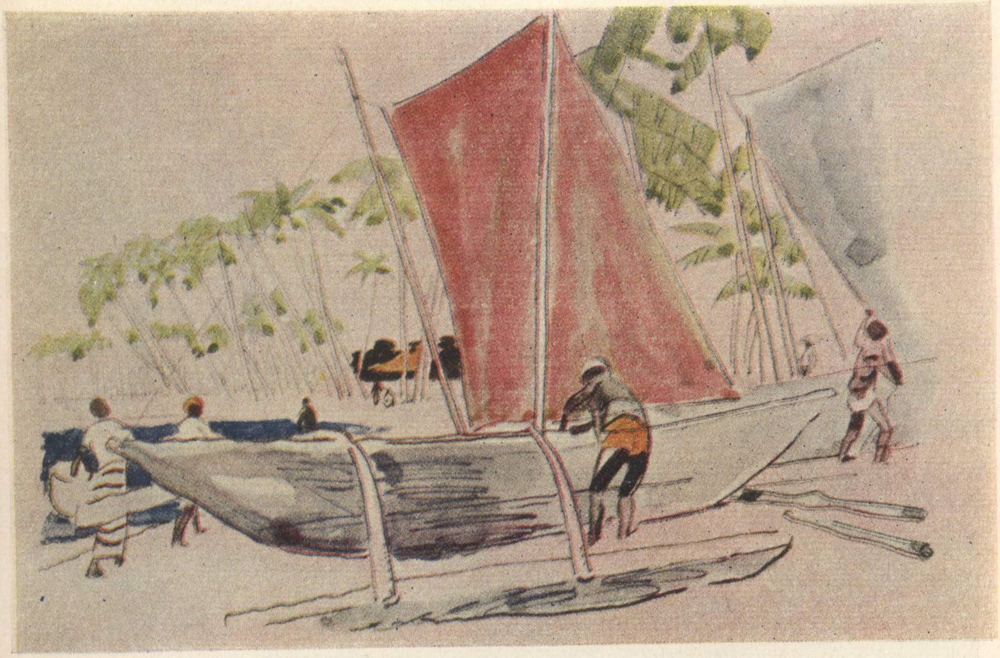
Самая ядовитая змея — кобра — покорно изгибается под незатейливые мотивы дудочки укротителя. Плетеная корзинка — постоянное место жительства змеи с тех пор, как укротитель выманил ее из джунглей на звуки той же дудочки.

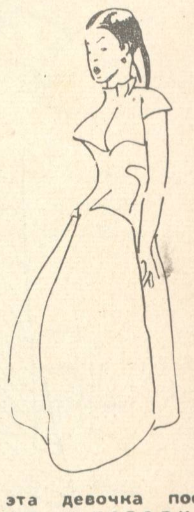

Цейлонские рыбаки уходят на промысел в любую погоду. Их лодки, легкие, быстроходные катамараны, не боятся капризов Индийского океана. Вы видите починку сетей после лова и подготовку катамарана к новому выходу в море.

Улица в Бадулле. На плантациях в окрестностях этого города собирают лучший в мире чай.

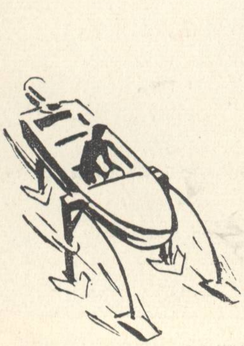

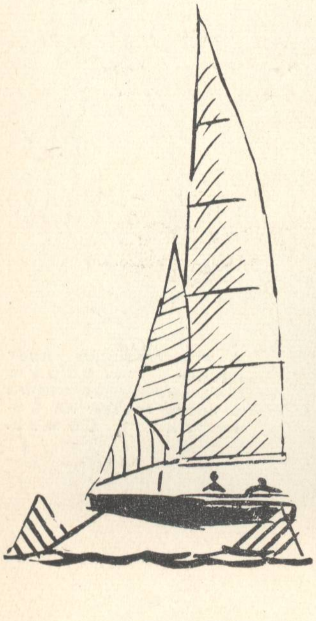
А эта девочка поет песню, которую школьники сочинили в честь гостей из Советского Союза.

КРЫЛАТЫЕ

КОРАБЛИ

Голубыми дорогами называют у нас реки... В былые, стародавние времена вдоль голубых дорог селились люди, на берегах ставили города, вверх и вниз по рекам прокладывали торговые пути. И недаром: ни колес, ни полозьев не нужно, чтобы ехать по такой дороге. Любая колода, любое бревно движется по реке бесшумно и плавно, лучше самого дорогого экипажа. И груз реке не страшен: по пять, по десять тысяч тонн грузят сейчас на большие речные баржи.

Хороши голубые дороги — удобные, выгодные, дешевые! Одна беда: не разгонишься по такой дороге. По шоссе, по стальным путям и двести и триста километров в час — давно не предел скорости. А по рекам до недавнего времени и тридцать километров в час считалось очень много.

Раньше, когда и по земле не умели ездить быстро, мирились с этим. Но лет сто назад задумались люди: в чем тут дело?

Дело оказалось хитрое: баржу по спокойной воде, если нет течения и ветра, даже мальчик может вести бечевой. Быстро не поведет, а тихонько, скажем, по метру в час, стронет с места и, рано ли, поздно ли, доведет, куда нужно.

Казалось бы, двух мальчиков поставить на это дело — и вдвое быстрее пойдет баржа. Но не тут-то было! Нужно, оказывается, в восемь раз увеличить тягу, чтобы вдвое увеличить скорость судна.

Куда же тратится вся эта сила? На трение? Нет, трение тут небольшое: вода жидкая, лучше всякого масла смазывает борта.

На образование волн — вот, оказывается, куда уходит большая часть энергии судовых машин. Двигаясь вперед, судно всей своей погруженной частью расталкивает воду. Вода волнами расходится в стороны, волнами тянется за кормой. И чем быстрее движется судно, тем неизмеримо дороже обходится эта никому не нужная, тормозящая его ход волна.

И тут, казалось бы, ничего уж не поделаешь. Но человек — существо упрямое. «Нельзя ли,— задумались люди,— поднять судно повыше, чтобы оно скользило по воде, как скользит, «печет блинчики» плоский камушек, брошенный умелой рукой? Если удастся, тогда не придется раздвигать воду, значит, не будет и волны, не будет и бесцельной растраты энергии.

Оказалось, можно. Скользящие суда — глиссеры — уже полвека бегают по воде, обгоняя все другие корабли. Двумя узкими полосками днища, реданами, опирается глиссер о воду и несется, едва касаясь ее поверхности, точь-в-точь как камушек, «пекущий блинчики». Глиссер — судно быстроходное, выгодное, но есть и у него слабое место: волна! Уже не своя волна, а та, которую ветер поднимает на воде. Даже по малой волне, как телега по булыжнику, с тряской идет глиссер, ударяясь реданами о гребни, а по большой волне и вовсе не может идти.

Вот если бы на крыльях над волнами поднять судно! Подняли! Сделали крылья, такие же, как у самолета, только не воздушные, а подводные. Судно подняли кверху, а крылья на длинных «ногах»-стойках упрятали в глубину воды. Там, в глубине, нет волны. Значит, в любую непогоду плавно пойдет крылатый корабль.

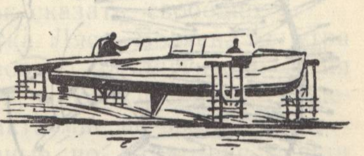
Пока на месте стоит такое судно, оно, как утка в воде, плавает на брюхе. Но стоит дать ход — и крылья, встречая поток воды, набирают подъемную силу, как воздушный змей на ветру, поднимаются кверху, выталкивают корабль из воды, поднимают на воздух и несут над волнами спокойно и плавно, как по гладкой дороге.

И совсем небольшими пришлось делать корабельные крылья. Вода в восемьсот раз плотнее воздуха, значит, и крылья нужны кораблю в восемьсот раз меньшие, чем самолету.

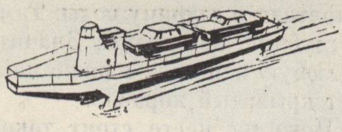
Но, конечно, не сразу научились корабли летать над голубыми дорогами. Поднять судно над водой оказалось нехитрым делом. А вот удержать крылья на нужной глубине не сразу удалось инженерам:

крылья так и норовили выскочить из глубины на поверхность. А на поверхности рябь, волна, гребни...

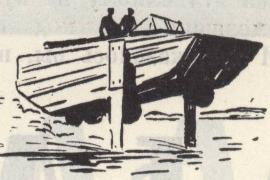

Чтобы на спокойной глубине шло крыло, стали делать «этажерки»: одно над другим ставили несколько маленьких крылышек. Ставили крылья под углом, как букву V, придумывали и другие хитрые регуляторы.

Наши инженеры-сормовичи проще всех решили задачу. По два несущих горизонтальных крыла — одно спереди, другое сзади — поставили они на своих кораблях, а по бокам на корпусе сделали еще два маленьких, которые чуть-чуть опираются о поверхность воды. Им, таким маленьким, волна не страшна: они ведь самую малость нагрузки несут на себе. Но и этой нагрузки, оказывается, довольно, чтобы следить за глубиной погружения главных крыльев. Стоит маленьким крыльям оторваться от воды — судно садится глубже, стоит слишком погрузиться судну — они тут как тут: выжимают весь корпус кверху.

Первым сормовским крылатым кораблем была «Ракета». Сейчас «Ракеты» летают над нашими реками и на севере и на юге, и в Сибири и на Дальнем Востоке... Потом «Метео-

ры» появились на наших реках — стопятидесятиместные корабли. Сейчас строится новый крылатый корабль — «Спутник». Этот гигант на три-

ста пассажирских мест будет летать над гладью наших искусственных морей и с невиданной прежде скоростью доставлять по воде грузы и пассажиров.

Была когда-то сказка о корабле-призраке — «Летучем голландце». Встреча с таким кораблем пугала моряков, она сулила гибель и несчастье. Встреча с крылатым кораблем «Спутником» в наши дни никого не пугает. Стремительный полет «Спутника» над водой — это новая победа человеческого разума над стихиями.

А. Некрасов

ежата

О. ВЫСОТСКАЯ

В школьный зал пришла ежиха
Посмотреть на двух ежат:
Почему они так тихо
На окне всегда лежат!

— Вы, ежата, мне скажите:
Вы здоровы или нет!
Если да, то выходите
Поглядеть на белый свет.

Но сказали ей ребята:
— Мы ежей не держим тут.
Это вовсе не ежата —
Это кактусы растут!

Ей теперь смотреть обидно
На колючих малышей.
— Двух обманщиков, как видно,
Приняла я за ежей!

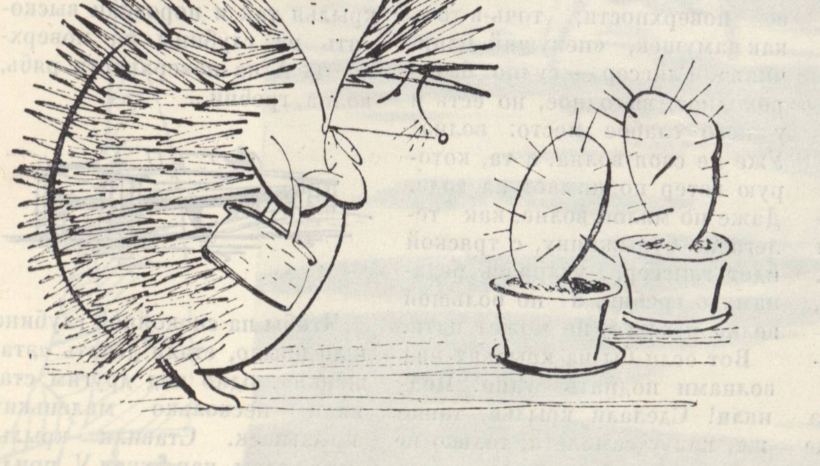

Рисунок Е. Медведева.

в КЛУБе ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Анна ГАРФ

Рисунки Н. Борисовой.

В детстве я жила в очень большом доме, но двора при доме не было, не было и детской комнаты. Когда мы, ребята этого дома, стали пионерами, мы организовали свой домовый клуб. Он назывался «КЛУБ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ». Первое время мы действительно собирались в каморке под лестницей. Здесь хранились ведра, щетки для мытья полов, лопаты для очистки снега... За то, что нам разрешили пользоваться этим помещением, мы обязаны были содержать в чистоте лестничные площадки и улицу. Работали мы добросовестно, и некоторое время спустя нам выделили большое помещение в подвале — бывшее овощехранилище. Своими силами мы отремонтировали этот подвал. Здесь нам было очень просторно. Два раза в месяц мы стали приглашать к себе в «КЛУБ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ» — название так и осталось прежним — пионеров из соседних дворов.

Но не всегда наши дела кончались удачно. О некоторых из наших многочисленных ошибок я хочу вам рассказать.

СТЕКЛЯННАЯ ЛЯГУШКА

Однажды для прочтения лекции о тепле и холоде был приглашен к нам в клуб известный ученый, назову его условно Ивановым.

Мы попросили его помочь нам составить афишу. Разговор шел по телефону.

Иванов диктовал:

— Ледник без льда. Огонь погасил пожар. Яйца сварились в снегу. Холодный кипяток. Горячий лед. Стеклянная лягушка. Позвольте,— перебил самого себя Иванов,— а вы, товарищи, сможете достать мне к лекции живую лягушку?

— Спрашивает, достанем ли мы лягушку?— сообщила я ребятам, прикрыв трубку ладонью.

— Лягушка не райская птица,— авторитетно произнес Толя Сидоренко.

Я сняла ладонь с трубки и сказала:

— Понятно, достанем, не сомневайтесь.

Утром того дня, когда должна была состояться лекция, Иванов пришел к нам, чтобы проверить исправность приборов, которые он прислал в клуб накануне.

У входа в «зал», как мы гордо называли наш подвал, висела громадная афиша, где слова «СТЕКЛЯННАЯ ЛЯГУШКА» были написаны сверхмощными буквами зеленого, лягушачьего цвета.

— Неужели достали?— удивился профессор.

— Лягушка не крокодил,— ответила я, и этот ответ мне самой показался удивительно остроумным. За последние полгода я более или менее привыкла разговаривать с нашими лекторами, так сказать, свободно.

Наша активистка Ляся Беляева с утра была откомандирована за лягушкой. Меня назначили связной, то есть посадили у телефона, но пока никто мне не звонил.

Пришли дежурные по залу, расставили стулья. Дело в том, что «своих» стульев в подвале не было, приходилось всякий раз приносить их из конторы домоуправления, из квартир, а также из соседней пошивочной мастерской.

В зал уже доносились с улицы голоса наших нетерпеливых гостей — ребят из соседних дворов. Уж очень была заманчивая афиша. Чтобы не набивалось слишком много

народу, мы раздавали самодельные билеты. Подделать их было невозможно: они были все нарисованы от руки, и рисовал их сам контролер Вася. Уж он-то свои рисунки хорошо знал.

Зазвенел телефон. Я подняла трубку.

— Начнем впускать? — спросил меня Вася-контролер.

Не успела я ответить, как в комнату вбежала запыхавшаяся Ляся.

— Лягушек нет! В зоопарке только тропические, их не продают. В зоомагазине сказали, что простых лягушек у них не бывает, не держат. Была, говорят, зеленая древесная, но ее только что продали.

— Могла за город съездить! — рассердился Толя. — Можно и сейчас рвануться, до начала лекции еще целый час. Поехали!..

— Эх, ты! А еще биолог! — возразила Ляся. — Где же в конце октября лягушку найдешь? Они все на зиму попрятались.

Почему эта простая мысль не пришла нам на ум вчера или хотя бы сегодня утром?

Я принудила себя поднять телефонную трубку. К счастью, Иванов был дома. Я стала лепетать в телефон что-то про холод и про то, что лягушки впадают в зимнюю спячку...

— Пустяки какие, — успокоил меня Иванов, — лягушку можно заменить мандарином.

Достать в те годы мандарины было, пожалуй, не легче, чем разыскать лягушку.

В ответ на новый поток извинений Иванов сказал:

— У меня есть два мандарина, я захвачу их с собой.

Не буду рассказывать о том, как увлекательно говорил о тепле и холоде наш лектор, какие чудесные показывал нам опыты: эти простые опыты были похожи на самые замысловатые фокусы, так умел их обставить Иванов. Пришла очередь и мандаринов.

Рассказывая о том, как очень низкая температура резко меняет свойства вещества, лектор заморозил мандарины. Они стали прозрачными, твердыми, каменными. Есть такой минерал — халцедон. Розовые и оранжевые виды халцедонов называют сердоликами. Наши «сердоликовые» мандарины были положены на маленькую наковальню. Иванов дал одному мальчику молоток и предложил ударить этим молотком по мандарину — ни трещины, ни царапины! Ударил еще сильней, а мандарин только подпрыгнул и остался цел. Когда в конце концов мандарин все же раскололся, его осколки упали на землю со звоном, напоминающим звон разбитого хрусталя.

Опыт был простой и очень убедительный, красивый. На этом Иванов закончил лекцию.

Но после того, как он сказал «благодарю за внимание» и «до следующей встречи», ни обычных аплодисментов, ни шума отодвигаемых стульев, ни возгласов «спасибо» не последовало.

Непривычная тишина показалась мне угрожающей. И в самом деле, едва лектор собрался сойти с кафедры, как раздался вопрос:

— А стеклянная лягушка?

— Вместо лягушки были мандарины, — сказала я. — Стеклянные мандарины.

Меня уже никто не слушал:

— Для чего в афише лягушку рисовали? Даешь лягушку! Неправильно! Лягу-у-ушку-у-у-у!

Под этот шум, свист и улюлюканье Иванов собрал свои приборы, сложил их в ящик и ушел. Вася бежал впереди лектора, чтобы снять с вешалки его пальто. Сгибаясь под тяжестью ящика с приборами, следовали за Ивановым двое дежурных по залу.

— Не все ли равно: лягушка или мандарины? — возмущались мы с Лясей. — В другой раз не пустим вас на лекцию! — угрожали мы своим гостям.

Некоторые, более уравновешенные или более совестливые ребята замолчали, но видно было, что и они не на нашей стороне.

Я не могла тогда понять, как не стыдно из-за такого пустяка «срывать мероприятие». Теперь-то мне это понятно.

Мы, так называемые «активисты», были очень виноваты перед слушателями, особенно перед своими гостями, перед ребятами соседних дворов.

Мы сами их настроили на эту злополучную лягушку: Вася здорово ее нарисовал, да и буквы зеленые сразу даже издали были видны.

Лектора-то мы предупредили, он успел «перестроиться», решил взять мандарины. Но слушатели, ожидавшие увидеть именно «стеклянную лягушку», восприняли эти мандарины, как обман, как нечто неизмеримо худшее против того, что было обещано и чего они ждали. Не зря говорят: «Не давши слова — крепись, а давши — держись!»

И еще долгое время спустя, завидя меня, Лясю или Толю на улице, ребята с соседних дворов кричали нам вслед:

— Стеклянные лягушки!

Нам это было очень обидно.

Но случай с лягушкой — увы! — был не первой и не последней нашей ошибкой.

ЧЕРНИЧНЫЙ КИСЕЛЬ

Как только наступали теплые весенние дни, мы начинали готовиться к летним походам.

В первый год существования нашего клуба мы уходили недалеко и ненадолго, но постепенно мы приучили своих родителей отпускать нас сначала на сутки, потом на несколько дней, на неделю и даже на месяц. Правда, и мы со своей стороны сделали уступку родителям: брали с собой кого-нибудь из взрослых, на обязанности которого лежало «смотреть, чтобы мы не утонули».

Походы наши обычно носили целевой характер: мы собирали лекарственные растения, травы, ягоды и сдавали их на приемочные пункты аптекоуправления.

Правила у нас в походе были суровые: каждый несет ношу, которая ему поручена, выполняет обязанности, которые назначены, каждый одет, как условлено.

В тот поход, о котором я хочу рассказать, за старшего шла с нами рослая девица Капитолина Ивановна, по специальности ботаник, и не просто ботаник, но даже кандидат наук.

Шла она в поход для того, чтобы подготовить материалы к одной своей научной работе, и мы должны были на этот раз не только собирать растения и сушить для сдачи на пункт, но и брать монолиты почв, измерять скорость течения рек, проверять состав воды, составлять гербарии и карты.

Капитолина Ивановна разделила нас на «партии» — ботаников, гидрологов, зоологов, почвоведов и так далее. Ввиду того, что нас всего было двенадцать, в каждой партии оказалось по два человека.

Тринадцатым шел новенький мальчик, Вова Дюкалов. Но его никто не принимал всерьез, и ни в какую партию он не попал.

— Ты будешь помогать каждой партии по очереди,— решила Капитолина Ивановна, или, как мы ее прозвали, «Капитан».

В самом деле, уже одно то, что Вова был моложе всех нас, меньше ростом и слабее, вызывало некоторые сомнения в его пригодности к трудному походу. Мало того, он еще отличался от нас всех и своим снаряжением. Вместо тюбетейки, как у каждого из нас, на его голове была огромная белая войлочная шляпа с большими полями, отороченными козьим мехом, так называемая кавказская, туристская.

— Мама боится, что я потеряю тюбетейку,— доверительно сообщил он нам,— а эта шляпа держится на резинке...

Ноша, которую Вове предстояло нести, была разложена в два рюкзака: один висел у него за спиной, другой спереди.

— Это, чтобы я не горбился.

В довершение всего он был близорук и носил очки в массивной черной оправе.

— Это чтобы не разбились, если упадут. Из такой оправы стекла не выскочат.

Со своими двумя рюкзаками он был похож на очкастую черепаху, вставшую на задние лапы.

— Построиться!—приказала Капитолина Ивановна, наш Капитан.

— Шагом... арш! — Это уже исходило от Толи Сидоренко.

Как всегда перед выступлением в путь, он должен был посмотреть на свой отряд, так сказать, с птичьего полета, стоя на балконе. Сверху, как он уверял, сразу видно, если что не так.

— Эй, ты, новенький! — крикнул он Вове.— Почему карманы оттопырены?

— А там лимоны. Это если будет в автобусе тошнить,— простодушно ответил Вова.

Понятно, что именно этот мальчик оказался в центре нашего внимания и что именно на нем изощряли мы свое остроумие. Да это было и не трудно: поводов к насмешкам он давал много. Ну, скажем, что можно забыть, потерять, уронить в походе? Зубную щетку,

мыло, расческу, носки — все это он растерял в самые первые дни. Удочка уплыла от него, когда его послали поудить рыбы к обеду. Но рекорд он поставил во время стирки. Каждый у нас стирал свои вещи сам. После того, как Вова собрал свои выстиранные накануне вещи, положил их в рюкзак и мы отошли от пруда километров за тридцать, выяснилось, что он забыл на ветке трусы.

Раздувая костер, он опалил мех, которым оторочены были поля его шляпы.

«Маша-растеряша» и «Рассеянный с улицы Бассейной» были самыми безобидными из бесчисленных прозвищ, которыми мы его награждали.

К насмешкам Вова относился довольно добродушно, сам даже хихикал втихомолку, если какая-нибудь из шуток казалась ему особенно остроумной.

— Старо, старо, с бородой!— с важным видом произносил он, если кто-либо повторял одну и ту же проделку.

Капитолина Ивановна еще кое-как мирилась с Вовиной беспомощностью. «Оказывается, для того я защитила диссертацию на степень кандидата наук, чтобы стать нянькой!» Но она совершенно не могла переносить его постоянных «отчего» и «почему».

— Почему сосновый лес сменяется лиственным, а потом лиственный опять сосновым?

— Отчего мухоморы бывают красные, белые и желтые, а голубые не бывают?

— Зачем нужно соловью петь?

— Уж лучше бы локоть драный на ковбойке зашил, чем зря языком болтать,— говорил кто-нибудь из нас, видя, что Капитан явно тяготится чрезмерной Вовиной любознательностью.

Надо сказать, что Капитана мы все очень уважали. Капитолина Ивановна научила нас зажигать костер с одной спички в любую погоду, ставить палатку, складывать в рюкзак множество разнородных предметов так, чтобы они не помялись, не побились, не рассыпались, научила нас ориентироваться по компасу и без компаса. Мы гордились тем, что она приобщила нас к своей научной работе, и были преданы ей беззаветно. Великим счастьем считали мы, когда, сидя вечером у костра, удостаивались слушать бесконечные рассказы о ее путешествиях по Памиру, Алтаю, Кавказу, о приключениях в Каракумах и в Якутии...

Но неугомонный Вова и тут умудрился вставлять свои коварные вопросы:

— А сарлыки на Алтае мычат или хрюкают? Почему у лиственницы хвоя на зиму опадает? Отчего дальневосточная белка темная, а китайский соболь светлый?

— Ну какое это имеет отношение к нашей теме? — возмущалась Капитолина Ивановна.

— Как тебе не стыдно? Приставучка! — подхватывали мы.

И постепенно Вова отвык задавать вопросы. Но и слушать он тоже перестал. Сидит тихонько, смотрит на огонь, но видно, что мысли его далеко-далеко. Даже, бывало, вздрогнет, если к нему неожиданно кто обратится. И вот к его многочисленным прозвищам прибавилось еще одно, «Индивидуалист», или «Индивидуй», как он сам переиначил эту новую кличку.

Уже к концу похода мы вдруг вспомнили, что Индивидуй ни разу не оставался дежурным по лагерю.

— Надеюсь, ты сумеешь сварить кашу на костре или хотя бы приготовить картофельный суп,— сказала Капитолина Ивановна и решительным шагом направилась к дальнему лугу, где должна была в тот день работать партия ботаников. Гидрологи пошли к реке, почвоведы зашагали к оврагу. Все мы вышли из лагеря с зарей, когда бледное утреннее небо еще только зарумянилось по краям. Работы предстояло много. На завтра был назначен отъезд, и потому хотелось сегодня успеть как можно больше.

В лагерь мы возвращались, когда лучи заходящего солнца, словно золотые пики, пробивались между черными, похожими на спущенные флаги ветвями елей.

Ломило спину, ноги, руки: ведь работали от зари и до зари. Подбадривало только предвкушение горячего ужина у костра.

Вова встретил нас чисто вымытыми, но, увы, пустыми мисками.

Капитан потребовала объяснений.

И Вова рассказал нам, как ему захотелось порадовать нас чем-нибудь повкуснее приевшейся каши. Он набрал черники и решил сварить черничный кисель.

— Кисель получился очень хороший...

— Где же он?

Оказывается, чтобы кисель поскорее остыл, Вова разлил его по мискам. Миски, понятно, стояли на траве. Вова прикрыл их плащом, чтобы пыли или травинок не нанесло. Затем он взял фотоаппарат нашего Капитана, надел на аппарат насадные кольца и стал сквозь них рассматривать сначала лягушонка, потом луговой василек, лютик, какую-то травку... Увлекшись этим делом, он опомнился, когда солнце садилось... Кашу сварить уже не успеть! Но ведь сварен чер-

ничный кисель. Пошел Вова взглянуть на него, и ему издали показалось, что плащ шевелится. Подошел поближе — видит: плащ в самом деле шевелится.

— Я очень испугался, потом кое-как заставил себя приподнять край плаща и увидел, что в каждой миске сидят по две, по три, а в одной миске даже целых восемь лягушек. Я все вылил, пошел на речку, вымыл посуду, вскипятил воду и облил миски кипятком. Теперь они чистые...

Сытые мы рассуждаем иначе, чем голодные, усталые ведем себя иначе, чем отдохнув. Возможно, если бы мы услыхали про черничный кисель после небольшой увеселительной прогулки, мы посмеялись бы этой истории, как я смеюсь сейчас, вспоминая о ней. Но тогда мы очень устали и были голодны. Не до смеха нам было.

— Собственно говоря,— произнесла Капитолина Ивановна, обращаясь к Вове,— собственно говоря, ты никогда не проявлял инициативы на полевой работе. Почему же ты решил проявить ее, готовя пищу для своих товарищей?

Вова даже рот разинул, настолько этот вопрос оказался для него неожиданным. Он стоял перед нами маленький, босоногий, с исцарапанными коленками, с войлочной шляпой, которая висела у него за спиной, придерживаемая резинкой. Очки сползли на самый кончик носа. И мы, возможно, в первый раз за все путешествие увидели его синие, большие, близорукие глаза, оттененные густыми ресницами.

— Эх, ты! — произнес Толя, встал и нахлобучил Вове его войлочную шляпу на самые глаза, от чего они стали еще синее.— Эх, ты, анемон!

Анемоны — лесные цветы — бывают белые и ярко-синие.

— Анемон, настоящий анемон,— подхватили мы.

Много мы давали Вове прозвищ, но он никогда не обижался. Почему же это слово «анемон», название прелестного цветка, возымело такое действие?

Вова молча отошел от костра и полез в свой спальный мешок.

Мы сами сварили кашу, испекли картошку, вскипятили чай. Вова не стал с нами ужинать. Он притворился спящим.

Утром Вова сложил в свои рюкзаки все что полагалось и молча пошел вместе со всеми к шоссе, сел в автобус, прошагал по городским улицам до дверей клуба, но в клуб не вошел. Сказал «до свидания» и побрел по улице к себе домой.

— Эй, ты! — крикнул ему вслед Толя. — Сдай дневник.

Такое было у нас в клубе правило: путевые дневники хранились в общем шкафу. Зимой мы их обрабатывали, лучшие страницы переписывали и вклеивали в очередной номер нашего рукописного ежемесячного журнала «СИНИЙ ФАКЕЛ».

Вова обернулся, немного помедлил, но закон есть закон, и, опустив на землю рюкзак, он развязал его, вытащил свернутую в трубку тетрадочку и протянул ее Толе.

Затем он пошел от нас еще быстрее и ни разу не обернулся.

Некоторое время спустя, в один дождливый осенний вечер, когда мы снова все вместе собрались в «КЛУБЕ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ», кто-то из нас вспомнил о Вове:

— Интересно все-таки узнать, что тот маленький анемон в своем дневнике нацарапал...

Мы достали тетрадочку и начали читать, сначала с насмешками, но потом все с большим и большим увлечением:

— «Я нашел птенчика мухоловки. Я взял его в руки и увидел, что у него в лапках много глины. Я стал вычищать ее. Сначала птенчик не давался, но я все же вычистил ему лапки, и он улетел... А когда я вешал белье на ветки, птенчик сел на куст и стал чивиркать... Я спугнул его, он улетел...»

— Вот, значит, когда он свои трусики на ветке позабыл,— сказал Толя.

А Вася читал вслух дальнейшие записи:

— «Об особенностях охоты хищной рыбы шелеспера. Было принято считать, что шелеспер, охотясь, глушит рыбу ударами хвоста. Но один рыбак сказал мне, что шелеспер, ударяя хвостом по воде, привлекает добычу. Я стал кидать в воду камешки и увидел, что рыбки подплывают к месту падения камней...»

— Это он, верно, тогда удочку свою упустил...

В маленькой тетрадочке было собрано много интересных наблюдений. Многое, о чем Вова писал, мы и сами замечали, да не обратили на это внимания всерьез, а иного и вовсе не заметили.

— «Сегодня утром я проснулся раньше всех. Меня разбудил стук пишущей машинки. «Неужели мама сюда приехала,— подумал я,— да еще со своей машинкой?» Я вскочил, но машинка застучала где-то далеко. Я побежал на звук. Нет, это была не мама. Оказалось, что синичка издает такой звук, и когда она горлом «печатает», то хвостик у нее в такт звукам подрагивает...»

Так, листая страницу за страницей, дошли мы и до записи, относящейся к черничному киселю. Вова подробно описывал, как был он изумлен, взглянув через объектив на лягушонка.

— «Я увидел зрачок, черный-черный и блестящий, как полированный агат. Он был окружен узким прозрачным рубиновым колечком...»

Мы, так называемые ботаники, все лето занимались сбором растений для гербария, но мы не знали, что лепесток лугового василька покрыт тончайшими, «белесыми и прозрачными», как писал Вова, волосками.

До сих пор помню я описание лютика: «...Как ясное солнышко глянул в объектив своими глянцевыми жестковатыми лепесточками золотой цветок лютика. *Ярко-желтые тычинки с матово-желтыми мешочками пыльников покачивались вокруг множества темно-желтых пестиков».*

Потом он рассказал, как сорвал стебелек какой-то неведомой ему травки, на которой белели чуть заметные звездочки мелких цветочков. Увеличенный, этот цветок оказался «...внутри розовым с белыми прожилками и белый с розовыми прожилками снаружи. В глубине цветка сияла золотистая звездочка, над звездочкой поднимались лимонного цвета тычинки, а в середине звездочки словно горел ярко-пунцовый пестик».

Закончив чтение, мы молча сидели вокруг стола. Вася первый нарушил молчание:

— Как это мы такого парня проглядели?

Теперь-то мы понимали, что ни чуточки он не был «Рассеянным с улицы Бассейной». Сосредоточенный он был, а не рассеянный.

— Может быть, послать ему членский билет? — предложил Вася.— Я нарисую и пошлю по почте.

— Зачем делать просто, когда можно сложно? — съязвила Люся.— Для чего нам даны ноги, когда существует почта?

Не сговариваясь, мы разом, все пионеры, сколько нас тогда было, пошли к нашему анемону домой.

Прозвище это за ним так и осталось. Но теперь слово «анемон» никому не казалось обидным. Напротив, мы говорили его друг другу скорее в похвалу. Звание анемона надо было заслужить.

А что касается сарлыков, то мы прочитали у Брема в разделе «Одиннадцатый отряд, парнокопытные, третья семья, полурогие»: «Голос выражается звонким или глухим мычанием или хрюканьем и ворчанием; последнее можно слышать главным образом, когда животное раздражено».

Так что вопрос, заданный Вовой у костра, тоже был не таким уж глупым.

Ко́тлен-Пу́гал

Л. КАФАНОВА

Рисунки В. Цельмера.

В Главном управлении геодезии и картографии хранятся большие бумажные листы. Если разложить их все один к одному, то они займут половину футбольного поля. Это первая крупномасштабная карта СССР — «стотысячная». Один сантиметр на ней соответствует ста тысячам сантиметров (или одному километру) на земле, точка от укола циркулем — десяти метрам.

Листы «стотысячной» карты окрашены в зеленый цвет. В разных направлениях их пересекают синие полоски рек, красные и черные линии шоссейных и железных дорог; тут и там разбросаны темные прямоугольники населенных пунктов; специальные условные знаки рассказывают о растительности и почвах; коричневые горизонтали, похожие на годичные кольца старого пня,— о рельефе местности, о ее высоте над уровнем моря. Посмотрев на «стотысячную» карту, можно представить себе любой, самый отдаленный уголок нашей Родины.

Огромная работа понадобилась для того, чтобы создать такую карту. В нее вложен труд нескольких тысяч человек!

Очерк «Ко̀тлен-Пу́гал» — маленький эпизод из жизни топографа, проводившего высотную подготовку для «стотысячной» карты в Западной Сибири.

Гидросамолет взревел моторами, заскользил по воде и, легко оторвав свои поплавки, поднялся в воздух.

Топограф Андрей Амосов, молодой человек, коренастый и крепкий, сидел в кабине позади пилота. Разложив на коленях карту, он внимательно рассматривал на ней свой маршрут. Карта была старая, с обтрепанными краями, составленная давно и, как говорят, по «опросным данным». В правом верхнем ее углу растекались неровные голубые пятна — болота и озера. Здесь Андрею предстояло организовать «точку срочных отсчетов», то есть на одном и том же месте в опре-

деленные сроки измерять температуру и давление воздуха, чтобы по этим данным впоследствии вычислить высоту над уровнем моря. Затем нужно было спуститься на юг, к притоку Иртыша — Демьянке, проложив «высотный ход» к обозначенному на карте селению Котлен-Пугал.

Пилот, не оборачиваясь, постучал в стекло кабины и показал рукою вниз.

«Долетели», — подумал Андрей.

Внизу за темной полоской леса простиралась бесконечная топь со множеством серебристых лайд — болотных озер. Самолет покружился, сел на самое крупное озеро и подрулил к берегу. Выгрузили ящик с приборами, мешок с провизией, палатку. Пилот посидел с Андреем, выкурил с ним папиросу. Он понимал, что топографу нелегко оставаться одному среди этих унылых болот. Но что поделаешь? У каждого своя работа, свой долг... И вскоре самолет, покачав на прощание крыльями, улетел обратно.

Андрей остался один. Он подготовил к наблюдению приборы, разбил палатку, разложил костер. Незаметно подкрался вечер. Стемнело. Топограф сидел у костра, напряженно вглядываясь в обступившую со всех сторон черноту. Тревожно шумела под ветром осока, где-то поблизости ухал филин. Уснуть Андрей не мог. Не смыкая глаз, просидел он у костра до рассвета...

А затем потянулись долгие, похожие друг на друга дни. Андрей привыкал к своему одиночеству. Закончив работу на точке срочных отсчетов, он взвалил на себя все имущество и двинулся на юг. Шел Андрей медленно, осторожно переступая с кочки на кочку. Под сапогами чавкала застоявшаяся вода, в душном воздухе висели звенящие тучи мошкары. Через каждые четыре часа Андрей делал привал. Вынимал приборы, измерял температуру и давление воздуха.

Через трое суток болота кончились. Андрей очутился на берегу речушки, судя по карте — Кеума, притока Демьянки.

Быстро отыскав брод, Андрей перебрался на тот берег и пошел по водоразделу. Через несколько километров впереди заблестела большая река, по всем данным — Демьянка. Минуло двенадцать суток с тех пор, как самолет доставил Андрея на болота. Продукты кончились. Но его это не беспокоило. Теперь до Котлен-Пугала рукой подать. Однако чем дальше шагал он вдоль реки, тем чаще закрадывалось в душу сомнение: ничто вокруг не напоминало о близости человеческого жилья.

Андрей присел на поваленный ствол и постарался припомнить весь свой путь от безымянного озера до этой реки. Нет, он не мог ошибиться, он шел точно по карте. Но где же тогда этот самый Котлен-Пугал? Целый день он ничего не ел, кроме ягод дикой малины, попадавшихся на пути, и его мучил голод. Надвигались сумерки. Андрей поднял голову и увидел прямо перед собой черный пень. Неожиданно пень шевельнулся. «Глухарь», — мелькнуло у Андрея. Зарядив карабин, он начал целиться. Руки дрожали. Птица, видно, почуяв опасность, резко дернулась и побежала по земле. Раздался выстрел. Пуля, посланная неточно, пролетела мимо. Андрей схватил патронташ, но тот был пуст... Что делать?

Упорно, превозмогая смертельную усталость, брел топограф вниз по реке. Болели натруженные, распухшие ноги, обессиленное тело отказывалось повиноваться. Каждое утро Андрей огромным напряжением воли заставлял себя подниматься с самодельной постели из веток. Прежде чем отправиться в путь, он взбирался на самое высокое дерево. Кругом на десятки километров лишь торчали острые верхушки вековых елей...

Но однажды Андрею показалось, что вниз по реке, над лесом поднимается сизый дымок.

— О-го-го! — закричал он.

Ответа не последовало. Стало страшно. Андрей вообразил, что это охотники разложили в лесу костер. Сейчас они поднимутся, уйдут, и он снова останется один...

Он кричал долго, изо всех сил. И вдруг до его слуха донесся голос, высокий, тонкий. Цепляясь ватником за сучья, Андрей скатился с дерева и побежал. Но тут же остановился. Бежать нельзя. Оставят силы, устанешь. Он пошел быстро, не останавливаясь, раздвигая израненными руками кусты и низко нависшие ветки. Неожиданно лес кончился, и Андрей увидел круглую поляну и на ней маленькую охотничью избушку. Рыжий пес выбежал ему навстречу и с лаем бросился в ноги. Андрей упал без сознания.

Очнувшись, он увидел склонившихся над ним старика и старуху. Это были ханты — представители маленького народа, живущего в Западной Сибири.

— Ты кто? — спрашивал Андрея старик, заглядывая в его заросшее бородой, побуревшее от солнца и ветра лицо.

— Топограф, из экспедиции. Скажи, где я? Что это за река?

— Кеум.

Ответ старика озадачил Андрея. Ведь он считал, что давно прошел верховья Кеума.

— А где же Демьянка?

Старик махнул рукой за реку.

— Три-четыре дня хорошо идти.

«Хорошо идти» — значило идти через болота на лыжах, делая по тридцать километров в день. Непривычному к такому способу передвижения человеку под силу одолеть этот путь только за десять дней.

— А где там Котлен-Пугал?

Старик отрицательно покачал головой.

— Нет Котлен-Пугал. Давно нет.

В чем же дело? Значит, карта, по которой был проложен маршрут, совсем неверна. Кеумом на ней назван его безымянный приток, там, где изображена Демьянка, по словам ханта, течет Кеум, а селения Котлен-Пугал и вовсе нет. Все это следует проверить. Но сперва надо попасть на базу отряда, в село Лымкоевское, расположенное ниже по Кеуму.

— Старик, проводи меня до Лымкоевского, — попросил Андрей.

— Не могу, — ответил старик. — Завтра иду медведя бить.

Андрей знал, что старые ханты считают медведя священным зверем. Готовясь к медвежьей охоте, они совершают сложный обряд, во время которого поют двести особых песен. Просить старика бесполезно.

На утро Андрей стал собираться. Старик снабдил его провизией, дал свою лодку. Пока Андрей укладывал в нее вещи, старик и его жена о чем-то громко спорили.

— Я пойду с тобой в Лымкоевское, — неожиданно сказал старик. — Патрон нет. Патрон покупать надо. — Он вытащил какую-то сумку и вывернул ее наизнанку.

...Кеум оказался коварной рекой. Старик то и дело выволакивал лодку на берег, чтобы обойти пороги и завалы. Путь он знал хорошо, и через неделю они добрались до Лымкоевского.

— Спасибо тебе, — сказал Андрей. — Пойдем со мной, я дам тебе патроны.

Старик засмеялся.

— Не надо мне патрон. У меня много патрон. Я старуху обманывал. Не пускала тебя провожать.

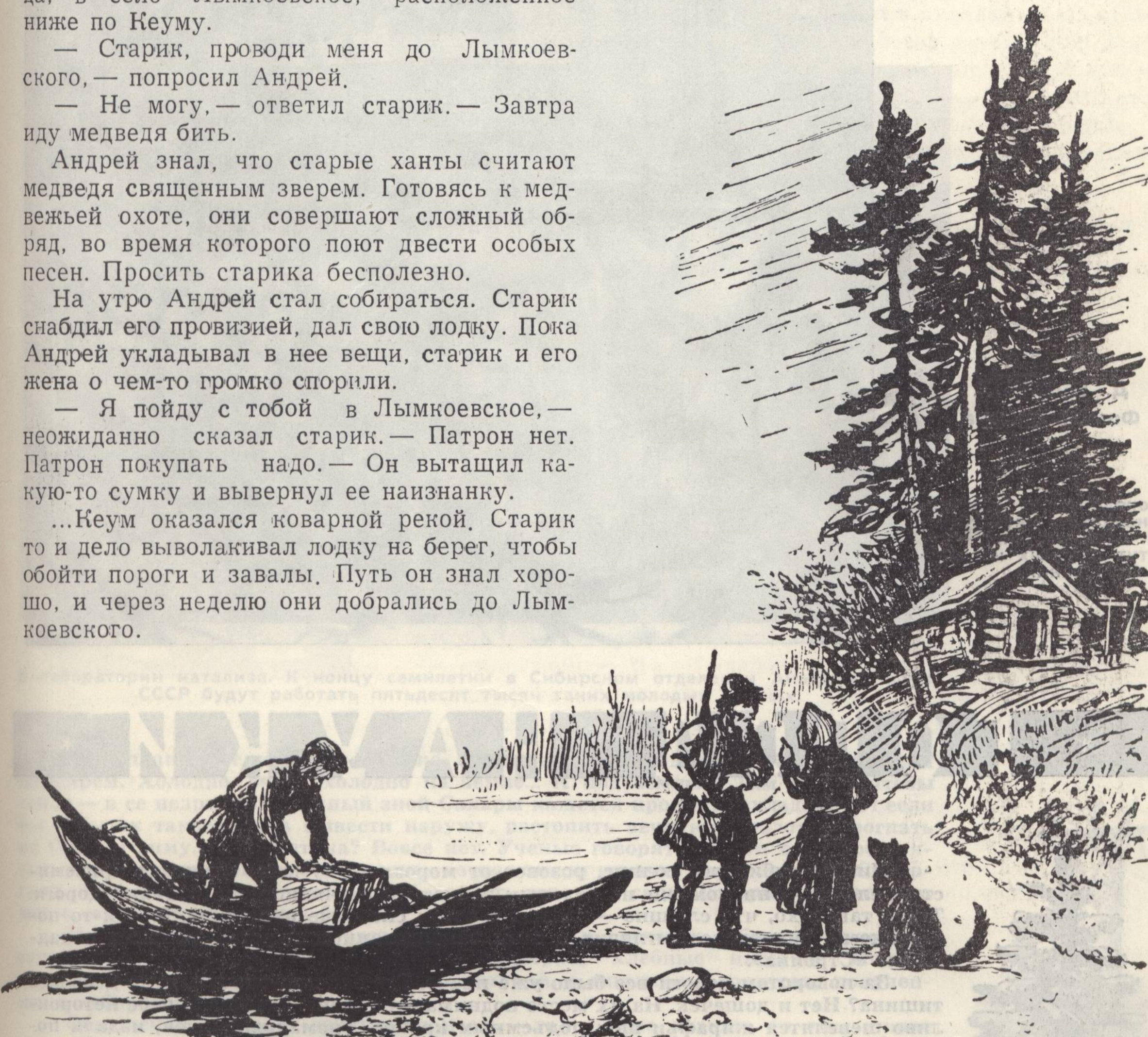
Тут только Андрей все понял. Старик отказался от медвежьей охоты, чтобы проводить его. Один Андрей непременно запутался бы в бесконечных протоках Кеума. Неизвестно, когда добрался бы он один до Лымкоевского, и добрался ли бы...

— Идем со мной. Отдохнешь, поживешь у меня, — стал просить Андрей.

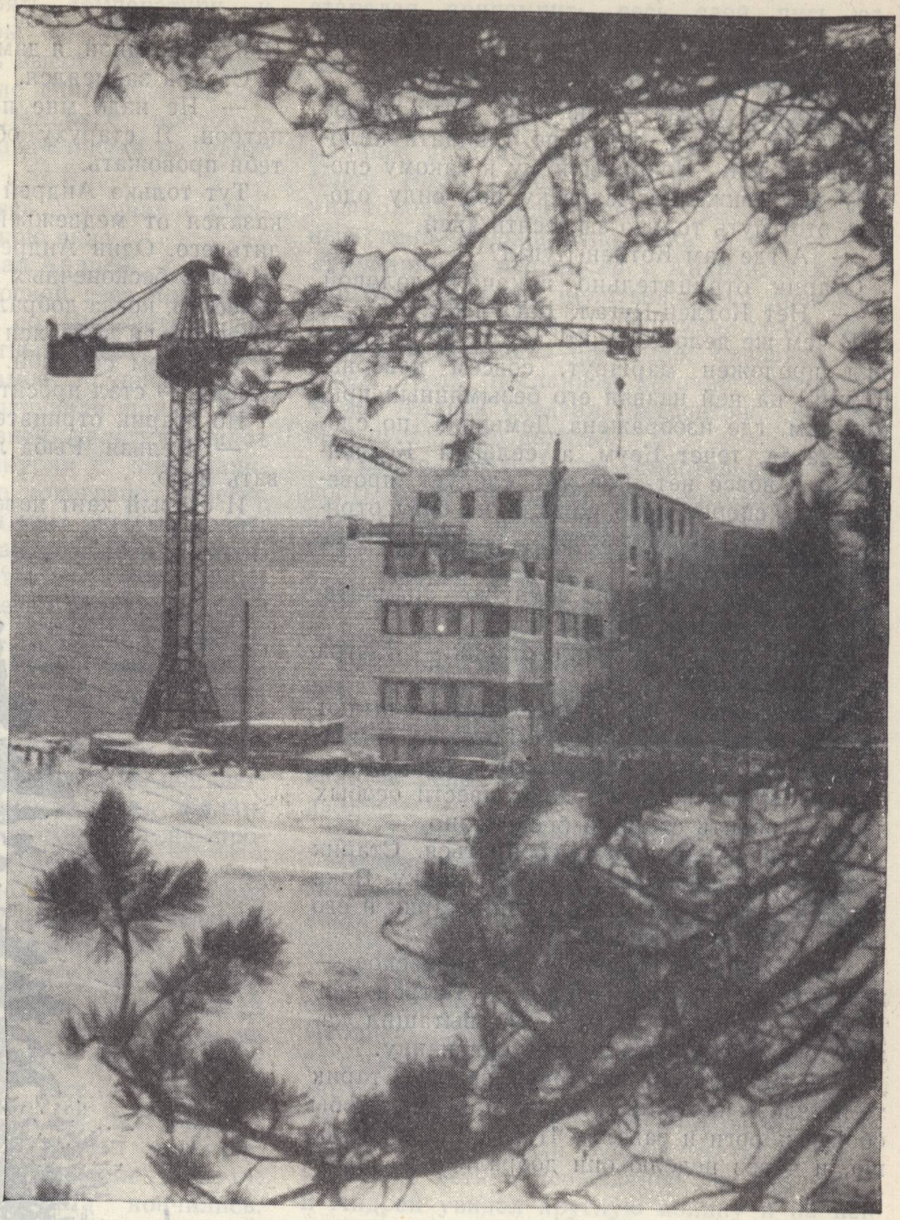
Но старик отрицательно покачал головой.

— Нельзя. Рыба ловить надо, зверь убивать надо.

И старый хант повернул обратно.

МОЯ СТРАНА

Д. БЕЛЕНКИН.
Фото И. Гричера.

В городе науки будет девятнадцать институтов. Это один из них — институт ядерных исследований.

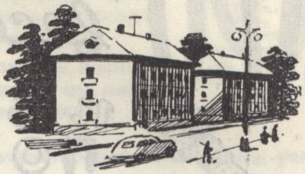
ГОРОД НАУКИ

Низкое сибирское солнце, розовое от морозного тумана, освещает приземистые елочки. Они похожи на зеленых зайчат, выскочивших на обочину дороги. Тихо, так тихо, что слышно — падают с веток снежные рукавицы. И как-то постранному, сиротливо выглядит в этом заколдованном царстве дощечка с надписью «Стройка».

За поворотом дороги все было уже иначе. Где зайчата-елочки, куда девалась тишина? Нет и дощечек. На их месте поднимаются стены зданий. В небе неторопливо шевелятся жирафьи шеи подъемных кранов. Громадный крюк, издали похожий, впрочем, на обычный рыболовный крючок, казалось, пытается поймать солнце и уложить его на железобетонные панели.

А поодаль новенькие дома уже блестят голубыми льдинками оконных стекол. Мы чувствуем себя путешественниками во времени. Только что побывали в прошлом, а теперь перед нами настоящее и будущее города науки. Прошлым был заснеженный лес; настоящее — развороченная котлованами земля, тянущиеся к небу стены; будущее — стройные здания институтов и жилые кварталы.

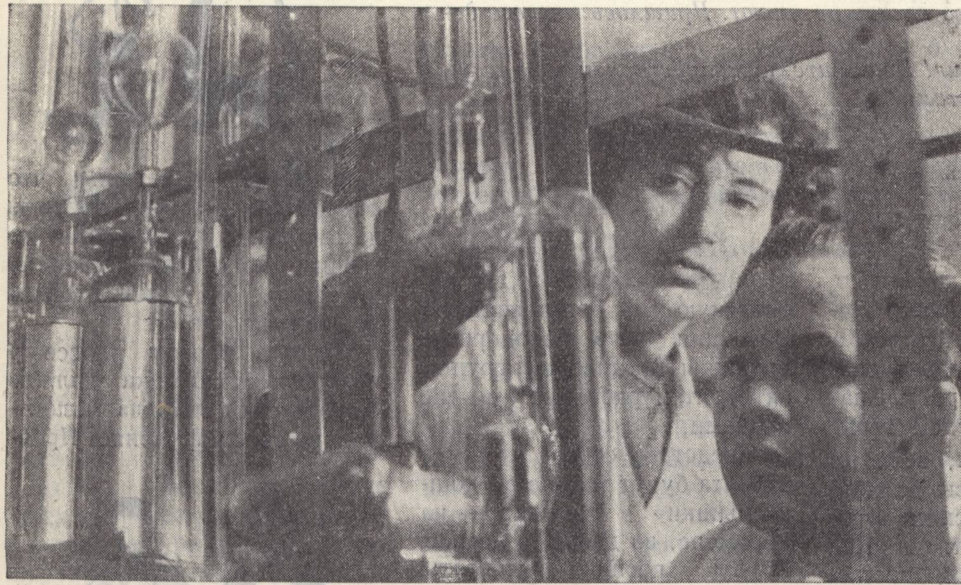

Однако о подлинных масштабах будущего мы узнали не на стройке. О них рассказали нам ученые, которые съезжаются сюда, в город-спутник Новосибирска, со всех концов Советского Союза.

Ученых влечет страна сказочных возможностей — Сибирь. Хотя на территории многих будущих институтов еще дремлют елочки, а лабораториям пока тесно, научная работа идет здесь полным ходом.

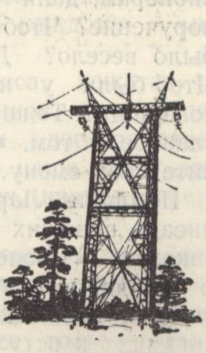
Если все сибирские реки соединить в одну, то вода этой новой реки в своем беге от истока до устья трижды пробежит расстояние от Земли до Луны. Стоит ли удивляться, что именно в Сибири сооружают самые мощные в мире гидроэлектростанции — Братскую и Красноярскую? Энергии сибирских рек хватит, чтобы обратить полярную ночь в день. Ее с нетерпением ждут не только заводы и фабрики Сибири, но и богатырь нашей промышленности — Урал.

Но от того же Братска до Урала около трех тысяч километров. Никто и никогда не пытался перебросить электрическую энергию на такое расстояние. Новое слово в развитии энергетики предстоит сказать молодой сибирской науке. И оно уже наполовину сказано. Сейчас спор идет не о том, можно ли перебросить электричество с берегов Ангары к подножию Уральских гор, а о том, какой способ передачи из числа предложенных учеными лучше.

В лаборатории катализа. К концу семилетки в Сибирском отделении Академии наук СССР будут работать пятьдесят тысяч таких молодых ученых.

Есть планы и еще более дерзкие. Зима надолго сковывает Сибирь ледяным панцирем. Холодно, очень холодно на земле... А под землей? Там не то чтобы тепло — в ее недрах полдневный зной Сахары кажется просто прохладой. Вот если бы избыток такого жара вывести наружу, растопить вечную мерзлоту, прогнать из Сибири зиму... Фантастика? Вовсе нет. Ученые говорят об этом очень обстоятельно и деловито. Они хотят поднять из-под земли горячие воды Западно-Сибирской низменности и заставить их обогревать города и сады, которые зацветут на месте теперешних унылых болот.

Много удивительного предстало перед нами в расчетах сибирских ученых: заводы-автоматы, электростанции на гейзерах, хлебные нивы у Полярного круга, звездное вещество с температурой в миллионы градусов, полученное в лаборатории...

Обращение мечты в действительность — так можно назвать то, чем живет сейчас город на берегу Обского моря, город, которому суждено стать крупнейшим центром мировой науки.

ПРО „КОШКИ-МЫШКИ“, ВЕСЁЛЫЕ КНИЖКИ И ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Дорогая редакция!

Мне и моей подруге Миле поручили быть вожатыми октябрятских звездочек во 2-м классе. Мы ходим к малышам, играем с ними в «кошки-мышки», в «салочки». Мила хотела пойти с октябрятами в поход, да их мамы не пустили.

Я задумала со своей звездочкой выпустить фотомонтаж, но они даже хорошо клеить не умеют. Пришлось мне все делать самой.

Дорогая редакция! Напишите, пожалуйста, чем же мне заниматься с октябрятами?

Лариса Лазаренко

Московская область,
с. Ислaвское.

Прочитали мы письмо Ларисы, сели писать ей ответ, а потом подумали: ведь тревожит это не одну Ларису. Значит, и отвечать будем всем.

Многие пионеры, если их спросить: «А что вы делаете в своих октябрятских звездочках?» — ответят: «Как что? Играем, поем, читаем октябрятам сказки...»

А вы не задумывались над тем, почему именно вам, пионерам, дали это важное поручение? Чтоб октябрятам было весело? Да, пожалуй. Чтоб были у них старшие товарищи? Тоже верно. Но главное в том, что вы готовите себе смену.

Помнишь, Лариса, как записано в ваших пионерских законах: «Пионер заботится о младших»? А в пионерских ступеньках: «Подготовь младших к вступлению в пионерскую организацию»? Вот для чего пионерские дружины организуют группы октябрят и работают с малышами.

Представь себе, что октябрята будут только в «кошки-мышки» играть — на перемене, во дворе, в лагере. Играть, песни распевать. Разве пионеры только это умеют? «Конечно, нет», — ответишь ты. Вы тоже поете, играете, но еще умеете трудиться, дружить, помогать старшим, охранять природу... Значит, договорились: учим октябрят не только петь да играть, а помогаем им стать хорошими пионерами.

Вспомни-ка правила октябрят! Что в них записано? Октябрята — прилежные ребята, хорошо учатся, любят школу, умеют трудиться, они честные и правдивые ребята, дружные, веселые...

Вот чему предстоит научить малышей. А ты пишешь, что приходится все делать самой. Нет, Лариса, если ты будешь все делать одна, скоро заметишь, что октябрятам надоест слушать да смотреть, как ты сама читаешь им сказки, клеишь, рисуешь... Им хочется самим что-то поделать.

Уже в первом классе у каждого октябренка должно быть пускай сначала маленькое, но свое поручение. Правда, хотим тебя сразу же предупредить: октябрята больше любят командовать, чем подчиняться. Вот и нуж-

Как показать ребятам, что красный галстук — частица красного знамени!
Позови к октябрятам пионеров из своего отряда. Покажите октябрятам, как из пионерских галстуков можно быстро выложить на столе знамя. А потом пусть каждый из пионеров расскажет интересную историю про красный галстук.

Скоро весенние каникулы, перерыв в занятиях. А в дружбе твоей с октябрятами перерыва быть не должно. Хотя бы раза два за каникулы сходи с ребятами в кино или соберитесь поиграть.

Ты, наверное, уже устал от постоянных жалоб: «Коля, а он из пары вышел!», «Коля, а он меня толкнул!», «Коля, а он с собой палку тащит!» Что с ними делать!

Веди себя так, чтобы ребята почувствовали, что ты не уважаешь ябед, тех, кто жалуется по пустякам.

но научить их дружно жить в коллективе, вместе с товарищами трудиться, вместе отдыхать, помогать друг другу.

Теперь предположим, что у всех октябрят звездочки есть поручения: кто следит за чистотой, кто поливает цветы, кто хранит хозяйство (краски, пластилин, игры), кто книжки, библиотеку малышей.

И вот октябрята встречают тебя взволнованные, встревоженные:

— Ой, что делать, Лариса? На наши цветы напали какие-то пауки... Они их съедят... Что теперь будет?

— И книжка совсем разорвалась... «Золотой ключик»... Что же с ней делать?

Малыши ждут от тебя помощи и совета. А ты, может быть, и не знаешь, как прогнать с цветочных листьев вредных насекомых, и книжки тебе не приходилось переплетать. Но не огорчайся! Знаешь, кто поможет октябрятам? Да твои же товарищи, из твоего отряда. Есть у вас юннаты? Есть пионеры-умельцы? Зови их к октябрятам. Они не откажутся. Один

устроит «больницу» для книжек, другой поведет октябрят в зимний поход, в гости к деду-морозу, третий устроит кукольное ателье, четвертый организует фабрику игрушек.

Всего-то, может, по одному разу и придется прийти к октябрятам, зато очень многому они их научат.

А в самых больших октябрятских праздниках участвует весь пионерский отряд — когда вручают первоклассникам звездочки, устраивают веселую елку и, конечно, в торжественный день приема в пионеры.

Но мы с тобой начали разговор о том, чем же заниматься с октябрятами, что должны уметь, чему должны научиться октябрята за эти три года, чтобы получить право войти в большую и дружную пионерскую семью.

Как-то встретились мы с одной вожатой звездочки. Она показала нам свой план.

Тут я наметила, что будем делать с октябрятами: пойдем в краеведческий музей, проведем сбор о Советской Армии, выпустим стенгазету, будем собирать металлолом, участвовать в строительстве нашей школьной теплицы, пойдем в...

— Погоди, погоди, Валя, — остановили мы ее. — И все это для первоклассников?

Мы не думаем, что Валя — плохая вожатая. Она, наверное, очень хотела, как и вы все, помочь октябрятам. Но в чем ее ошибка? Догадались?

Правильно. Валя не подумала о том, что октябрята еще малы, она наметила для них дела, как говорится, «не по возрасту». И это ошибка многих вожатых, вот почему мы хотим еще раз напомнить вам: правила-то для всех октябрят одинаковые, но дела — каждому «по возрасту».

Ты, Лариса, вожатая у второклассников, но, поскольку мы договорились, что письмо наше будет для всех вожатых, начнем с первого класса.

Ты жалуешься, что твои второклассники ничего не умеют, а ведь первоклассники и вовсе только-только

Играй со своими октябрятами в те игры, которые сам больше всего любишь: «салочки», «колдунчики», «прятки», «12 палочек»... Не обязательно всякий раз придумывать новые игры.

Наверное, отправляясь к своим октябрятам в первый раз, ты вычистил ботинки и подшил свежий воротничок. А теперь ты не забываешь это делать! Смотри, как бы тебе не привести в пионерскую организацию целый отряд нерях.

В одной дружине был такой случай. Вожатый поручил своим октябрятам принести в школу пустые флаконы из-под духов и лекарств.

— Только обязательно пустые, с духами или одеколоном нельзя,— убеждал он их.

На следующий день в школу пришла расстроенная мама октябренка Сережи. Оказывается, сын ее вылил дома все духи из флаконов в раковину, чтобы сдать своему вожатому пустые бутылочки. Вот как старательно Сережа выполнил задание!

Когда даешь ребятам поручение, помни, что они еще очень маленькие. Надо точно и подробно объяснять им, что делать.

из детского сада. А в одном из октябрятских правил все равно записано: «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут».

Значит, надо их приучить к труду, но к такому, который им по силам. Убирать, скажем, за собой. Труд это? Конечно. Ну-ка, вожатые первоклассников, отвечайте: у всех ли ваших октябрят есть дома рабочие уголки? Умеют ли они обернуть книжку, сделать закладку для своих учебников? Мастерили ли вы из пластилина огурцы, мухоморы, рыбки для счета?

А золу для удобрения вы ссбирали? А кур и цыплят кормили?

Если будет у вас праздник игры и игрушки, откройте «больницу» для мишек, голышей, матрешек...

Сейчас, зимой, трудно приходится птицам, и не столько из-за морозов,

сколько из-за голода. Расскажите про это своим первоклассникам, прочитайте рассказы о птицах, выучите стихи, а потом покажите птичьи столовые и объясните малышам, как они могут помочь синицам и чижам.

А смастерят эти птичьи столовые октябрята постарше — твои, Лариса, второклассники. Они уже научились кое-чему и могут делать вещи не только для себя, но и для общей пользы.

Наверное, и у тебя был такой случай, когда ты, торопясь по своим отрядным делам, забежала на минутку к октябрятам.

— Сегодня меня не ждите,— сказала ты,— у нас срочное пионерское задание. Мы идем собирать металлолом.— И убежала. А зря. Надо бы второклассникам рассказать, что собираете вы этот металлолом для нефтепровода дружбы, о том, что

это за нефтепровод и сколько лома обещали собрать за двухлетку пионеры вашей дружины. Октябрята-второклассники тоже могли бы тут потрудиться. Конечно, не таскать старые железные вещи, а разведать, где есть лом, и сообщить вам, пионерам.

Выходит, второклассники тоже могут помочь вашей пионерской двухлетке.

Ну, а третьеклассники могут даже получить от пионерской дружины задания.

Вызывают, например, на совет дружины всех октябрят третьего класса и говорят:

— Есть у нас в дружине музей Владимира Ильича Ленина. Вы там были, знаете. Поручаем вам открыть в нем уголок «Октябрята — внучата Ильича». Вот какое даем вам задание к юбилею Пионерии.

Октябрята уйдут гордые, что получили такой наказ, и уж, конечно, выполнят его.

А дружина для них готовит другое поручение:

— Мы будем озеленять к празднику школьный двор. Вот проект, его все отряды

Октябрята — внучата Ильича. Они всегда отмечают день рождения В. И. Ленина. Готовясь к этому дню, прочитай им книги о жизни Ильича:

В. Бонч-Бруевич «Наш Ильич»
А. Кононов «Рассказы о Ленине»
С. Михалков «В Музее В. И. Ленина»
Я. Пинясов «Обыкновенные варежки»

составляли. Для вас запланированы клумбы-звездочки. Глядите, нравятся?

С важным видом станут октябрята разглядывать чертежи, задавать вопросы:

— Какими цветами засаживать?

— Может, все-все маками?

И тогда юннаты, ответственные за октябрятские клумбы, подробно объяснят, когда начнутся посадки, где сажать, какую сейчас рассаду выращивать.

Вот что такое выполнять одно и то же правило с октябрятами разных классов.

Это шел у нас разговор о труде, но ведь есть еще и другие правила, например, октябрята — веселые ребята. И здесь можно сделать много интересного.

Первоклассники устроят концерт. Второклассники могут открыть театр вежливых ребят, а третьему классу вполне по силам свой кукольный театр, и они станут готовить концерты к юбилею — 40-летию пионерской организации.

Так и в других делах.

Первоклассники пойдут в поход по улице, где стоит школа.

Второклассники посмотрят, откуда начинают свое путешествие арифметика и букварь, — побывают в типографии.

А третий класс уедет на целый день в гости в колхоз, к друзьям — сельским ребятам.

Кстати, ты, Лариса, пишешь, что мамы не пустили октябрят в поход. А что, если кого-то из мам тоже пригласить путешествовать? В некоторых звездочках так и бывает: мамы, папы помогают вожатым. С ними всегда

можно и посоветоваться, что затеять с октябрятами.

Наверное, сейчас ты как раз думаешь над тем, что будет у вас в апреле. Подумайте, как интереснее отметить Ленинские дни. Везде будут проводиться торжественные пионерские линейки у памятников В. И. Ленину. Пора позаботиться о цветах, которые понесут к памятникам внучата Ильича.

В мае большой пионерский праздник. Не забудь и о нем.

Пожалуй, наше письмо пора кончать. Но нам очень хотелось, чтобы оно было началом нашего большого разговора с вами, вожатые октябрят.

Слышите, друзья? Хочется узнать о ваших удачах и трудностях, радостях и огорчениях. И всегда помните, что в работе с малышами большой простор для вашей выдумки и инициативы. Пишите нам о том, что у вас нового, своего, интересного.

До встречи, друзья, на страницах вашего пионерского журнала!

Н. Панова, Н. Извекова

Внимание, Внимание!

В октябре журнал «Пионер» созывает заочный слет пионеров — вожатых октябрят.

Кто хочет быть делегатом слета, пусть напишет в «Пионер» про своих октябрят.

В октябрьском номере журнала мы поместим рассказы вожатых октябрятских групп и звездочек об их работе.

Когда будете писать письма на заочный слет, постарайтесь подробно ответить на такие вопросы — на все или некоторые из них:

1. Как ты думаешь, кто из твоих октябрят будет настоящим пионером! Почему ты так думаешь!

2. Расскажи о самом интересном деле твоих октябрят.

3. Тебе не раз было трудно с октябрятами. Расскажи, когда это было и как ты победил трудности!

4. Как тебе помогают в работе с октябрятами твои товарищи-пионеры!

Хорошо, если ты пришлешь на слет лучшие рисунки или самоделки своих ребят. Ведь на слете будет открыта выставка октябрятских работ.

Ждем твоих сообщений.

Посмотрим, из какой дружины будут самые интересные письма!

На конверте напиши: «Москва, редакция журнала «Пионер». В штаб слета вожатых октябрят».

ЧЕМУ ТЫ УЧИШЬСЯ У ДРУГА?

Недавно я ехал под вечер в метро. Народу было уже немного, и на станции «Белорусская», что неподалеку от редакции «Пионера», я заметил на скамейке странного паренька. Он быстро-быстро, ни на секунду не останавливаясь, бил ребром ладони по ребру маленького чемоданчика, который стоял у него на коленях. Ладонь мелькала с удивительной быстротой.

Все, кто ни проходил мимо, оглядывались на мальчишку и даже старались держаться от него подальше: «Может, больной какой-нибудь? Может, рука у него так сама дергается?»

Подошел поезд. Мальчишка по-прежнему бил ладонью по чемодану, как будто ножом капусту шинковал. И только когда люди вышли из вагонов и двери вот-вот должны были закрыться, он поднялся, взял в руку свой чемоданчик и спокойно вошел в вагон. Нет, никакой он не больной! Но стоило поезду тронуться, как необычный пассажир осмотрел свою ладошку, потрогал ее — там, наверно, уже мозоли появились! — огляделся по сторонам и вновь принялся рубить свой чемоданчик ладонью...

Я не выдержал и решил с ним познакомиться. Его звали Миша Копылов. Удивительный человек этот Миша! Он мне очень понравился. Оказывается, Миша — паренек очень слабый. Бывает такое, что вот одни родятся и вырастают сильными и высокими, а другие — низенькими и слабенькими. Но не захотел Миша Копылов оставаться всю жизнь слабеньким. Он решил, что должен быть таким же крепким, как все его друзья. И вот каждый день, каждую свободную минуту Миша тренируется. Утром зарядку делает, подтягивается на двери, на переменках мнет в руках тугой резиновый мячик, записался в легкоатлетическую секцию и в секцию плавания.

Когда мы с ним встретились, он ехал из бассейна и, чтобы не терять времени даром, делал особое упражнение, которому его научили ребята в отряде,— тренировал руки. Я чувствовал, что Мише немножко жалко даже тех минут, что мы с ним проболтали.

А вот другая встреча, с другим мальчишкой. Только я его фамилию забыл. Мы с ним познакомились в прошлом году в 15-м ленинградском интернате. Если попадутся ему на глаза эти строчки и он напишет мне письмо, я буду очень рад.

Этот семиклассник сказал мне:

— Знаете, я неправильно прожил свою жизнь. Другие ребята в четырнадцать лет уже приемники строят настоящие или там разряды спортивные имеют... А как я жил? Приду из школы, брошу папку с книгами — и пошел на улицу с малышами бегать... А вот попал я в интернат, увидел настоящих ребят и теперь спохватился. Книжку достал, буду делать телескоп. Астрономия — это самая интересная наука...

Мы разговаривали в комнате воспитателей, вечером, после отбоя. Сидели вдвоем на кожаном диване, а над диваном висела стенгазета, из которой я потом узнал, что этот вовремя спохватившийся человек уже получил 70 очков на конкурсе газеты «Ленинские искры» за разработку чертежей фантастического звездного корабля.

Мне кажется, у этих двух ребят есть много общего. Во-первых, и у того и у другого наверняка хорошие товарищи. А во-вторых, и тот и другой умеют брать у своих товарищей то хорошее, что в них есть.

Не удивляйтесь: это не простое дело — учиться у друзей хорошему.

У древних римлян была такая поговорка: «Друзья — воры времени».

Посмотрите на двух подружек, которые, кажется, жить друг без друга не могут. Как проводят они время? Бродят часами по улицам да болтают, болтают... Уж и говорить-то им больше не о чем, обо всем посудачили, а никак остановиться не могут. Посмотрят — а время уже позднее. И уроки-то как следует не выучишь, не то чтобы каким-нибудь другим делом заняться!

И мальчики такие бывают. Придет Колька к Петьке: «Айда гулять!» Тот говорит: «Подожди, мать просила в магазин сходить». Но ведь Николай считает себя другом, поэтому он и в магазин тащится следом и еще куда-нибудь. Так и ждут друг дружку целыми днями, а время летит, летит, и хочется крикнуть ребятам: «Стойте! Спохватитесь! Ведь вы и вправду воры своего времени!»

Нет, дружить — это не значит без дела шататься с товарищем с утра до вечера. Кстати, такая дружба никогда не бывает настоящей. Переедет один из них в другой район города — вот и конец дружбе.

Дружить — значит, стремиться к одной цели, значит, стараться быть похожим на друга в хорошем, помогать ему исправить плохое.

Ну-ка, давайте присмотримся: а не отстаем ли и мы с вами от своих друзей? Чем мы помогаем им, чему учимся у них? Только надо научиться отличать хорошее от плохого в человеке.

Носить нелепую кепку с огромным козырьком, нахально разговаривать со взрослыми, курить да шататься без дела в два счета научишься. А ты пойди да поучись у ребят настоящему мужеству, настоящей честности, настоящему умению делать хорошее своими руками. Вот это действительно трудно!

Недавно я был во Львове, в 43-й школе. Конечно, зашел в пионерскую комнату. Там было много ребят. Стали мы разговаривать. О двухлетке пионерской поговорили, о разных делах. А потом я спросил у ребят из отряда шестого класса:

— Скажите, а кто у вас в отряде самый смелый?

Переглянулись пионеры: такой вопрос им никогда и в голову, видимо, не приходил.

— Ну, ладно. А кто у вас самый трусливый? Самый справедливый? Самый добрый?

Что тут началось! Такой спор разгорелся!

Ведь ребята впервые задумались о том, о чем стоит думать почаще. Конечно, сразу во всем разобраться трудно, но вот чемпионом среди трусих все назвали Лилю Трипольскую. Если услышит Лиля, что контрольная будет, ни за что в школу не придет. Боится!

Это был интересный спор. Нельзя делить своих товарищей только на двоечников, троечников да отличников.

Ведь за отметками может стоять разное. Один плохо учится потому, что он известный лентяй, а другой просто слабый парнишка и часто болел в этом году. У одного двойка оттого, что он безвольный человек, а у другого — потому, что он с утра до вечера физикой занимается, а на литературу, например, времени не хватило... Конечно, он не прав, но все-таки такого человека не будешь презирать так, как бездельника!

Если мы с вами будем внимательны к товарищам, к их делам, к их жизни, тогда мы научимся и выбирать себе верных друзей и брать у них хорошее.

Вот «Школа пионерской дружбы» и дает тебе новое задание: напиши нам о своем друге.

Расскажи, как вы подружились. Что тебе нравится в твоем друге, чем ты гордишься и что не нравится?

Ждем ваших писем, друзья!

Вожатый Сима Соловьев

Пионеры Киева обязались собрать за двухлетку 8 тысяч тонн металлолома, заложить новый парк «Спутник семилетки», собрать средства и построить в парке памятник юным пионерам-героям города Киева.

Каждая пионерская дружина обязуется сделать игротеку для малышей детских садов; организовать у себя в школе кружки авиа-, судо- и автомоделирования, кружок радиолюбителей; создать пионерский театр и показать несколько концертов и спектаклей на строительных площадках.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

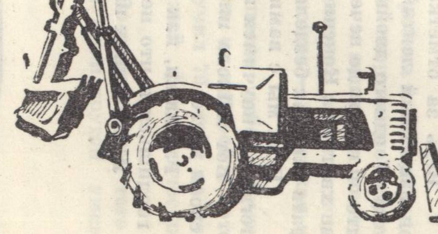
№ 3 (15) МАРТ 1961 г.

СЕМЬ ЭКСКАВАТОРОВ ИЗ МЕТАЛЛОЛОМА

Дружнее ребят, наверное, не найдешь во всем Киеве. Ни зимой, ни летом они не расстаются друг с другом. Летом живут в загородном лагере, который построили и оборудовали сами, своими силами. А наступает осень, начинается интересная жизнь в родной 65-й школе. Ребята шефствуют над детским садом и всегда готовы прийти на помощь малышам: починить игрушки, огород вскопать, забор подремонтировать.

Выйдут эти пионеры металлолом собирать, на них любо посмотреть, потому что выходят сразу все, как один. Школа собрала уже столько лома, что его хватило на постройку семи больших экскаваторов.

Люда Флягина,
Валя Мирошник

ОТРЯД РАБОЧИХ И РЕБЯТ

Крепко дружат пионеры 114-й школы с рабочими Первого авторемонтного завода. Ребята устраивают на заводе сборы, выступают с художественной самодеятельностью. Недавно на общем сборе пионеры и рабочие решили бороться за право называться «Отрядом рабочих и ребят».

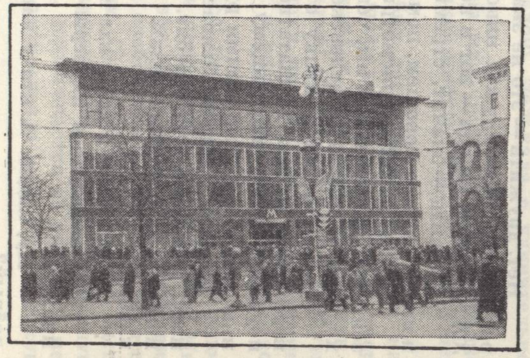
Люда Роднева

ПО ПЛАНУ ДВУХЛЕТКИ

«Внимание! Внимание! Объявляется конкурс на лучший проект памятника Аркадию Гайдару». Такое объявление появилось в вестибюле школы № 90. По плану пионерской двухлетки решено построить своими силами возле школы памятник любимому писателю ребят.

В школьном дворе полным ходом идет стройка: к лету должен быть готов бассейн. Это тоже по плану двухлетки.

Света Сафонова

РУКАМИ РЕБЯТ

В одном из живописных районов Киева, в Дарнице, окруженная парком и фруктовым садом, разместилась 46-я железнодорожная школа. Во дворе школы тир, большая голубятня с голубями, теплица, где зимой цветут цветы, а ранней весной уже созревают овощи и поднимается рассада для школьного огорода. В новой, только что отстроенной мастерской три огромных цеха...

Может быть, вы подумали: «Вот счастливчики, все у них есть!»

Что же, позавидуйте! Скажем вам только еще одно: все это сделали и построили ребята сами, своими руками.

Нет еще у школы спортивного зала. Но и он обязательно будет. Его строительство ребята записали в свою пионерскую двухлетку первым пунктом. Работы уже начались.

Спортивный зал будет!

Лида Головатая,
Рита Сорока

МЫ РАБОТАЛИ В МЕТРО

Совсем недавно открылось наше Киевское метро. Нам оно кажется самым прекрасным в мире. Это, наверное, еще и оттого, что мы тоже помогали метростроевцам. Мы выносили мусор, подметали полы, сгружали с машин кирпичи и складывали их аккуратными рядами. Все пионеры работали на совесть, но особенно отличились Лариса Меркулова, Надя Мишина, Галя Поликаренко.

Когда мы кончили, бригадир стройки повез нас на мотовозе посмотреть станцию «Арсенальную». Потом показал нам эскалатор, один из самых длинных в мире.

С радостью и гордостью возвращались мы домой. Еще бы! Мы чуть ли не первыми из киевлян побывали в нашем метро, поработали там.

Ирина Пашук

Замечательное у нас в Киеве метро. Порадуйтесь этому вместе с нами!

АДРЕС ИЗВЕСТЕН

«Киев, улица Артема, 27, средняя школа № 138». Этот адрес известен не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами.

Пионерская дружина этой школы организовала интернациональный клуб. При клубе работают кружки: филателистический, кружок французской и английской разговорной речи. У клуба свой главпочтамт, переводчики, связные.

Когда украинский танцевальный ансамбль ездил на гастроли во Вьетнам, пионеры 138-й школы передали подарки вьетнамским ребятам. Эти подарки артисты вручили товарищу Хо Ши Мину. Он был очень взволнован и жалел, что у него нет ничего с собой для подарка, и тогда товарищ Хо Ши Мин снял свою шляпу и попросил передать ее пионерам. Сейчас этот дорогой подарок хранится в коллекции интернационального клуба.

А однажды в Киев приехала на гастроли корейская балетная труппа Цой Цин Хи. Ребята познакомились с артистами и научились корейскому танцу.

У интернационального клуба большая, интересная переписка. В ленинские дни ребята получили от французских школьников альбом со снимками тех памятных мест в Париже, где жил и выступал В. И. Ленин.

Ребята, члены клуба, послали африканским школьникам учебники на французском языке, а одной французской девочке — лекарство.

Валя Орановская,
Таня Бондина

Мир

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЛ

В школе № 70 открылся ленинский зал-музей. Юные экскурсоводы рассказывают посетителям о жизни великого вождя, показывают интересные экспонаты. В музее есть первый номер ленинской газеты «Искра», его подарил ребятам отец одного мальчика, товарищ Нетунский. Ребята завели переписку с многими музеями В. И. Ленина в СССР и за рубежом. Из Польши, из ГДР им прислали много интересных фотокопий документов о В. И. Ленине.

Рая Лузан,
Галя Гержод

ШКОЛЬНЫЙ ТЕАТР КУКОЛ

Десять лет назад в 46-й школе появились четыре куклы: лиса, заяц, кот и петух. Их сделали кружковцы к своему первому спектаклю «Кот, Лиса и Петух». Спектакль прошел с большим успехом. Это вдохновило ребят, они стали готовить новые, более сложные сказки.

Рос кружок, росли и артисты. Одни кончали школу, другие приходили им на смену. Сейчас в репертуаре кукольного театра тридцать пять спектаклей.

Недавно на праздник десятилетия театра в школу пришли кукольники прежних лет, а их уже шесть «поколений». Бывшие кукольники выступали со своими любимыми куклами.

Женя Теплюк,
Лида Прилепова

ЮНЫЕ ИСТОРИКИ

«Не сидеть на месте, везде побывать, все узнать, все увидеть своими глазами» — вот девиз юных историков 25-й школы.

Вместе со своим бессменным руководителем Еленой Антоновной Пелеховой они были в Каневе, в Переяславе-Хмельницком, где происходило воссоединение Украины с Россией, в Полтаве, Коростене, Одессе, Ленинграде.

Во время путешествия по маршруту Киев — Николаев — Ольвия участвовали в археологических раскопках в Ольвии и привезли оттуда для школьного музея ценные находки. В другой раз они прошли по следам боевого пути легендарного полководца Н. А. Щорса. В Щорсовке познакомились с П. П. Белошицким, который хорошо знал Щорса.

В школе ежегодно выходит журнал «Юный историк», рассказывающий о работе кружка.

Члены археологической секции за работой.

Оля Кириленко,
Лиля Порицкая

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА
(Басня)

Иду я, знаменитый барон Мюнхгаузен, как-то по лесу. Встречаю лесоруба. Разговорились мы с ним, а потом поспорили: кто большую небылицу придумает. Он рассказал мне о своем путешествии на Луну. А я ему:

— Был я раз в 157-й школе. Зашел в 7-й «В» класс. Посмотрел в журнал, а там одни пятерки. Посидел на уроке рисования: тишина... Так я победил в соревновании.

Саша Кац

СТРАНИЧКА БУДУЩЕГО

— Я Новый год буду встречать дома, на Венере.

— А я полечу к брату на Плутон.

— Когда я был молодым, так ездил на автомобиле.

— А что это такое?

— Автомобиль? Это такая ракета, которая ползала по земле.

СМЕШИНКА

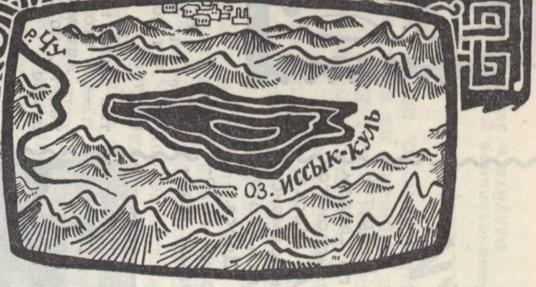

Ляля извертелась.

Этот номер газеты сделали киевские школьники, члены кружка юных журналистов школы № 157.

Редколлегия: Люда ХМЕЛЬНИЦКАЯ, Саша КАЦ, Валя СОПРЫКИНА, Вова ЧЕРЕДНИК, Рая ЛУЗАН.

У БОЛЬШОЙ БАРАНЬЕЙ ВОДЫ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

От города Пржевальска до села Рыбачьего дорога идет вдоль северного берега озера Иссык-Куль, то приближаясь к воде, то чуть отдаляясь. Слева озеро, справа горы, а между ними села, то с красивым и загадочным названием Чолпан-ата — Отец звезд, то с милым и простым — Долинка. Еще несколько километров — и село Курское. Прежде оно звалось Чон-кой-су — Большая баранья вода. Странное название! Почему в самом деле Большая баранья вода? Большая — понятно, вода — тоже. Но почему она баранья?

Оглядимся. Вправо от шоссе вся земля до самых гор усеяна камнями. Это валуны, которые множество лет назад притащил сюда с гор ледник, да так они тут и остались. Между камнями бродят овцы, маленькое стадо, голов пятьдесят. Пасет его девочка в длинном пестром платье. Вот вдали показалось другое такое же стадо, и при нем тоже маленькая девочка. Подружки побежали друг к другу, встретились и затараторили о своих девчоночьих делах... А что же овцы? И они тоже сразу метнулись вслед за своими маленькими хозяйками. И вот уже два стада слились в одно. Кто их теперь разберет! Все перемешались: и белые, и серые, и черные. Девочки поболтали и разбежались, и овцы сразу же шарахнулись в разные стороны. И опять бродят два стада, каждое со своей маленькой пастушкой. Совсем ручные!

Вот так и пасут девочки своих овец и баранов — по-киргизски «кой» — на тех самых местах, где из века в век пасли свои стада их предки. Что же странного в том, что и речка тут зовется Баранья вода — Кой-су — и местность — Большая баранья вода — Чон-кой-су! Мирная, до конца понятная картина. Когда так стоишь тут впервые над широкой гладью Иссык-Куля, рядом с валунами и овцами, кажется, что ничего таинственного, ничего загадочного вокруг нет и быть не может. А на самом деле этого загадочного и таинственного тут очень много.

„НАУЧНЫЙ РЕБУС“

Вы все знаете, что такое ребус. Чтобы прочитать его, нужно отгадать не одну, а целый ряд загадок. Вот почему назвал Киргизию «трудным научным ребусом» известный казахский ученый Чокан Валихан. В этом ребусе неисчислимое множество загадок. И хотя разгадывать их начали еще в те далекие времена, когда и самого слова «Киргизия» не существовало, дело и до сих пор не подошло к концу.

Изучать горную страну всегда труднее, чем страну равнинную. А бо́льшая часть Киргизии лежит в труднодоступных горах. В старину исследователям природы стоило неимоверных трудов проникнуть на Тянь-Шань. Еще труднее добраться до людей, живущих в этих горах, понять их, а потом толково и правильно рассказать обо всем виденном, написать правдивую книгу.

Тянь-Шань по-китайски значит Небесные горы. Вот что написано в книге одного древнего китайского путешественника:

«Горные высоты, созданные руками творца, неизреченны... Вверх горы достигают до небесного пути, до Высшего неба — Ю-Юй-Цинь. Путешествуя 10 000 ли, я неохотно открываю уста, но, доехавши сюда, пою громко, не в силах удержать чувств».

Это был отважный человек и настоящий поэт.

Труднейшие перевалы, лед и снег, внезапные вихри, каменные дожди и бездонные пропасти — вот что такое Небесные горы. И часто в своих записках путешественник наставлял тех, кто пойдет по его пути, давал советы. Странные это были иной раз советы.

«Идущие по этому пути не должны носить красной одежды и кричать. Того, кто забудет эту предосторожность, могут постигнуть большие несчастья»,— так писал знаменитый исследователь природы китаец Сюань Цзан.

Может быть, кричать в таких местах и правда не следует, чтобы не потревожить горы, не вызвать снежного обвала? А вот что думал Сюань Цзан, пугая красной одеждой, нам теперь непонятно.

Но разве не стоило пройти ледяные поля, перебраться через горные хребты, терпеть голод и холод («И пищу варить и спать приходится на льду»), чтобы добраться до места, о котором можно написать так: «Земля обильно орошена, и деревья растут великолепно. В последний месяц весны самые разнообразные цветы блистают на земле, как богатый узор. Тут бесчисленное множество бассейнов живой воды, откуда и произошло название Бинюй (Тысяча источников). Здесь множество оленей, украшенных колокольчиками и кольцами; они привыкли к людям и не убегают от них»! Сюань Цзан не выдумал этих оленей с колокольчиками, и они не померещились ему.

Дальше он разъясняет: «Хан считает удовольствием смотреть на них. Он издал повеление, угрожающее смертной казнью тем, кто осмелится убить хотя бы одного из этих оленей».

Нам очень хотелось бы узнать еще что-нибудь об этой сказочно прекрасной стране и об ее правителе, который так любил красоту, был так жалостлив к оленям и так безжалостен к людям. Но Бинюй — одна из неразгаданных загадок ребуса. Пока еще ученые не знают даже того места в горах, где находилась описанная с таким восторгом Сюань Цзаном «Страна тысячи источников».

Вопросов много, но самый важный из них — когда и откуда пришли в эти горы теперешние хозяева страны — киргизы.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно по пути решить множество задач. Из них, пожалуй, самая интересная да и самая трудная — большое озеро высоко в горах Тянь-Шаня, о котором русский ученый и путешественник Семенов-Тян-Шанский сказал, что оно прекраснее всех прославленных озер Швейцарии.

ОЗЕРО ИССЫК-КУЛЬ

Оно казалось людям таинственным и загадочным всегда: и в те далекие времена, когда путешественник мог верить лишь собственным глазам, и сейчас, когда ученому помогает и техника, какая прежде людям во сне не снилась, и накопленные веками знания, когда изучением озера и его берегов заняты и геологи, и географы, и почвоведы, и историки, и археологи. И в наши дни озеро полно тайн, только тайны эти уже не те, что тревожили путешественников прошлого.

Некогда мимо озера проходил караванный путь. Путем этим шли отважные путешественники и купцы со своими товарами из далекой Греции, из соседнего Китая. Рассказывалось и даже писалось об этом озере немало, только не всегда этим рассказам можно верить. Одному озеро казалось морем, другому рекой, третий изобразил его на карте в виде четырехугольника. А есть и такое сообщение: «Вода в нем такая горькая и соленая, что ею нельзя пользоваться даже для умывания; если она попадет в глаза или в полость рта, она вызывает серьезное воспаление». Это сущая неправда, но тот же самый исследователь сделал важное открытие: он первый заметил, что озеро не имеет стока.

Называли озеро тоже по-разному: Яньхай — по-китайски Соленое море, Жехай — Теплое море, Джит-куль — по-тюркски Душистое озеро. Сюань Цзан, тот самый китаец, который писал про оленей с колокольчиками, назвал озеро и подробно описал его: «Озеро это имеет тысячи ли в окружности. Оно длиннее в протяжении с востока на запад и короче с севера на юг. Со всех сторон оно окружено горами и принимает в себя множество речек. Цвет воды зеленовато-черный, а вкус одновременно соленый и горький. Широкие волны то простираются огромными валами, то стремятся с неудержимой силой. Драконы и рыбы обитают

в нем вместе, а иногда из недр его появляются необыкновенные чудовища». И тут есть небылицы. Но что же поделаешь: ведь это писалось в седьмом веке! Сюань Цзан никого не хотел обманывать, он сам верил в этих драконов, как и в злую силу красной одежды.

И вы и я можем при удаче из любого места нашей огромной страны за одни сутки попасть на берега этого красивого озера, узнать вкус его воды, до дрожи наплаваться в его прозрачных водах, не встретив никакого дракона, не получив никакого воспаления. Приглядевшись, мы скажем: «Да, такое оно и сейчас, каким его видел Сюань Цзан: большое, вытянутое с востока на запад, окруженное горами, прозрачное и переменчивое. В ясный день кажется: само небо принимает невыразимо нежный, зеленовато-голубой цвет, а в бурю изумрудно-зеленые полосы появляются, движутся, меняют место и исчезают среди темных, почти черных его волн». Такое оно и есть. Только зовется оно теперь не Циньджи, а Иссык-Куль, что значит Теплое озеро.

Мы с вами можем все лето прожить на берегу этого благодатного озера и не заметить в нем никакой тайны, не задуматься ни над одной загадкой. А историки задумываются. Они уже нацелились именно на то место у Большой бараньей воды. Уже снаряжаются... Едут.

...От шоссе к воде сворачивает крытая пятитонка. Неподалеку от рыбачьих домиков фургон останавливается, и приезжие начинают выгружать палатки и ящики. Девочки-пастушки поглядывают издали: робеют. Другое дело — рыбацкие мальчишки: эти уже прибежали, рвутся помогать и спрашивают, спрашивают... Хорошо — начальник не очень строгий, не гонит. Вот только на вопросы не хочет отвечать: завтра, завтра, сейчас некогда, надо успеть засветло поставить палатки. А у ребят вопросы копятся. Ну вот, например: почему они привезли с собой лодки? Вот складная лодка, вот мотор к ней; а это резиновая надувная, называется понтон. Насчет лодок рыбачата — великие знатоки. Бывало, и раньше приезжали ученые, разбивали лагерь, спали в спальных мешках, копались в земле, измеряли, фотографировали. Лодок никогда с собой не привозили. Надо было — брали у рыбаков.

А это что за ящики? Длинные, тяжелые... Продукты в таких ящиках не возят. И не посуда: вон она, посуда! Ребята уже ни на что больше не смотрят, обступили длинные ящики.

— Дяденька, чего там? — докучают мальчики.

Но дяденька отмахивается:

— Завтра, завтра...

Солнце садилось. По озеру побежали розовые полосы, а над горой стоймя встало огненно-красное облако. Начальник смотрел в бинокль. Потом, обернувшись к своим, сказал:

— Думаю, завтра начнем искать.

ПРОПАВШИЙ ОСТРОВ

Некогда здесь, на берегах Иссык-Куля, стояли большие города, окруженные крепостными стенами. О них упоминается в древних книгах. Известны даже названия, но сами города исчезли. Развалин и тех нет. Археологи никак не хотят с этим мириться: город не может сгинуть без следа, что-нибудь всегда останется. И даже если остатки эти занесло землей, если они поросли травой, надо их откопать. По фундаменту строений, по особенностям кладки стен, по форме кирпича, по разным другим признакам нужно представить себе, какими были некогда дома и улицы, а потом заново «построить» пропавший город на бумаге, в рисунках и чертежах. Археологи уже сделали многое: найдены погребенные в земле руины, раскопки продолжаются...

Но вот в чем беда: от некоторых городов и правда ничего не осталось ни на земле, ни под землей. Вот тут где-то стоял город, и не так давно — лет четыреста — пятьсот назад. А теперь ничего: ни кирпичика, ни черепка.

Уже давно было известно, что после бури рыбаки находят на берегу различные предметы: глиняные кувшины, кирпичи, горшки, котлы, кости людей... Да уж не на дне ли озера находятся пропавшие города?

Рыбаки рассказывают (а они слышали это от своих отцов и дедов), что некогда на берегах Иссык-Куля случилось великое бедствие: воды озера хлынули на берег и затопили город; что будто и теперь в ясную погоду видят люди на дне какие-то развалины: стены, дома, улицы.

Рассказам рыбаков можно верить, а можно и не верить, но не прислушаться к ним нельзя. Нельзя просто отмахнуться: мол, если в книгах этого нет, значит, ничего такого и не было. Историку важно все. Иногда даже в самой фантастической сказке скрыта какая-то истина.

На берегах Иссык-Куля рассказывают о хане, который никогда не снимал с головы огромную чалму, и никто не знал, какая тому причина.

— Только одному человеку, царскому ци-

рюльнику, была известна тайна. Связанный страшной клятвой, человек молчал, как его ни выспрашивали соседи. Наконец, чтобы как-нибудь невзначай не проговориться, человек тот решил бежать из города. По пути он остановился у колодца, наклонился, чтобы достать воды, и, увидев в воде свое отражение, подумал: «Ничего не случится, если я скажу эти слова только самому себе». И он произнес слова, которые давно рвались с языка: «У нашего хана ослиные уши». И в тот же миг вода в колодце поднялась, хлынула через край и затопила город со всеми домами и людьми. *И на том месте образовалось озеро.*

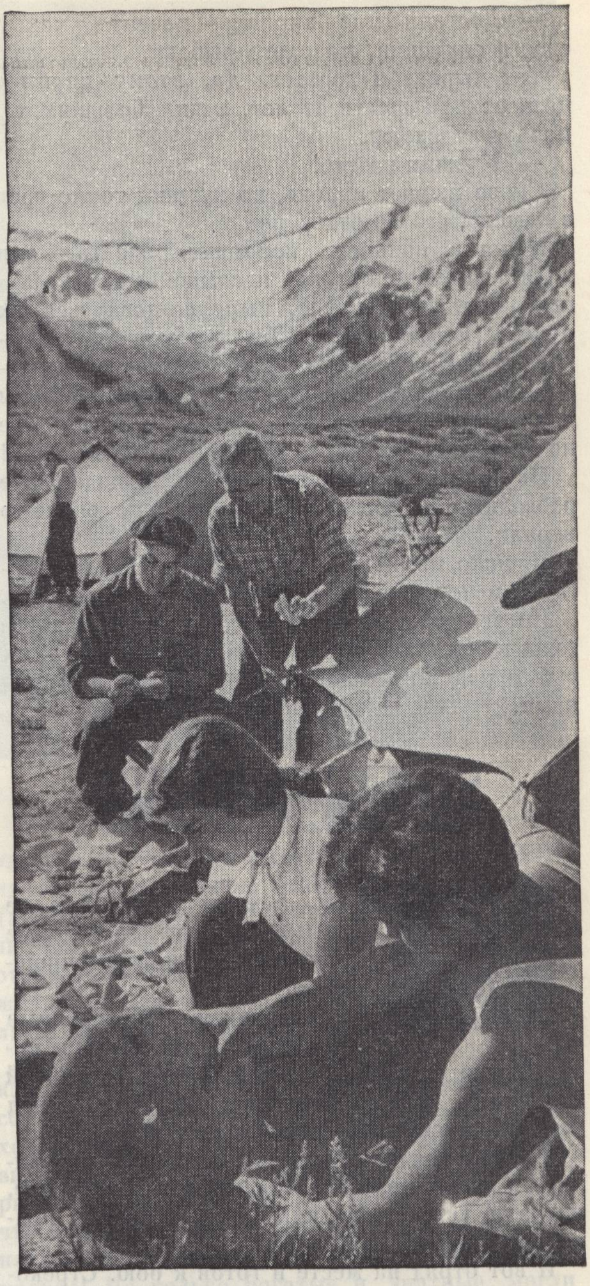
В другой легенде девушка, ожидая своего возлюбленного у водоема, уронила в воду ключ, которым этот водоем запирался на ночь. Вода поднялась и затопила город. Легенда кончается теми же словами: *«И на том месте образовалось озеро».*

Тут стоило задуматься. Ученым хорошо известно, что озеро Иссык-Куль образовалось в незапамятные времена, когда на земле еще не было людей, некому было запомнить это событие и некому передать нам. Но, может, потом произошла какая-то катастрофа, после которой целый город оказался на дне озера? При сильном землетрясении мог образоваться провал, дно озера могло опуститься вместе с частью суши. И хотя геологи не очень-то верят в подводные города на Иссык-Куле, считая, что «развалины» — это просто нагромождение камней, известкового туфа,— однако сами же они признают, что озеро было когда-то много меньше, что «зеркало» его потом увеличилось, и то, что было берегом, стало дном. Как стало: постепенно или внезапно? Успели люди уйти и унести свои пожитки, или страшная катастрофа захватила их врасплох? Обо всем этом спорят.

Ученые обращаются к книгам и ничего не находят о катастрофе. Но вот что написано в одной арабской летописи: в местности, которая зовется Кой-су, есть на озере остров, и на том острове грозный завоеватель Тимур держит в крепости знатных пленников.

Только одно место на Иссык-Куле носит название Кой-су или Чон-кой-су — то самое, где нам повстречались маленькие пастушки. Но никакого острова поблизости нет. Нет и никаких следов крепости. Да, на берегу-то нет, а в воде?

И опять теряют покой историки. Неудержимо влечет их на Иссык-Куль — заглянуть в самую глубь, увидеть своими глазами очертания развалин, поверить в них.

Разборка подводных трофеев.

Двадцатые годы... Долог и труден путь в Небесные горы. Как часто мечтал ученый о крыльях, которые перенесли бы его через горные хребты и опустили на берегу таинственного озера! Но крыльев нет, и он тащится на маленькой лошадке в гору—под гору, вверх-вниз.

Цель достигнута. Человек часами кружит и кружит у Чон-кой-су по озеру в рыбачьей лодчонке и смотрит в прозрачные воды. Ему видны кирпичи, много кирпичей на дне.

— Достань мне кирпич,— просит ученый своего спутника, молодого рыбака.

Тот ныряет и достает. Да, этому кирпичу пятьсот или шестьсот лет, таких больших теперь не делают.

— Кувшин на дне!

Снова ныряет парень, но кувшин точно врос в камень, его не отдерешь.

И когда наконец приходит радость — они видят какие-то бревна, несомненные развалины,— только и можно, нырнув, коснуться их рукой. Эх, поработать бы тут ножом, лопаткой, ломом! Но легким уже не хватает воздуха, глаза перестают видеть, больше минуты под водой не выдержать. Ученый мечтает уже не о крыльях. Стать бы рыбой хоть на полчаса!

Историк не сомневался: он видел подводные развалины у Чон-кой-су. Но ему не очень-то верили.

Прошло немногим больше тридцати лет. Загадка исчезнувшего острова еще не разгадана.

Но теперь археологи могут и летать через горы и превращаться в рыб, в удивительных рыб с разумом человека, с его умелыми руками.

ЧТО БЫЛО В ДЛИННЫХ ЯЩИКАХ

Там лежали акваланги, те самые «жабры», за которые много дал бы историк прошлого.

Акваланги, кислородные приборы, маски, ласты и дыхательные трубки — вот что привезли с собой археологи. Теперь они могут спускаться под воду на поиски затонувшей крепости.

Члены отряда — студенты-историки—готовились к этому полгода. Они ныряли в бассейне, изучали устройство акваланга, учились правильно дышать под водой.

И вот отряд на месте и готов к бою. Стрекочет моторка и тянет за собой понтон. На ныряльщика надевают акваланг, к поясу привязывают спусковой конец (никто из участников экспедиции не назовет эту веревку веревкой). Кто сказал про акваланг «легкий водолазный прибор»? Ничего себе, легкий — двадцать два килограмма! Но человек в воде — и акваланг теряет вес, и сам человек становится таким легким, что, если надо работать на дне, приходится надевать утяжеленный пояс. А не то держись одной рукой за камни или за водоросли, а другой работай, иначе тебя вытолкнет наружу.

Сейчас ныряющий уже под водой, а в лодке страхующий держит в руках спусковой конец, не сводит с него глаз. Теперь с ныряльщиком можно разговаривать только сигналами. Дернул веревку один раз — спросил: «Как самочувствие?» Тот условным сигналом отвечает: «Все в порядке!», или: «Иду на дно!», или: «Дай слабину!». Ожидающие своей очереди смотрят в воду: красиво плывет человек! Очень ему там легко и привольно. Но вот он исчез, и теперь все ищут глазами развалины на дне, каждый мечтает увидеть их первым.

Начальник экспедиции Дмитрий Федорович Винник тоже готовится к спуску. Акваланги он отдал другим, а себе оставил кислородный прибор. Нырять с кислородным прибором труднее и, пожалуй, опаснее.

Главный враг ныряльщика — холод. Даже в очень теплых морях человек под водой быстро зябнет, а в этом Теплом озере не так уж тепло. Поэтому через пятнадцать минут начальник приказывает сигналить подъем.

— К-к-красотища! — трясущимися губами выговаривает ныряльщик.

Пока с него снимают акваланг и растирают дрожащее от холода тело, он все говорит и говорит о пещерах из коряжника и прочих подводных красотах.

Коряжник — это известковый туф, который образует причудливые наросты на иссык-кульском дне. С лодки эти наросты часто кажутся полуразрушенными строениями. Отсюда и пошли споры между учеными: развалины, не развалины...

Для ныряльщика все выглядит не так: для него там все волшебно. Это уже не строения, а пещеры. В эти пещеры можно заплыть и выплыть с другой стороны. Можно путешествовать там, забыв обо всем на свете. Вот только «конец» — он все время напоминает: не увлекайся, время идет, обследуй свой участок. И ныряльщик снова делается археологом и бродит по дну в поисках сокровищ. Бродит, пока не закоченеет от холода и не получит сигнала «подъем».

А здесь, наверху, солнце печет, резиновые борта понтона накалились. Растянувшись на этом жарком, туго надутом валике, ныряльщик согревается и все не может согреться...

Он ничего не нашел, но старается не огорчаться, он учится терпению. Очень много нужно этого терпения археологу. В одной книге о раскопках на Памире есть такая строчка: «Мы раскопали уже четыре кургана, а нашли один зуб и одну фалангу пальца человека». Нет, вы только подумайте: четыре кургана и один зуб! А ведь раскопать курган — это не просто рас-

кидать землю лопатой; это значит снять ее слоями толщиной по нескольку сантиметров; перебрать руками, просеять между пальцев. А там, в моторке, уже наряжают следующего. Кого? Петра Гаврюшенко. Ему повезло: первый кирпич нашел он. Большой, квадратный кирпич, именно такой, какого ждали. А потом кирпичей стало попадаться все больше и больше. И росла надежда, что развалины где-то неподалеку, если только не случилось самое печальное: если их не размыло волнами. Ведь ученый, который первым заметил здесь развалины, говорил о высокой стене, а уже через два-три десятка лет другой ученый разглядел только груды кирпича и часть кладки.

ВЫСТАВКА НА ДНЕ

Со дна подняли кувшин! Может быть, тот самый, который тридцать лет назад не дался в руки молодому рыбаку. Вот он — небольшой, совершенно целый, с носиком шишечкой. «XIV—XV век»,— определили археологи.

— Особенно-то не радуйтесь, нам могут сказать, что какая-то женщина просто уронила его в воду.

— Зачем она потащится сюда по воду? Вода же соленая!

— Скажут: уронила в речку, а речка донесла его до озера.

— Двадцать раз бы разбился!

— Все равно кувшин не доказательство. Не можем же мы с вами утверждать, что тот, кто пил из этого кувшина, обязательно жил на острове, который провалился!

Такие разговоры нередко велись в лодке.

Бывало, увлеченные поисками, люди забывали о правилах безопасности.

Однажды из воды высунулась резиновая голова с огромными стеклянными глазами — нет, не чудовище Сюань Цзана, а кто-то в маске кислородного прибора. Этот «кто-то» держал в руке нечто продолговатое. Вынув изо рта мундштук, он заорал во все горло:

— Водопроводная труба!

Начальник хватается за голову: «Что он делает? Идиот!» Но кричать и ругаться бесполезно: человеку в маске ничего не слышно. Начальник делает свирепое лицо, грозит кулаком, показывает себе на рот. Человек понял. Он срывает маску. Что ему теперь будет? Только бы не запретили нырять!

Но тут надо объяснить, в чем дело. Вынув

Вынырнул с находкой.

«загубник», человек выпустил весь запас азота из аппарата. Теперь, если он опять нырнет (а он бы нырнул непременно), в легкие пойдет чистый кислород, и произойдет кислородное отравление. Ныряльщик, сняв маску, спас себе жизнь, но при этом он обнаружил свое лицо — лицо нарушителя правил безопасности.

Теперь он ждет своей участи. Но, скажите, как можно наказать человека, который достал со дна водопроводную трубу? Ценнейшая находка! Ведь именно из таких гончарных труб, вкладывая их одну в другую, и делали в старину водопроводы. Про эту трубу не скажешь, что неизвестно, зачем принесли сюда и бросили на дно. Конечно же, здесь был когда-то водопровод! Но только богатые и знатные могли позволить себе такую роскошь в те времена. Может быть, и правда здесь была крепость Тимура?

В один из ясных дней, когда озеро особенно прозрачно, лодка медленно плыла и кружилась все возле того же места.

Стоя на носу лодки, начальник, как всегда, неотрывно смотрел в воду.

— Якорь! — сказал он негромко: у него перехватило дыхание.

— Кладка!

И тотчас камень, обвязанный веревкой, бух-

нул в воду. В самый короткий срок, потребный для снаряжения, все, кто мог, оказались на дне. Остальные свесили головы с бортов. Неужели нашли? Да, это была кирпичная кладка, обросшая поверху коряжником.

И началась работа. Сменяя друг друга, люди ныряли с ножами, лопатами, ломали коряжник, обыскивали, обшаривали все щели, измеряли кладку и отдельные кирпичи, рыскали вокруг, рылись в илистом дне. Неподалеку обнаружили бревна, может быть, остатки крыши какого-нибудь служебного помещения. Нашли много обугленных жердей. Стали попадаться изразцы, кирпичи, покрытые голубой глазурью.

В тот день на дне Иссык-Куля открылась небывалая подводная выставка. Не успевая сразу поднять наверх находки, люди складывали их на длинной песчаной отмели, которая протянулась по дну озера чуть не на целый километр. Без акваланга такую выставку не посетишь и не осмотришь. Ну что ж, призовем на помощь воображение и — с аквалангом или без него — нырнем на дно.

Вот кувшин с носиком в виде шишечки. Вот водопроводная труба. Посмотрите на нее и подумайте: в XIV веке в культурном Лондоне водопровода не было, а тут, у «диких азиатов», он уже был. Пожалуй, еще неизвестно, чья культура была выше. Конечно, здесь, на Иссык-Куле, она была другой. Какой — это еще надо узнать, понять, изучить.

Аккуратно разложены кирпичи: и продолговатые и квадратные, и простые и нарядные изразцы с поливой — голубые, синие, бирюзовые. Такими изразцами облицованы великолепные мечети и гробницы Самарканда, воздвигнутые по повелению «Покорителя мира», «Хромого тигра», Тимура, Тамерлана. Шестигранные керамические плитки с орнаментом и маленькие голубые плиточки — все это архитектурные украшения. Чего? Дворца? Мечети? Неизвестно. Но, конечно, большого, пышного здания. А вот и обугленные жерди. Все тут, все пятьдесят восемь штук, найденные в развалинах. Видно, когда-то загорелись и не успели сгореть. Что же произошло? Значит, все же катастрофа? Землетрясение? Провал?

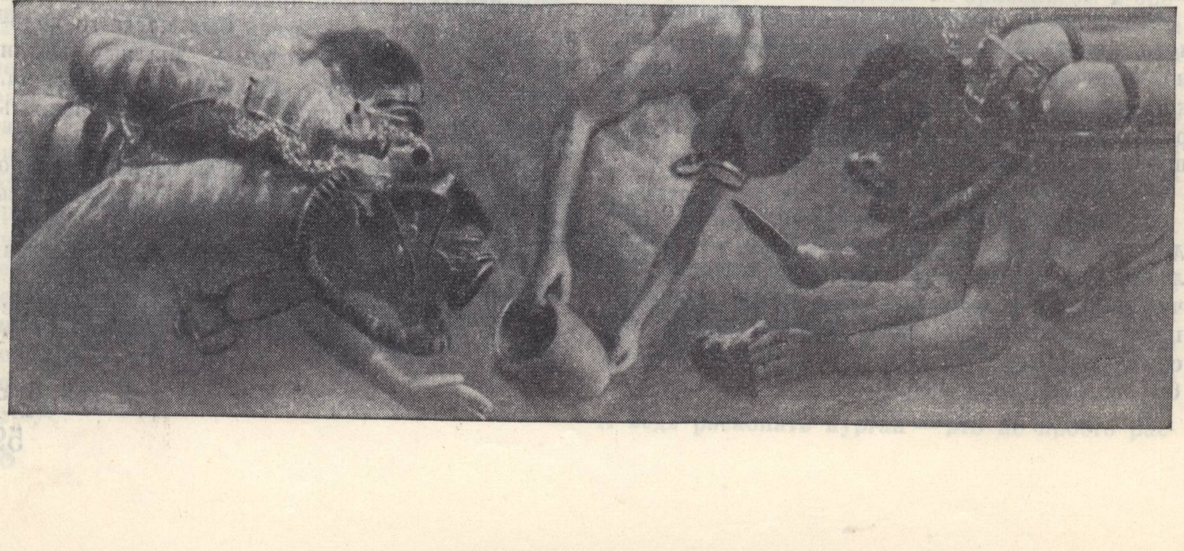
Терпение, друзья, терпение!.. Все свои находки археологи поднимут на поверхность. Они будут долго изучать и эти обгоревшие жерди, и кости, и кирпичи, и керамику. Они нанесут на карту место, где нашли развалины, и будут искать еще и еще.

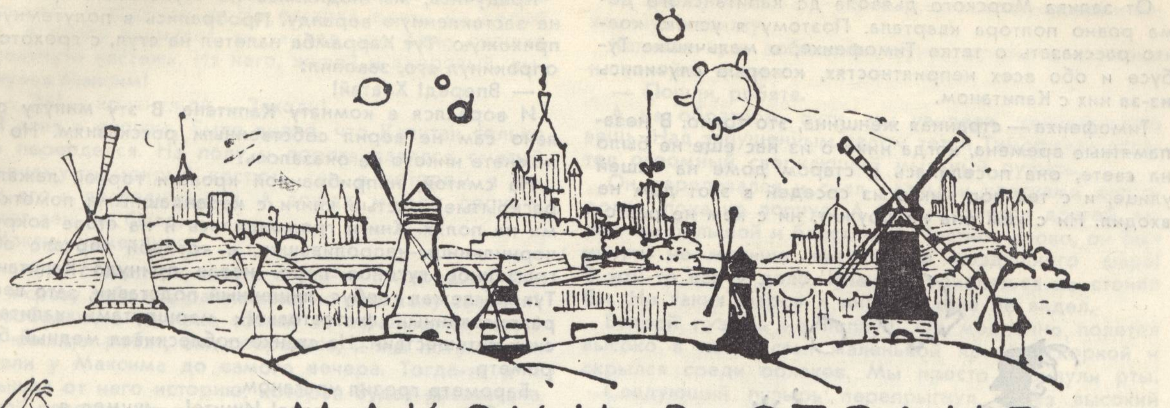
Больше они нам пока ничего не скажут.

А нам с вами никто не помешает пофантазировать, представить себе, как все было. Для этого мы уже кое-что знаем, кое-что нам открыла подводная выставка. Мы можем вообразить себе и мощные крепостные стены, и величественное строение, облицованное изразцами цвета иссык-кульской воды, и знатных пленников, окруженных рабами и стражей.

Мы можем представить себе, как в один трагический день, а может быть, ночь загудели горы, задрожала и вздыбилась земля, заметалось в своих берегах озеро, и дрогнули могучие крепостные стены. Дико кричали люди, ревел скот, рушились дома. Где-то опрокинулась пылающая жаровня. Где-то занялась изгородь, но не успела сгореть: в следующее мгновение земля со всем, что на ней росло и цвело, со всем, что было воздвигнуто, с людьми — вольными и рабами, знатными и нищими, пленниками и их стражей — опустилась, и волны озера ринулись в образовавшийся провал. А утром солнце, поднявшись над восточным берегом Иссык-Куля, увидело спокойное, прекрасное в лучах зари озеро и не узнало его. Над ним стояла непривычная, невообразимая тишина. И озеро было больше, много больше, чем накануне.

К. Шнейдер

МАКСИМ В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Юрий САМСОНОВ

Рисунки В. Алфеевского.

На плоту через океан. Странная новость. Исчезновение и возвращение капитана.

Мы подстрелили в джунглях двух свирепых тигров. А может быть, даже трех или четырех, но сосчитать не успели: за нами погнались враги. К счастью, берег океана был недалеко. Маленький плот с брезентовым парусом стоял там, привязанный к колышку. Мы уселись на него и отчалили, оставив противника с носом.

Потом я поглядел в свою подзорную трубу и крикнул:

— Земля! Мы переплыли океан!

Бросили якорь. Причалили к куче бревен, сваленных на берегу, и... стоп! Раз уж у нас появился читатель, надо и ему объяснить, в чем дело. А то он, наверное, читает и удивляется: какие джунгли, какие тигры, какой это океан, если его можно так быстро переплыть? Но ничего тут особенного нет. Мы обыкновенные морские разбойники. Плот у нас всегда стоит наготове перед островом Березовым, скрытый в кустах тальника. Ну и, может быть, читателю станет понятно еще кое-что, если он узнает, что взрослые жители нашего города называют океан не океаном, а речкой Суетинкой. Это смешное название попало даже на географические карты: ведь и географы могут ошибаться. А насчет тигров и джунглей... Гм... Ладно, пусть это останется между нами: мы сами их выдумали.

Итак, мы причалили к бревнам. На берегу нас поджидал шпион Каррамба. Он заговорил, не дожидаясь, пока мы его поймаем.

— Ребята,— сказал Каррамба,— с Капитаном беда! Он куда-то пропал!

— Мишка,— ответил я,— то есть Каррамба! Перестань врать. Капитан сидит на гауптвахте за то, что набил морду Тубусу. Поэтому сегодня игры не будет.

Дело в том, что на нашей улице, кроме разведчиков, пиратов и космонавтов, есть еще футболисты. Это тоже мы. У нас есть Капитан. Его имя Максим, но мы зовем его просто Капитаном. Так удобнее. О нем-то и врал Каррамба.

— Братцы,— говорил он,— правда не вру! Я прибежал к нему, постучался — он молчит. Я во двор — его нет. Я в дом — и там нет. Я в огород. Гляжу — и там пусто. Только повернулся уходить, вдруг кто-то меня за плечо хвать!

Каррамба до того взаправдашно вздрогнул, что к меня на секунду оторопь взяла.

— Ну? — сказал я.

— И вижу,— шепотом продолжал Каррамба,— вижу: держит меня за плечо знаете кто?.. Тетка Тимофеиха!

— Тимофеиха? — переспросил я.

— Тетка Тимофеиха? — повторили Мореход и Охотник.

— Она,— сказал Каррамба.— Не перебивайте! И говорит она мне: «Кого,— говорит,— ищешь, того нет и не будет во веки веков!» Так и сказала. И сразу пропала с глаз. Будто и не было ее вовсе!

Он перевел дух. Мы расхохотались. Охотник ехидно фыркнул:

— Ну и наплел! Пойдем сейчас к Капитану, и если врешь... Понял? Уж лучше сознавайся сразу.

— Не вру,— мрачно сказал Каррамба.

Его просто необходимо было наказать. Мы слезли с плота и морской походкой, вразвалку, пошли вверх по Лунной улице.

От залива Морского дьявола до капитанского дома ровно полтора квартала. Поэтому я успею коечто рассказать о тетке Тимофеихе, о мальчишке Тубусе и обо всех неприятностях, которые случились из-за них с Капитаном.

Тимофеиха — странная женщина, это точно. В незапамятные времена, когда никого из нас еще не было на свете, она поселилась в старом доме на нашей улице, и с тех пор никто из соседей в этот дом не входил. Ни с кем она не дружит, ни с кем не разго-

варивает, даже имени и отчества ее никто не знает, и все так и зовут ее теткой Тимофеихой. Когда мы были совсем маленькими, мы ее очень боялись. Проходишь, бывало, мимо этого дома, а Тимофеиха вдруг откроет калитку, глянет желтыми, кошачьими глазами, оскалит острые, злые клыки—и ты мчишься прочь во весь дух, и все тебе кажется, будто она догоняет тебя со своей вечной палкой в руке, а оглянуться страшно... Взрослые говорили, что Тимофеиха нарочно пугает детей. Они сердились на нее за это. А между собой, по секрету от нас, говорили, что Тимофеиха — вообще подозрительный человек. Рассказывали, что кто-то заметил возле ее дома каких-то необычайных и очень пугливых людей, явно приезжих. А кто-то другой видел ночью сквозь щель в ставне таинственный зеленый свет в доме вредной тетки. Я узнал, что этими слухами заинтересовался даже наш участковый милиционер. Но ничего подозрительного он не выяснил. Установил только, что, кроме Тимофеихи, в доме проживает ее племянник мальчишка Тубус, который приехал к ней в гости, и что с пропиской все в порядке.

Но я заболтался, а впереди уже видны открытые окна капитанского дома. О неприятностях, которые из-за Тубуса и тетки Тимофеихи приключились с Капитаном и всей нашей командой, придется рассказать в другом месте.

У калитки я затрубил в рог (для этого отлично годилась моя подзорная труба, склеенная из старой газеты). Никто не откликнулся.

— В крепости спят,— зловещим голосом сказал я.— Захватим ее врасплох. Каррамба, открой ворота!

Каррамба нехотя потянул за веревочку. Калитка бесшумно раскрылась.

— Генералы и фельдмаршалы, вперед!

Мы вошли в маленький дворик, поросший ярко-зеленой муравой. У крыльца увидели велосипед Капитана. Тут же валялась капитанская кепка.

— В дом! — шепотом скомандовал я.

Крадучись, мы поднялись по ступенькам крыльца на застекленную веранду. Пробрались в полутемную прихожую. Тут Каррамба налетел на стул, с грохотом опрокинул его, завопил:

— Вперед! Хватай!

И ворвался в комнату Капитана. В эту минуту он явно сам не верил собственным россказням. Но в комнате никого не оказалось.

На смятой, неприбранной кровати горкой лежали раскрытые толстые книги с карандашными пометками на полях. Книги громоздились и на столе вокруг чернильницы-непроливашки, в которой торчало обгрызенное гусиное перо—новая причуда Капитана. Тут же лежал глобус, лишенный подставки, зато весь разрисованный фиолетовыми маршрутами капитанских путешествий. На стенке поблескивал медный барометр.

Барометр грозил ураганом.

— Он где-то спрятался! Ищите! — шумел я.

— Найдем! — бодро галдели остальные, разбегаясь по комнатам, заглядывая в шкафы, под столы, под кровати.

Знакомые вещи лежали на своих местах. Двери были доверчиво распахнуты. В кухне на тарелке стыли остатки обеда, и все же дом стоял пустой, всеми покинутый. Нам становилось чуточку не по себе.

— Эй, Капитан! — кричали мы, подбадривая себя собственными голосами.

Никто не отзывался. Мы сами не заметили, как перешли на шепот. Пугливо оглядываясь, все вчетвером собрались у входа на кухню. Я сказал:

— А может быть, он...

— Тихо! — прошипел Охотник, схватив меня за рукав. Он кивком указал на кухонное окошко, которое выходило на огород. Окно было открыто. Марлевая занавеска на нем колыхалась.

— Кто-то заглянул в окно,— шептал Охотник,— только это был не Капитан!

* * *

Мы обшарили и двор и огород, но не нашли никаких следов Максима. Там просто никого не было, и это ветер, должно быть, шевельнул занавеску. Если Капитан и спрятался где-нибудь, то слишком уж ловко. Поиски пришлось прекратить.

Мы закрыли все двери и окна и стали по очереди сторожить дом до вечера. А когда родители Максима пришли с работы, мы рассказали им обо всем. Но они только посмеялись. Они решили, что Максим удрал из дому без спросу и теперь боится прийти обратно, а мы, мол, помогаем ему вывернуться. Они сказали, что за это они ему еще пуще зададут.

Но прошел день, потом другой и третий, а Капитана все не было. Его родители здорово перепугались, хотя виду не подавали. Они снова расспросили нас каждого по очереди обо всем, обошли знакомых и родственников, у которых Капитан мог задержаться. Но ничего нового не узнали. И тогда отец Максима все-таки пошел к тетке Тимофеихе. Я сам видел это. Он постучал в ставень, потом в калитку. Никто не отзывался. Тогда он толкнул калитку и вошел. И через несколько минут вернулся, разводя руками.

— Никого нет,— сказал он,— и на двери висит вот такой замок.

Он немножко подумал, закурил папиросу и пошел прямо по улице мимо своего дома. Я знал, куда он идет. Он шел в отделение милиции.

А на следующий день... Это случилось так. Была моя очередь сторожить. Я долго бродил около ворот капитанского дома и вдруг вспомнил о некорм-

леном щенке. «Сбегаю домой минут на десять, не больше!» — подумал я. Но застрял почти на целый час. А когда вернулся, то увидел, что одно окошко распахнуто настежь. Из него, живой и здоровый, высунулся Максим!

— Эй! — крикнул он.— Заходи!

Я влез в окошко. Было видно, что Капитан только что переоделся. На полу у порога валялся смятый и почему-то мокрый костюм, тот, в котором я видел его в последний раз. А дождя, между прочим, в этот день не было.

Максим усмехнулся.

— Ну,— сказал он,— чего глаза-то вытаращил? Хотел я сразу тебе все рассказать, но есть хочу зверски! Я пообедаю, а ты пока сбегай за остальными, идет?

Я кликнул ребят, они собрались, и мы потом просидели у Максима до самого вечера. Тогда-то я и услышал от него историю, которая будет рассказана в этой повести. Но прежде мне придется чуточку отступить назад. Я просто плохой рассказчик. Потому что начинать весь этот рассказ по-настоящему надо было сразу с того дня, как в нашем городке появился толстый мальчишка Тубус.

глава первая

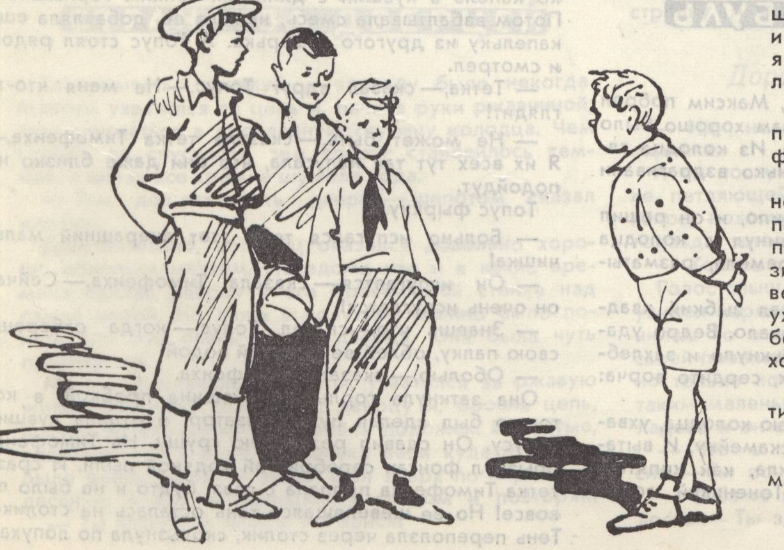
МАКСИМ И ЕГО ВРАГИ

Однажды утром мы всей командой шли на реку мимо дома тетки Тимофеихи. Мы молчали. Пропадает всякая охота разговаривать, когда видишь такой дом. Он очень старый и весь какой-то облезлый. Его окна даже днем всегда закрыты ставнями да еще поверх них заколочены досками накрест. На досках и на ставнях даже наросли кое-где зеленые ломтики плесени. Пахнет здесь нежилым. Но когда мы поравнялись с калиткой, она вдруг отворилась. И высунулась из нее противная, толстая рожа незнакомого мальчишки. Мы остановились, глядя на него. А он глядел на нас. Максим шагнул к нему.

— Здорово! — сказал Максим.— Тебя как звать?

Мальчишка не ответил.

— Чего молчишь? — спросил Максим.

— Кш-ш, мелкота! — прошипел толстомордый и захлопнул калитку.

Капитан чуть побледнел, сунул кулаки в карманы и спокойно сказал:

— Пошли, ребята.

А на обратном пути мы увидели удивительную вещь. Над запущенным садом тетки Тимофеихи взлетел огромный сверкающий мыльный пузырь.

Он переливался и сиял разными красками долго-долго, пока не лопнул. А потом взлетел другой, такой же большой и блестящий. Честное слово, он был ничуть не меньше настоящего воздушного шара! В том-то все и дело. Иначе и удивляться не стоило бы. Но таких шаров я никогда еще не видел.

Второй пузырь не лопнул. Он медленно полетел высоко в небо, стал маленькой яркой искоркой и скрылся среди облаков. Мы просто разинули рты.

Следующий пузырь перепрыгнул через высокий забор и упал на дорогу. Он тоже не лопнул. Он упал и покатился по улице мимо домов, заборов, скамеечек, мимо магазина «Промтовары». Жаль, что в это время на улице никого не было, кроме нас: потом нам никто не поверил, что среди бела дня по улице катился мыльный пузырь ростом с Каррамбу или даже с меня.

А на другое утро мы увидели Тубуса, который важно прогуливался вдоль забора своего сада. Он ходил, заложив руки за спину.

Завидев нас, Тубус хотел юркнуть в калитку, но не успел: Капитан загородил ему дорогу.

— Это ты пускал пузыри? — спросил Капитан.

— Кш-ш! — зло зашипел Тубус, и его толстые щеки заколыхались.

— Чего шипишь? — спросил Капитан.— Разговаривать не умеешь?

Вместо ответа Тубус вдруг согнулся, с размаху двинул Капитана головой в живот. Капитан упал. Тубус рванулся к калитке. Но Капитан успел ухватить его за ногу, и тот мягко шлепнулся в пыль.

— Будем драться,— объявил Капитан.— Ребята, помогите ему встать!

— Тетка! — жалобно завопил Тубус.— Тетка!

И тогда из раскрытой калитки выскочила тетка Тимофеиха с палкой в руке. Она замахнулась и огрела Максима по спине раз, другой, замахнулась в третий, но тут Максим разозлился, перехватил палку, дернул ее к себе, и тетка Тимофеиха оказалась безоружной. И произошло чудо: тетка вдруг стала тихой и ласковой. В первый раз в жизни я собственными ушами слыхал ее голос.

— Отдай палку, мальчик,— скрипучим голосом сказала тетка Тимофеиха.— Зачем она тебе?

Она говорила это, а сама осторожно подвигалась к Максиму. Именно подвигалась, а не подходила и не подкрадывалась. Она тихонько скользила по земле, как по льду, не шевеля ногами. Я не знаю, как она ухитрялась это делать. Я потом пробовал, но у меня почему-то не выходило.

Максим отступил на шаг и ответил:

— Не отдам.

— Отдай! — с угрозой сказала Тимофеиха.

— Не отдам,— сказал Максим.

Тимофеиха хотела сказать еще что-

то, но глянула на Тубуса и прикусила язык. Лицо ее стало грозным, страшным, морщины будто окаменели, глаза в глубоких темных глазницах вспыхнули по-кошачьи — желтыми огоньками. Медленно скалились острые, щучьи зубы. Тимофеиха взяла Тубуса за руку, провела его во двор и захлопнула калитку перед нашим носом. А мы отправились своей дорогой, и Максим весело помахивал палкой тетки Тимофеихи. Но я хорошо знаю Капитана. Я понимал, что на душе у него вовсе не так спокойно, как ему хочется показать. Ведь все неприятности были впереди.

Так и получилось. Вечером вредная тетка очень удивила родителей Максима: нагрянула к ним домой и стала расписывать, как он обидел ее племянника, слабого, нервного мальчика, как он напал на нее, старуху, и отобрал ее любимую палочку. А заодно она рассказала о кое-каких проделках нашей команды, о которых, как мы думали, никто на свете не знает. До сих пор не понимаю, как узнала о них тетка Тимофеиха. Но этим она себе же навредила. Не будь этого, Максим, конечно, извинился бы и отдал палку. Ведь извиниться — дело пустяковое, а палка ему вовсе была не нужна. Таких палок везде сколько хочешь. Теперь же он извиняться не стал и сказал, что ни за что не отдаст палку. Пусть Тимофеиха сначала перестанет шпионить и выведывать чужие военные тайны.

Тимофеиха ушла ни с чем, но Максима наказали. Ему запретили выходить на улицу до тех пор, пока он не исправится. Ну, а этого долго пришлось бы ждать. И не знаю, сколько времени сидел бы Капитан на гауптвахте, если бы не случилось одно странное происшествие...

Мне придется сделать еще одну остановку в рассказе, но это последняя. До сих пор я говорил о том, что видел сам или знаю точно. Но обо всем остальном, начиная со следующей главы, мне придется рассказывать со слов Максима. Поэтому предупреждаю: если вы всему этому не поверите, то ко мне прошу не придираться. Разговаривайте с Максимом сами. Все вопросы посылайте ему в письменном виде по адресу: «Лунная улица, Капитану». Точка.

Глава вторая
КАРЛИК БУЛЬБУЛЬ

Утром, когда все ушли на работу, Максим побрел в огород. В такую жаркую погоду там хорошо было сидеть на скамеечке возле колодца. Из колодца тянуло прохладой. Над головой тихонько вздрагивали ветки яблонь. Гудел шмель.

От жары Максима слегка разморило, и он решил облиться холодной водой. Он сдвинул с колодца крышку, столкнул вниз ведро. Загремела, разматываясь, ржавая железная цепь.

Глубоко-глубоко внизу поблескивал зыбкий квадратик воды, похожий на черное зеркало. Ведро ударилось о зеркало, разбило его, булькнуло и захлебнулось. Максим потащил его наверх, сердито ворча:

— Ух, до чего тяжелое!..

Он с трудом подтянул ведро к краю колодца, ухватился за ручку, поставил ведро на скамейку. И вытаращил глаза: студеная вода бурлила, как кипяток, и зеленовато светилась изнутри. Тоненький голос вдруг произнес:

— Здравствуй, Максим!

И выскочил из ведра необыкновенный мальчишка. Он был очень мал ростом, одет в зеленую рубашку из травинок, опоясан красным прутом тальника. С его рубашки и кончика носа падали капли воды.

— Кто ты такой? — спросил его Максим.

— Я карлик Бульбуль,— ответил мальчишка.— Я пришел из Города удивительных чудес!

Максим, понятно, очень удивился. Ведь не каждый день к людям приходят в гости карлики из Города удивительных чудес! А карлик продолжал говорить.

— Я все о тебе знаю,— сказал он.— Ты думаешь, что поссорился с мальчишкой Тубусом и с бабкой Тимофеихой? Как бы не так! Это вовсе не мальчишка. Он только притворяется мальчишкой. Он Топус, правитель Страны пузырей. А тетка Тимофеиха — вовсе не тетка Тимофеиха, а Орутра, Великая тетка правителя. Ее дом — это тайное убежище Топуса в твоей стране. Там в подвалах стоят бочки мертвой воды и маленький кувшин, на донышке которого есть живая вода. Тайный ход из подвала ведет в Заповедную пещеру неприступного Подземного дворца. Я узнал все это, я открыл его тайные замыслы. Слушай: он готовит огромное войско, чтобы пойти на Город удивительных чудес. Это будет самая большая и самая страшная война в истории Страны приключений! И тебе тоже грозит беда за то, что ты оскорбил Правителя и отнял палку тетки Орутры.

— Здорово врешь! — восхищенно сказал Максим.

— Я не вру,— сказал карлик Бульбуль.— А не веришь, надень-ка эти волшебные очки!

Он достал из кармашка мокрые очки в простой железной оправе. Максим надел их, сморщился, снял, протер и опять надел, но лучше видно не стало: перед глазами стоял сплошной полосатый туман. Максим уже решил снять очки совсем и вздуть Бульбуля. Но туман стал проясняться, полосы превратились в доски забора, которым был обнесен сад тетки Тимофеихи. В одной доске Максим заметил дырку от выпавшего сучка и заглянул в нее.

В саду, заросшем лопухами и крапивой, он увидел тетку Тимофеиху и мальчишку Тубуса, или Топуса, как называл его карлик Бульбуль.

У них там, оказывается, была целая аптека. На низеньком столике, ножки которого были вкопаны в землю, стояла дюжина разных склянок. Тимофеиха брала одну склянку за другой и отмеривала несколько капель в кувшин с длинным тонким горлышком. Потом взбалтывала смесь, нюхала ее, добавляла еще капельку из другого пузырька. А Топус стоял рядом и смотрел.

— Тетка,— сказал вдруг Топус.— На меня кто-то глядит!

— Не может быть,— сказала тетка Тимофеиха.— Я их всех тут так напугала, что они даже близко не подойдут.

Топус фыркнул.

— Больно испугался тебя этот вчерашний мальчишка!

— Он испугается,— сказала Тимофеиха.— Сейчас он очень испугается!

— Знаешь что,—сказал Топус,— когда отберешь свою палку, облей ее мертвой водой!

— Оболью,— сказала Тимофеиха.

Она заткнула горлышко кувшина пробкой, в которую был вделан пульверизатор, и отдала кувшин Топусу. Он сдавил резиновую грушу. На Тимофеиху брызнул фонтан серебристой водяной пыли. И сразу тетка Тимофеиха пропала с глаз, будто и не было ее вовсе! Но ее шевелящаяся тень осталась на столике. Тень переползла через столик, скользнула по лопухам

и крапиве, по кустам шиповника, зашуршала около забора и выползла на пыльную дорогу.

— Ну, что? — спросил Бульбуль.

— Ползет сюда,— сказал Максим.

— Если останешься здесь, погибнешь,— сказал Бульбуль.— А если хочешь спастись и помочь Городу удивительных чудес, то нельзя терять ни минуты. Бежим!

— Куда?

— В Страну приключений! Берись за цепь и спускайся в колодец, а я за тобой. Не трусь! Скорей, скорей!

глава третья
СТРАНА ЗА ДВЕРЦЕЙ

Раздумывать, пожалуй, и вправду было некогда Максим ухватился за цепь и, пачкая руки ржавчиной, стал спускаться в прохладную глубину колодца. Чем глубже он спускался, тем вокруг становилось темнее, а внизу все громче шумела вода.

— Там должна быть дверь! — шепотом сказал карлик.

Действительно, колодец оказался довольно хорошо обжитым местом. Неведомо кто и в какие времена сделал дверцу в его бревенчатой стенке над самой водой. Но даже в полутьме можно было понять, что это очень ветхая дверца. Она была чуть приоткрыта.

Максим раскачался на цепи, ухватился за ржавую железную ручку, распахнул дверцу и, бросив цепь, шагнул на скользкий от плесени порожек. Вытертые, влажные, как в бане, ступеньки вели куда-то вверх. Было очень темно. Максим шел вверх по скрипучей лесенке, а карлик карабкался следом и повторял:

— Ты только не бойся! Не бойся!

— Да с чего ты взял, что я боюсь? — шепотом зарычал на него Максим.— И не думаю!

Когда он говорил это, он уже и в самом деле не боялся, потому что впереди как раз стал виден выход. Широкий пучок солнечных лучей бил в щель между досками второй дверцы, такой же ветхой, как и нижняя.

Дверь скрипнула, распахнулась. Максим увидел странную местность, до самого горизонта усеянную бугорками, буграми, холмами и холмиками. Ни одного дерева не было видно поблизости. Все вокруг покрывала ярко-зеленая, нежная травка. Ярко светило солнце, стрекотали кузнечики. У самых своих ног Максим увидел полосатый столбик. На столбике стрелку. А на стрелке надпись:

Дорога в страну приключений

— Иди, не оглядывайся! — услышал Максим голос карлика.

И он послушно пошел мимо столбика, по тропинке, петляющей между холмами. Но чей-то тоненький голос, похожий на голос карлика Бульбуля, только гораздо тоньше, пропищал:

— Теперь стой!

Голос слышался снизу. Максим посмотрел вниз. Он увидел карлика Бульбуля. Карлик удивительно изменился. То есть это был прежний карлик Бульбуль в своей прежней травяной рубашке с красным пояском, но только почему-то стал он уже очень маленьким, таким маленьким, что его можно было поставить на ладонь и он смог бы совершать по ней прогулки.

— Что с тобой? — наклонившись, спросил Максим.— Ты почему такой крохотный?

— Тебе-то хорошо! — сказал карлик жалобным голосом.— Ты здесь в первый раз. А меня тут каждая

собака знает. Мне надо быть тише воды, ниже травы, чтобы добраться до Города удивительных чудес. Вот я и стал ниже травы.

— Это ты насовсем? — испугался Максим.

— Нет,— сказал карлик.— Когда захочу, тогда и вырасту. Ты не бойся, так даже удобнее. Посади меня в карман, я оттуда буду тебе кричать, что надо делать. Ты только меня слушайся, тогда все будет в порядке, понял?

— Понял,— сказал Максим. Не очень-то ему хотелось слушаться карлика, которого можно посадить в карман, но что же тут поделаешь?

Он достал из кармана пустой спичечный коробок, в котором обыкновенно хранились пойманные майские жуки, посадил в него Бульбуля, положил коробок обратно. И пошел дальше. Вокруг было очень тихо, только стрекотали кузнечики да чуть слышно шелестела трава. Но потом в отдалении вдруг послышалось:

— Э-ге-гей! Э-ге-гей!

Максим посмотрел налево — никого не увидел, посмотрел направо — и там никого, оглянулся — то же самое. Тогда он задрал голову вверх.

Глава четвертая

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПУЗЫРЯМИ

Он задрал голову вверх и увидел: в небе кувыркаются разноцветные воздушные шары. Их было столько, что не сосчитать, и все разные: голубые, синие, зеленые, красные, желтые, полосатые, красно-голубые и желто-фиолетовые, пятнисто-лиловые, серые в яблоках и оранжевые в клеточку. Все они, как пчелиный рой, вились возле пышного белого облака, которое выплывало на середину неба. Где-то заиграла музыка, шары быстрее закружились в воздухе. Они то разлетались в стороны, то снова собирались в кучу, звонко стукаясь один о другой. Гул стоял в поднебесье. И оттуда то и дело доносилось:

— Э-ге-гей! Э-ге-гей!

— Стой и не шевелись! — проговорил карлик из кармана.— Это Летучие пузыри!

— Эти шары живые?

— Еще какие живые! Они ходят дозором над всей Страной приключений и потом рассказывают Топусу, что видели. Стой и молчи, пока они не пролетят. Может, они тебя не заметят. Или подумают, что ты столбик.

Максим, конечно, обиделся на эти наглые слова, но все же решил смолчать и на этот раз. Карлик, ясное дело, лучше знает порядки в Стране приключений.

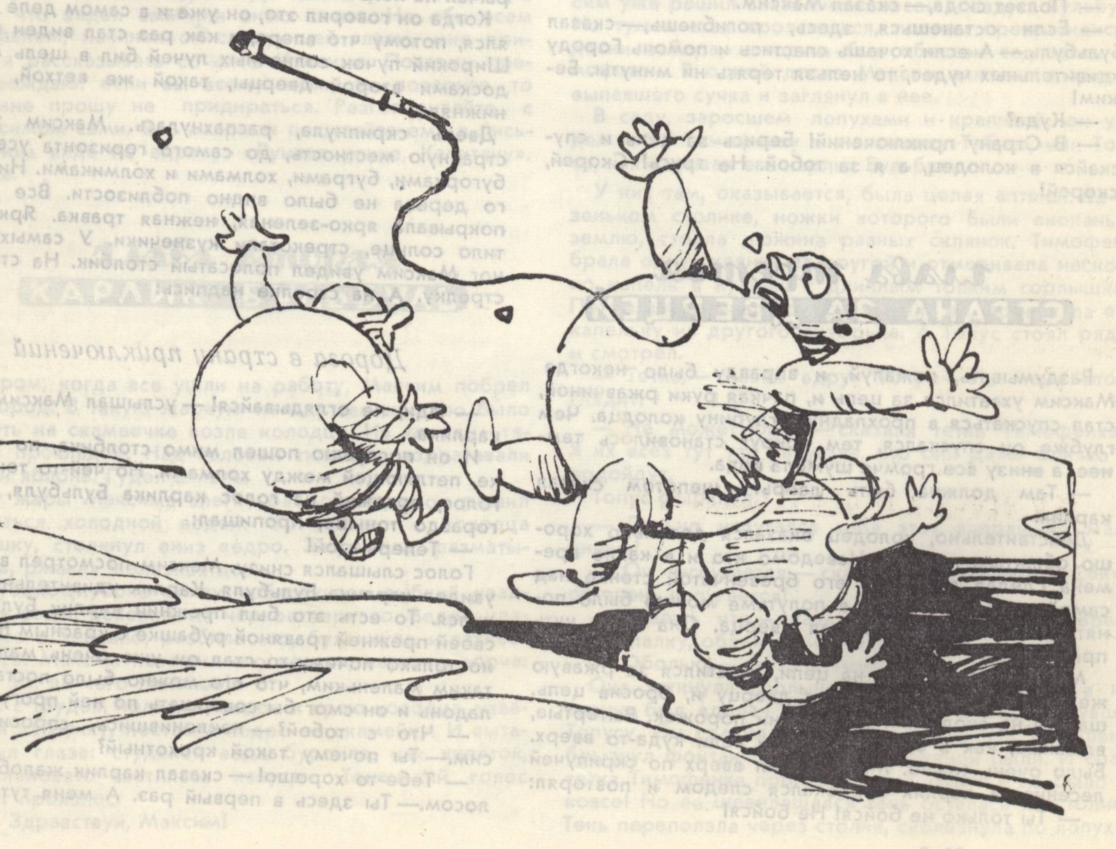
Облако медленно уплывало с неба, и шары улетали за ним. Крики и музыка постепенно затихли.

— Улетели? — спросил Бульбуль.— Теперь можно идти дальше.

И в этот самый миг где-то поблизости раздался отчаянный вопль:

— Спасите! Убивают!

Максим, не раздумывая, кинулся в сторону от тропинки, к месту, откуда слышался крик. Он позабыл, что нужно слушаться карлика, который в это время отчаянно колотил кулачками в стены спичечного коробка и о чем-то пронзительно верещал. Максиму было не до карлика. Он мигом добежал до верхушки низкого холма и увидел: внизу, под холмом лежит опрокинутая набок повозка, в которую запряжены не лошади, а люди!

Они были запряжены по-настоящему, то есть на каждом из троих был надет хомут и вся остальная сбруя, не было только дуги с колокольчиком. Их руки и ноги были опутаны вожжами, и низенький, совершенно круглый, как сыр, человек хлестал их по спинам плеткой-самохлесткой. Ему для этого не надо было даже замахиваться: плетка работала сама изо всех сил, яростно повизгивая в воздухе. Два других таких же толстяка, раскрыв дверцу повозки, с трудом вытащили оттуда третьего, самого толстого из всех, и поставили его на ноги. Толстяк тяжело дышал и шевелил огромными ушами. А когда отдышался, выхватил плетку-самохлестку из рук первого толстяка и принялся сам хлестать связанную вожжами упряжку. Никто из толстяков не заметил Максима, никто не видел, как он вытащил из кармана рогатку, нашарил в траве круглый камешек, прицелился и — вж-жик! — прямо в багровую пуговичку носа главного из толстяков. Тот схватился за нос, выронил плетку, и тогда она стала охаживать его самого так быстро, что нельзя было ее разглядеть, был только слышен частый посвист да быстрые щелчки. А тем временем Максим нашарил еще камешек, потом еще, еще. Он не промазал ни разу, и толстяки все четверо корчились вокруг повозки, будто попали на горячую сковороду. А тут еще плетка-самохлестка, которая так и гуляла по их круглым спинам, так и посвистывала!

Наконец толстяки не выдержали. Они все четверо как по команде присели, поджав под себя ноги, оттолкнулись руками и быстро-быстро покатились прочь, бросив опрокинутую повозку. Только тогда Максим наконец услышал то, что кричал ему карлик, который разломал спичечный коробок и наполовину вылез из кармана:

— Ты с ума сошел! Это был Великий тайный слухач! Сейчас он поднимет на ноги всю Страну пузырей! Скорее бежим отсюда!

— Ладно,— сказал Максим.— Только давай сначала развяжем этих людей и отпустим их на волю.

Так они и сделали. И люди, освобожденные от веревок, перепуганные насмерть, дрожащие, сразу кинулись бежать прочь и мигом скрылись из глаз.

— Ну и порядки тут у вас! — сказал Максим карлику Бульбулю.

— Это Страна пузырей,— ответил карлик.— А у нас, в Городе удивительных чудес, совсем другие порядки. Сам увидишь. Но пойдем скорей: нам еще надо отыскать клад в Заповедном лесу и узнать, где спрятана Волшебная искорка.

— Погоди,— сказал Максим.— А зачем будет пропадать такая хорошая вещь?

Он поднял с земли плетку-самохлестку, заткнул ее за пояс, и они отправились в путь.

Глава пятая

ЗАПОВЕДНЫЙ ЛЕС

Наверное, Главный тайный слухач решил не поднимать тревоги, чтобы не опозориться на всю Страну пузырей. Потому что никто не помешал Максиму спокойно идти своей тропинкой все дальше и дальше. А когда солнце склонилось к холмистому горизонту, Максим увидел впереди Заповедный лес.

Он был густой и дремучий, настоящий сказочный лес. Казалось, что вот-вот впереди откроется поляна, а на ней будет стоять избушка на курьих ножках. Ничего не было бы удивительного: в таком лесу всякое может случиться. Поэтому карлик Бульбуль выпрыгнул из кармана, пробормотал скороговоркой свои таинственные колдовские слова и снова стал большим — таким большим, каким может стать сказочный карлик, то есть Максиму до пояса.

— Здесь я сам пойду впереди,— сказал Бульбуль.— Вот только надену волшебные очки, а то можно и заблудиться.

И они пошли дальше: впереди маленький карлик в больших очках, позади Максим с палкой Тимофеихи в руке и с плеткой-самохлесткой за поясом. Солнце, наверное, уже зашло, потому что в лесу быстро смеркалось, под деревьями густела мгла. Максим все чаще спотыкался о могучие корни, его босые ноги болели. Вероятно, они были сплошь в синяках. А карлик все вел его дальше по каким-то запутанным тропкам.

Уже наступила ночь, когда они добрели до берега тихой речушки, окруженной дремучей чащей. Вода отливала свинцом. Высокая черная ель склонилась к воде. Под этим деревом Бульбуль остановился.

— Здесь зарыт волшебный клад,— сказал он.— Мы выкопаем его в полночь. Нам помогут очки и палка. Мы узнаем, где спрятана Волшебная искорка, и спасем от Топуса Город удивительных чудес!

Максиму почудилось, будто при этих словах что-то зашевелилось в кустарнике, росшем неподалеку. Он вгляделся, прислушался, но ничего не увидел и не услышал. И подумал, что ошибся. А через минуту он и вовсе забыл об этом, потому что карлик в ожидании полуночи усадил его под елью и стал рассказывать историю о Волшебной искорке и о том, что приключилось из-за нее в Городе удивительных чудес.

И вот что он рассказал.

(Продолжение следует)

Н. ЗЕЛЕНКО

Кинорежиссеры—

...Генка жил в Киеве, учился в ремесленном училище, даже начал работать самостоятельно. Правда, это была еще не совсем настоящая работа, но называлась она серьезным словом «практика». Позвякивая инструментами, Генка вместе с мастером Максимом Петровичем подходил к дверям, произносил «волшебное» слово «Киевгаз» — и двери квартир доверчиво распахивались перед ним. Генке очень нравилась его работа.

Кадр из кинофильма «Прощайте, голуби»

Казалось, все шло как следует. Он стал взрослым. Но... голуби! Голуби оставались главным Генкиным занятием, увлечением, любовью. Возвращаясь с работы, он немедленно лез на крышу. И хотя сам понимал, что пора уже расстаться с ними, все как-то жалко было.

Генка — главный герой нового фильма «Прощайте, голуби», который вы, ребята, сможете посмотреть в дни школьных каникул. Поставил фильм режиссер Яков Александрович Сегель. Вы помните веселого и отважного Роберта из старой-старой картины «Дети капитана Гранта»? Роль Роберта Гранта играл школьник Яша Сегель.

Вначале Яше не понравилось кино. Ослепляющий свет юпитеров, бесконечные повторения одних и тех же сцен, утомительные переодевания — что хорошего? Яша даже завидовал тем ребятам, что толпились вокруг съемочной площадки неподалеку от Ялты, разглядывая его — кудрявого мальчика в старинном матросском костюме, будущего героя фильма. Но вскоре дружный и напряженный труд захватил и его. Яша узнал о том, как рождается фильм, как он снимается, как озвучивается. Это было очень интересно, так интересно, что запомнилось на всю жизнь. И спустя двенадцать лет лейтенант Яков Сегель, демобилизовавшись после войны из армии, поступил на режиссерский факультет Всесоюзного института кинематографии.

— Сценарий картины «Прощайте, голуби», — рассказывает Я. А. Сегель, — рождался из впечатлений моего двора, улицы, города. Я живу в районе, где много голубятен и голубей. Я люблю их быстрый, свободный полет, люблю призывный свист голубятников. И, может быть, это немного смешно, но мне хотелось, чтобы картина начиналась и кончалась их свистом...

Исполнителей главных ролей нашего фильма мы нашли случайно. Светлана Савелова работала ученицей продавщицы в одной из севастопольских аптек, а после работы занималась в балетном кружке при театре. Светлана оказалась очень способной и почти сразу — после двух проб — была утверждена на роль Тани.

А знакомство с Лешей Локтевым было совсем необычным. На киностудию пришел хмурый юноша и мрачно сказал: «Все равно вы меня не возьмете». И на мой удивленный вопрос «почему?» невозмутимо ответил: «Потому что я некрасивый...» Но это оказалось неправдой. Обаятельный и очень чело-

ребятам

вечный, Леша подошел для роли Генки — именно такого Генки, каким я представлял себе своего героя. В фильме мне хотелось рассказать о том, как кончилось детство Генки и началась юность.

* * *

В дни школьных каникул в кинотеатрах можно будет посмотреть еще один интересный фильм — «Рыжик». Он поставлен по мотивам книжки писателя Алексея Свирского, известной, наверное, многим из вас.

Алексей Свирский — человек, проживший большую, нелегкую и интересную жизнь. Еще до революции он обошел пешком чуть ли не всю Россию, разгружал баржи на Волге, работал в черноморских портах, на виноградниках, на табачных плантациях, в шахтах Донбасса.

В повести о Рыжике писатель вспоминает о своем детстве.

Маленький Рыжик... Озорной, любознательный, смешливый, хотя живется ему трудно. Ведь он подкидыш, сирота. Слова-

Что здесь происходит, вы узнаете, посмотрев фильм.

Это Рыжик, герой нового фильма.

то какие обидные, только до революции и были такие, теперь их нет вовсе. Не любит Рыжик, когда его так называют. Однажды, когда обиженный Рыжик убежал из дома, ему повстречался удивительный человек. Маленький, в клетчатых штанах, в шляпе с обвисшими полями. Он пристально посмотрел на Рыжика, сказал: «Гоп-ля!» — и вытащил у мальчика из-за пазухи огромный букет ярких бумажных цветов. У Рыжика прямо рот раскрылся от удивления. Первый раз в жизни видел он такие чудеса. Удивительный человек оказался клоуном-канатоходцем. За маленький рост и легкость в весе его прозвали «Полфунта». И вот вместе с этим человеком отправляется упрямый рыжий мальчик искать свое счастье...

Где только не побывал он, пока не попал в Одессу! Там он оказался в компании ребят-воришек, которых учил «делу» опытный бандит Косоручка.

Сможет ли Рыжик уйти от Косоручки? Найдет ли Полфунта, с которым разлучился в самом начале путешествия? И самое главное, отыщет ли мальчик свое счастье? Обо всех приключениях Рыжика вы узнаете из фильма, который поставлен режиссером Ильей Абрамовичем Фрэзом.

— Вы, наши дети, — говорит Илья Абрамович, — не знаете, что такое голод, лишения. Мне и моим друзьям — всем, кто работал над картиной «Рыжик», — захотелось рассказать вам о горьком прошлом, чтобы вы еще больше любили и ценили настоящее.

Сто полей битвы

ИЗ РАССКАЗОВ ОБ ОЛИМПИЙЦАХ

СЛАВА ПРИХОДИТ НА СТАДИОН

Это было в 1953 году. Стадион Юных пионеров жил обычной своей жизнью. Хлопал стартовый пистолет, и, словно пули от выстрела, по ледяной дорожке неслись мальчишки на острых длинных «бегашах»; из спортзала доносились гулкие удары волейбольного мяча; где-то щелкал целлулоидный шарик настольного тенниса: «пинг-понг, пинг-понг». Только в одной комнате стояла тишина, такая нерушимая, что мальчик, остановившийся у двери, не сразу решился войти.

В комнате, склонившись над столом, седоватый человек что-то показывал ребятам. Это был тренер шашечной школы стадиона, мастер спорта Б. А. Миротин. Когда он обернулся к вошедшему, тот решительно, словно игрок, делающий давно обдуманный ход, сказал:

— Я хочу играть в шашки.

Мальчику было двенадцать лет. Он учился в пятом классе 464-й московской школы, и звали его Слава Щеголев.

Тренер вскоре заметил, что у Славы большие способности. Играя, он легко и быстро изобретал замысловатые шашечные комбинации. Зато позиции, возникающие в игре, он на первых порах не умел правильно оценивать. Обычная история с начинающими! Они словно не видят доски.

Правда, овладеть искусством позиционной игры — это в шашках самое трудное. Тут нужно и накопить большой опыт и выработать особое чутье, умение глубоко вникнуть в позиции — во взаимное расположение шашек, подметить все сильные и слабые стороны этих позиций, далеко вперед разглядеть последствия разных ходов, из которых нужно выбрать лучший.

Шестьдесят четыре квадрата завладели мыслями Славы. Постепенно, шаг за шагом ему открывалось, что в шашках — настоящая спортивная борьба, что на клетчатой доске, как и на дорожках стадиона, побеждает тренированная воля, точный расчет, знание техники. Это ему помогал понять тренер школы. Но даже он, занимаясь со Славой, помогая ему овладеть теорией, не переставал удивляться его быстрым успехам. Даже Славиной талантливостью нельзя было объяснить эти невероятные, почти загадочные успехи!

А Слава был застенчив, мало говорил о себе, и только теперь, совсем недавно и совсем случайно найдена разгадка. Она нашлась в стареньком, потертом читательском формуляре, лежавшем среди сотен других в библиотеке стадиона Юных пионеров.

Формуляр был, как автобус пассажирами, набит названиями прочитанных книг. Не вмещаясь на основных страничках, названия «висели на подножках» вкладных листков. Это были названия книг по теории шашечной игры. Множества книг. Всех, какие есть в библиотеке стадиона. И как у всякого формуляра, наверху первой странички стояло имя владельца: «Щеголев Слава».

ПО СТУПЕНЬКАМ ПОБЕД

Труд, каким бы упорным он ни был, чаще всего приносит плоды не сразу. Слава, казалось, был исключением из правила. Через год, тринадцати лет от роду, он получил первый спортив-

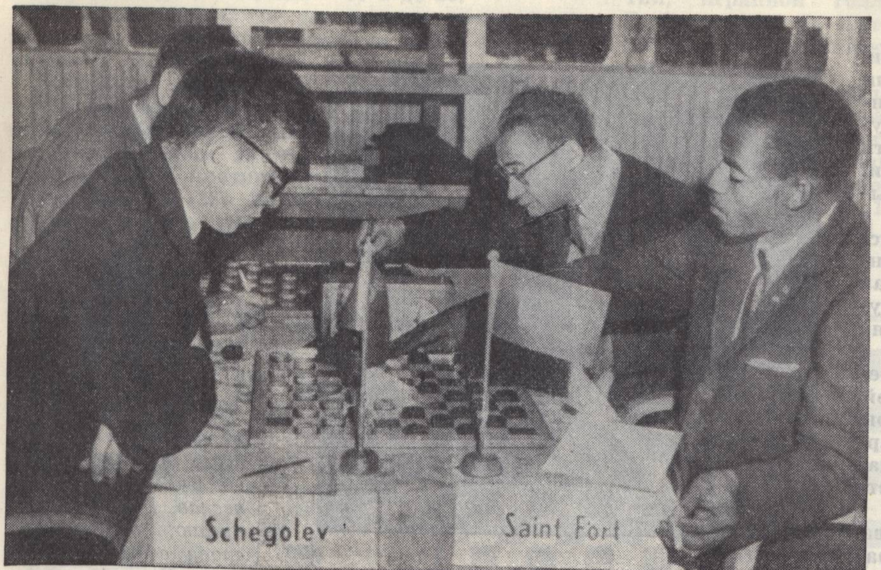
МЯЧЕСЛАВ БОЛЕЛКИН УВЛЕКСЯ ШАШКАМИ

— Сто клеток! Да мне, может, и двести нипочем.

— На спор! Столько очков никому не набрать.

— Эх, мне бы в Голландию на такой урок!..

На олимпийском турнире в Голландии. У Щеголева поединок с Сен Фором, мастером с Гаити.

— Ух ты, кажется, наш забьет гол!

ный разряд. Два года спустя пятнадцатилетний мальчишка становится чемпионом столицы среди юношей. А еще через год ученик девятого класса Вячеслав Щеголев — уже чемпион Москвы среди взрослых.

Все, кто был на том турнире, помнят партию Славы Щеголева с известным мастером Александром Верете. В ней как будто не было проведено ни одной комбинации. Зрителям вообще казалось, что вот-вот юный шашист сложит оружие. Это лишь казалось! Комбинации возникали непрерывно, но мы просто не могли их обнаружить: близилось к концу контрольное время у обоих партнеров, и пришлось им играть в таком темпе, что непонятно было, когда они поспевают думать. Со стороны тем, кто сидел в зале, трудно было даже уследить за ходами, а тем более за их смыслом. И только потом, разобрав всю партию, любители и знатоки шашек поняли, как мужественно вел борьбу Слава и с какой молниеносной быстротой решал трудные задачи, возникавшие перед ним в игре. Он расставлял ловушку за ловушкой, изобретая их чуть ли не быстрее, чем противник передвигал шашки. До предела измотав мастера «очередями» и «залпами» комбинаций, Щеголев воспользовался первой же его ошибкой и уже в чисто позиционном стиле спокойно завершил поединок в свою пользу.

СТО КЛЕТОК

Окончена школа. Десять классов позади. Слава становится рабочим. В паровозном депо прилежно трудится новичок, ученик токаря, а после смены он в шашечной секции «Локомотива» за доской. Но эта доска иная, на ней сотня клеток. Слава узнал стоклеточные шашки еще на стадионе, но теперь полюбил их по-настоящему. Да и могло ли быть иначе? Ведь в этой игре гораздо больше возможностей: больше полей, больше фигур, положения создаются острее и разнообразнее, ограничений в правилах тоже больше, а значит, больше и трудностей на пути к цели, к победе.

В 1959 году Вячеслав Щеголев — уже чемпион СССР по стоклеточным шашкам. Это была трудная победа. В первенстве участвовали сильнейшие советские мастера. Только с чемпионом мира, с советским гроссмейстером И. Куперманом, не встретился в тот раз Слава. Они впервые «скрестили» шашки лишь в 1960 году на международном турнире в Киеве. Щеголев сыграл вничью с Куперманом и не занял первого места, но зато он, единственный из участников, победил всех пятерых иностранных мастеров, в том числе и тринадцатикратного чемпиона Голландии гроссмейстера Р. Келлера.

ТУРНИР НА КОЛЕСАХ

Осенью прошлого года советская шашечная делегация вылетела в Амстердам на олимпийский турнир.

В Голландии очень любят шашки. Там вы не найдете семьи, которая не имела бы шашечной доски. Там даже в школах на уроках играют в шашки! Ну, конечно, не на всех, а на специальных уроках шашечной теории. Представляете? Входит учитель:

— Питер ван Роод, что я задавал на сегодня?

— Прохождение в дамки, мингер учитель...

Из-за голландской любви к шашкам организаторы турнира оказались в сложном положении:

все города страны требовали, чтобы турнир устроили именно у них. В конце концов решили, что турнир будет проходить... в двадцати двух городах по очереди! Голландские болельщики были в полном восторге, а олимпийцам предстояло исколесить маленькую Голландию вдоль и поперек, так что в общей сложности получалось больше трех тысяч километров пути.

День был насыщен до предела. Шесть часов за доской, переезд в новый город, сон, подготовка к очередной партии и опять битвы на шашечных полях. И так шесть суток в неделю.

Когда Вячеслава Щеголева, чемпиона мира, теперь спрашивают, что помогло ему победить в этом «передвижном» турнире, он, смеясь, уверяет:

— Теннис, футбол, каток, лыжи.

«Битвы» на чертежной доске.

— В конце концов между нами разница всего в одну букву! Он Вячеслав, а я Мячеслав. Просто не понимаю, почему вся слава выпала на долю этого Славы!

Вы удивляетесь? Читая эти страницы, вы, может быть, представляли себе худосочного, бледного мальчика с тонкой шеей и большой головой, ссутулившегося над шашками? Если так — это, конечно, наша вина! Ведь мы ни разу не упомянули, что Слава рос крепким, сильным, подвижным мальчишкой, что он увлекался спортом и спортивными играми. Физическая закалка помогла ему в Голландии выносить утомительные переезды и каждый раз быть свежим и бодрым у доски.

В седьмом туре Щеголев играл с Куперманом и выиграл. Первое поражение гроссмейстера Купермана за все время, что он чемпион мира! Первое поражение, и нанес его Слава. Теперь, обогнав других по очкам, он стал лидером турнира. Но все же позади, совсем близко, были два грозных соперника: закаленный в турнирных боях Куперман и негритянский юноша Баба Си, простой шофер из далекой африканской страны Сенегала. Они играли на других досках, с другими партнерами. Но это был поединок с ним, с Вячеславом Щеголевым.

Как бегун на дистанции в напряжении мышц и воли упрямо, шаг за шагом старается настигнуть противника, отнять выигранное им расстояние, так эти двое в напряжении мысли старались, побеждая других, настигнуть Вячеслава по количеству очков.

Он, казалось, чувствовал их дыхание у себя на затылке. И стоило ему сыграть лишь несколько партий вничью, как гроссмейстер Куперман тут же оказался рядом, а молодой сенегалец — на пол-очка впереди.

Пол-очка... Казалось бы, так немного, цена одной ничьей! Но ничтожные пол-очка решали судьбу «стоклеточной короны». Когда Щеголев и Баба Си сели друг против друга за одной доской, Щеголеву нельзя было не только проиграть, но и сыграть вничью. Даже ничья делала Баба Си чемпионом. Чтобы победить вообще, надо было победить в этой партии, победить Баба Си.

Щеголев победил. Его имя вписано в «Золотую книгу» Всемирной шашечной федерации. Кроме золотой олимпийской медали, ему вручили от королевы Нидерландов Юлианы большую серебряную медаль, отчеканенную специально для победителя.

Теперь Вячеслав Щеголев — чемпион мира. Но грозные соперники по-прежнему в двух шагах позади. В конце этого года — матч-реванш с гроссмейстером Куперманом. Экс-чемпион мира будет оспаривать у Славы шашечную корону. А Баба Си? Есть ведь еще и Баба Си, отставший только на пол-очка! Им друг с другом еще не раз мериться силами, еще не раз встречаться за стоклеточной доской...

Но сейчас у молодого гроссмейстера «битвы» не за шашечной, а за чертежной доской, за студенческими конспектами и учебниками. Славе Щеголеву надо успешно закончить свой первый учебный год в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Пожелаем ему и здесь побед!

ВОЗЬМЕМ-КА МЫ ШАШКИ...

Ребята, а хотите познакомиться с игрой чемпиона мира? Тогда сначала я вам объясню, чем отличаются стоклеточные шашки от русских шашек, которые вы, конечно, знаете.

Игра в стоклеточные шашки, как говорит само название, ведется на стоклеточной доске. Чтобы записывать партии и отдельные положения, здесь игровые поля обозначаются цифрами, как изображено на диаграмме 1.

Обратите внимание! Счет полей ведется не со стороны белых, как в шахматах и в обычных шашках, а со стороны черных.

В начале партии оба противника имеют по два-

дцать шашек. Белые ставят их в четыре ряда на полях от 31 до 50, черные — от 1 до 20.

На второй диаграмме дан пример, показывающий отличия между правилами игры в стоклеточные и русские шашки.

Если белые сыграют здесь 1.39—33, то у черных возникает много возможностей, но по правилам стоклеточных шашек они должны избрать лишь тот ход, которым уничтожат наибольшее количество шашек противника. Поэтому необходимо брать шашкой «28». Далее: шашка, прошедшая в процессе взятия через дамочное поле, не становится дамкой. Итак, шашка «28» должна побить три шашки белых и остановиться на поле 37. Теперь белые берут: 2.41:3. Продолжать взятие, чтобы уничтожить шашку «14», нельзя. Это право дамка «3» получит лишь на следующем ходу.

Вот теперь вы знаете, что в международных, или стоклеточных, шашках только эти три правила отличаются от правил русских шашек, остальные в точности совпадают.

Разберем окончание партии, игранной голландцем Б. Дюкелом и В. Щеголевым (черные) на олимпийском турнире (диагр. 3.)

Это положение создалось в итоге острой борьбы. Белые могут сыграть 1.28—22 18:27 2.34—30 25:34 3.40:18, заставив противника добиваться ничьей. Однако позиция черных выглядит совершенно безнадежной, поэтому Дюкел избрал другое продолжение: 1.37—31. Но его ожидал неприятный сюрприз: 1... 24—29!! 2.33:22 23—29! 3.34:23 25—30 4.35:24 20:36. Прорвавшись в дамки, черные легко выиграли.

Эта комбинация типична для русских шашек. Подобные комбинации хорошо известны в нашей литературе. Так русская идея помогла Славе не только спасти тяжелую позицию, но и одержать важную победу!

В. Городецкий,
мастер спорта

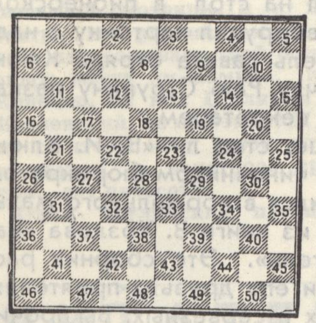

Диаграмма 1

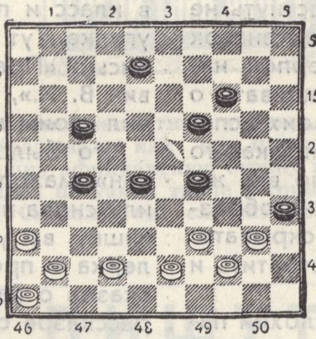

Диаграмма 2

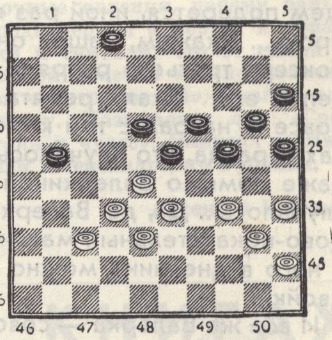
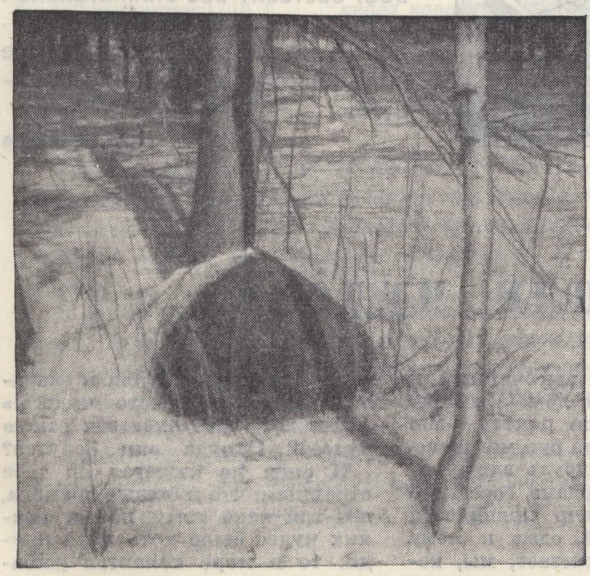

Диаграмма 3

ЮНЫЙ ТУРИСТ, ОТГАДАЙ!

Ведь ты наверняка еще ходишь на лыжах по лесу. Если нет, — напрасно! В лесу сейчас здо́рово! Так искрится наст под солнечными лучами, так звонка дробь дятла, так торжественны темные большелапые елки!.. А на солнцепеке, в оттаявшем муравейнике, муравьи пригрелись, выбрались наружу и суетятся, заняты какими-то своими делами. (Не тронь муравейник, это дом друзей!)

Вот снимок, сделанный как раз в марте. Тут и елка, тут и березка, и снег, и даже муравейник. Скажи, пожалуйста, в котором часу щелкнул затвор фотоаппарата?

ВАЛЕРКА — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ОТРЯДА

Валерка — самый обыкновенный школьник, ваш сверстник, ваш современник, такой же, как вы и ваши друзья. Примерным его не назовешь: он и нашалит, и с товарищем подерется, иной раз и прихвастнуть не прочь... Скажем, нашел он на улице значок боксера третьего разряда и не утерпел, нацепил его. Стали ребята расспрашивать о боксе — наврал с три короба о своих успехах. Правда, это случилось нечаянно, как-то даже помимо Валеркиной воли, но все же случилось... Да, да, Валерка никак не образцово-показательный мальчик! Что скрывать: у него в дневнике можно было встретить и двойки.

И все же Валерка — совсем не плохой парень. Он горячо любит своих родных и товарищей, всегда готов помочь другу в беде и, когда нужно, горой стоит за честь своего четвертого класса. И двойки у него идут на убыль, а постепенно и вовсе исчезают. Словом, не удивительно, что ребята выбрали в конце концов Валерку Клюквина председателем совета отряда.

— Раз председатель, значит, начальник,— сказала бабушка.

Валерке запомнились ее слова. Папа — тоже «начальник», главный инженер завода. Валерка хотел было посмотреть, что делает на заводе папа, но до цеха не дошел. Зато он заметил массивную чернильницу на папином столе и узнал, что у папы есть секретарь...

На другой день Валерка отыскал в старом хламе огромную чернильницу, притащил ее в класс и поставил на стол в пионерском уголке. Тут же он водрузил картонку с надписью «Председатель совета отряда Клюквин В. И.», а девочку Раю Струнину назначил своим личным секретарем.

Что было дальше, стал ли «В. И. Клюквин» малолетним чиновником-бюрократом или снова превратился в нормального мальчишку, вы узнаете из книги В. Козлова «Валерка — председатель». Это сборник рассказов о Валерке и его друзьях-приятелях, рассказов смешных и серьезных. Вы прочитаете здесь о незадачливом художнике Вовке Шошине, о старшем Валеркином брате Геньке и узнаете между прочим, какое влияние на судьбу человека может оказать простой перочинный ножик...

То, о чем написано в сборнике, вам знакомо, вы видите это каждый день. Но книга рассказов о Валерке, как всякая умная книга, откроет вам в давно привычном кое-что новое, заставит вас внимательней вглядеться в знакомую обстановку, по-новому оценить свое поведение и поступки товарищей.

Ю. Новикова

Откуда пошли чудеса

Я хочу спросить тебя, читатель: как ты думаешь, что такое чудо?

— Какое чудо?!

— Что значит «какое»! Известно какое, обыкновенное...

Прогремит ли, скажем, гром, сверкнет ли молния,— все ясно: законы физики, явления природы. Построят ли высоченный, в двадцать этажей дом, запустят ли вокруг Солнца ракету,— мы говорим: творение рук человека. Но если бы кто-нибудь вдруг заявил, что на чердаке соседнего дома каждую ночь появляется призрак, который, едва к нему приблизишься, исчезает, мы, конечно, не поверили бы и сказали: «Ну, это просто чудеса!»

Так вот, что такое эти самые чудеса? Откуда они берутся?

И еще: не кажется ли тебе странным, что в былые времена, два-три века тому назад, всяких чудес было хоть пруд пруди: то в море появится рыба-

змея, которая проглатывает целые шхуны, то пронесется «Летучий голландец», то мертвый вдруг воскреснет, то, прикоснувшись к святой иконе, слепой прозреет,— а теперь о таких диковинных вещах не говорят уже всерьез?..

Я понимаю, что ответить сразу на все вопросы тебе довольно трудно: в школе ты этого не проходил и такой науки — чудология — в учебной программе нет,— поэтому я спрошу тебя о чем-нибудь одном.

Вот ты и радио слушаешь, и телевизор смотришь, и в кинотеатре не редкий гость. Как тебе подсказывает твой богатый опыт: могут ли камни... петь? Конечно, не как Шаляпин или Козловский, но все-таки? И петь не то чтобы один разок, спел — и хватит, а некоторое время, так... лет пятьсот?

Один английский путешественник, известный ученый, рассказывал, как он приехал в одну африканскую страну и пошел по узкой тропе в горы.

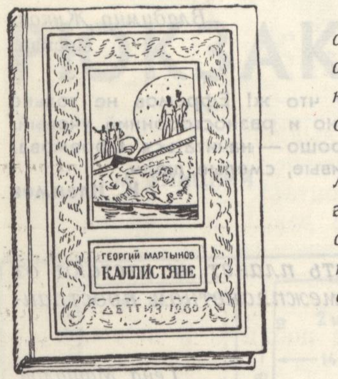
Сначала он слышал только, как стучали подметки его ботинок о камень, потом легкий шорох, точно кто-то рядом полз по песку, а поднявшись еще выше, он отчетливо различил тонкие, переливчатые, мелодичные звуки, как будто кто-то играл на свирели или протяжно, без слов пел. Однако никого поблизости не было. Издавать звуки могла только... гора.

Так вот и спрашивается: как это могло быть?..

Если тебе захочется узнать, откуда пошли разные чудеса и где берут свое начало многие загадочные явления, почему раньше люди верили в чертей и призраки и считали, что от самой тяжелой болезни можно излечиться «святой водой»,— найди одну книгу. Называется она «Среди тайн и чудес». Написал ее Николай Александрович Рубакин.

Арсентий Книгочеев

ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ О КНИГАХ

Мне нравится книга Г. Мартынова «КАЛЛИСТЯНЕ» прежде всего смелостью мысли, большим полетом фантазии. Ведь очень интересно описано в книге сообщение между двумя мирами; всем, наверное, хочется узнать, как это будет на самом деле, помечтать об этом. Мне понравилось коммунистическое общество, описанное в книге. Я так же представлял его.

Честность, прямота суждений, человечность отношений — вот что должно отличать человека будущего. Все эти черты есть в образах каллистян (Рьиг Диегонь, Дьеньи, Гесьянь и другие). Все черты каллистян можно поставить сейчас в пример любому современному человеку. Еще надо отметить, что книга написана живым языком и что в ней нет обилия технических терминов, свойственного другим книгам.

Саша Шахневич, 8-й класс.

Книжка «ВЕСЕЛЫЙ ХУДОЖНИК» Г. Юрмина мне очень понравилась. Писатель Юрмин в своей книге знакомит читателей с новыми материалами, которые вырабатываются в нашей химической промышленности.

Очень хорошо, что писатель рассказывает не просто так, а в небольших рассказах.

Я узнала, что в лабораториях химиков сейчас изготовляется водоотталкивающая смола, которой пропитывают разные ткани, бумагу, и эти вещи становятся непромокаемыми. Профессия строителя становится более легкой, так как дома теперь стали делать из пластмассы. Блоки, сделанные из пластмассы, гораздо легче, и их может поднять один человек.

Художнику удалось нарисовать увлекательные картинки. Когда я взяла в руки книгу, то меня привлекла красочная обложка и довольно странные рисунки, но когда я прочла книгу, то поняла смысл этих рисунков.

Таня Туркина, 7-й класс.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Три вопроса про наше Солнце

Говорят, что на Солнце появляются иногда какие-то пятна. Если это правда, пожалуйста, расскажите о них.

Флюра Хурсандова.

Самарканд, Узбекская ССР.

Пятна на Солнце появляются, и не иногда, а почти все время. Они хорошо видны в телескоп. Измерив с помощью специальных приборов температуру пятен, ученые узнали, что температура эта — четыре с половиной тысячи градусов.

Если бы ты на Земле раскалила какой-нибудь предмет до температуры солнечного пятна, до четырех с половиной тысяч градусов, то на него нельзя было бы смотреть без темных защитных очков; даже пламя электросварки почти в два раза холоднее!

Пятна лишь потому кажутся темными, что рядом с ними — еще более горячая и яркая солнечная поверхность с температурой в шесть тысяч градусов.

Что же представляют собой эти пятна? Это бешеные вихри в раскаленных газах солнечной атмосферы. Они движутся по солнечной поверхности, как движутся циклоны и тайфуны по поверхности Земли. Только размеры их несравнимы: на площади одного пятна уместилось бы несколько «шариков», подобных нашей Земле, как яблоки на тарелке.

И. Канавец

Дорогая редакция, стоит ли Солнце на месте или движется по Галактике? У нас в классе зашел спор об этом. Я думаю, что оно движется, а некоторые ребята говорят, что я начитался Ефремова. Но ведь и Ефремов, прежде чем писать, многое узнал! Я думаю, что во всей вселенной все находится в движении. Прав ли я?

Владимир Жуков.

Москва.

Солнце действительно движется по Галактике. Скорость его движения — 250 километров в секунду. И ты не ошибаешься, Володя, думая, что во вселенной все находится в движении.

Возможно, ребята правы, и ты действительно начитался Ефремова. Ну что ж! Ефремов не только талантливый писатель, но и разносторонний ученый. Я думаю, что это хорошо — начитаться Ефремова. Герои его книг — пытливые, смелые люди.

К. Клеммов

Скажите, пожалуйста, почему все девять планет не отстают от Солнца, если Солнце быстро движется в межпланетном пространстве?

Гена Машалов.

Славгород, Алтайский край.

Солнце движется не в межпланетном пространстве, а в межзвездном. А почему от него не отстают планеты, давай разберем.

Представь себе пассажиров в самолете «ТУ-114», который летит со скоростью около тысячи километров в час. Одни пассажиры сидят, другие ходят взад-вперед, но никто не отстает ни от самолета, ни друг от друга. Почему это? И вообще, почему пассажиры не отстают от движущегося равномерно трамвая, поезда, автобуса?

Ответ простой: потому, что они и сами, находясь в вагоне, имеют ту же скорость движения.

По законам физики, если несколько тел движутся вместе, равномерно и с одинаковой скоростью, то взаимодействие между ними происходит так же, как если бы они все находились в покое, в неподвижности.

Проявления этого закона можно наблюдать не только в мире звезд, но и в нашем земном мире. Два гонщика на мотоциклах проносятся по шоссе мимо зрителей с бешеной скоростью. Но если она у обоих равная, один может при желании угостить другого шоколадкой или бутербродом, потому что друг для друга они неподвижны. Самолет-бензовоз, сравняв свою скорость со скоростью другого самолета, на лету переливает по шлангу бензин в его баки из своих. Будь у обоих при этом скорость хоть сверхзвуковая, друг для друга они все равно неподвижны.

Вот и Солнце неподвижно для планет, которые обращаются вокруг него по своим орбитам и в то же время мчатся на одной с ним скорости в космическом пространстве.

Ю. Калинин

РЮКЗАК

М. УЛИЦКИЙ

С таким рюкзаком за плечами я прошел не одну сотню километров и поэтому смело могу поручиться, что это самый удобный рюкзак. Он очень вместителен, хорошо лежит на спине, независимо от того, много в нем вещей или он почти пустой. Секрет здесь, по-моему, в том, что удачно найдена форма дна, спинки, место, где надо пришить лямки.

У моего рюкзака есть большой верхний клапан, который закрывает его сверху и с боков и спасает вещи от дождя. А если надо, под клапан можно уложить и дополнительный груз, не поместившийся в рюкзаке: одеяло, палатку, плащ...

В большой средний карман хорошо помещается белье, платье.

Сшить такой рюкзак нетрудно: в нем нет никаких металлических деталей — пряжек, скобок, крючков. Материал надо взять прочный: тонкий брезент, кирзу, плащ-палаточный материал или, в крайнем случае, парусину.

Сделайте из бумаги выкройки всех деталей. Раскраивая материю, не забудьте прибавлять на швы.

Итак, начинаем шить.

1. К переднебоковому полотнищу пришиваете в намеченных местах карманы.

Объем среднего кармана создается полосой материала, которую надо пришить к нижней и боковым сторонам кармана.

Объем боковых карманов получается так: в нижних углах кармана на расстоянии 5 сантиметров от каждого угла сделайте отметки, угол загните внутрь; образуется складка, которую надо подогнуть и подшить под нижний край кармана. Клапаны у боковых карманов тоже объемные. Объем создается так же.

Застегиваются клапаны карманов на пуговицы.

2. Переднебоковое полотнище пришивайте к днищу с выпуклой его стороны двойным швом. Предварительно с внутренней стороны днища, в местах, обозначенных на чертеже квадратиком, пришейте два кусочка брезента (здесь вы потом пришьете нижние концы лямок).

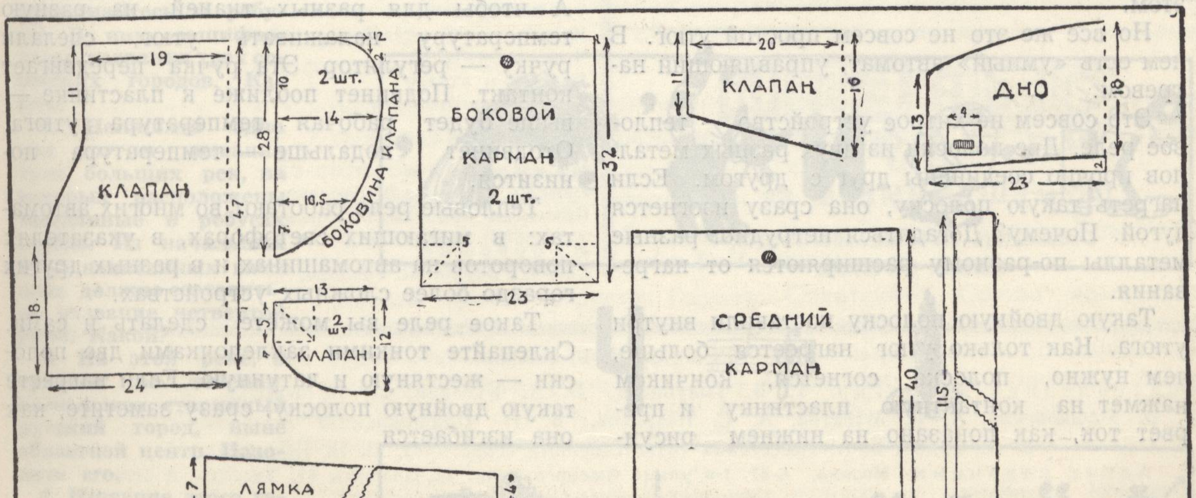
3. К вогнутой стороне днища пришиваете низ спинки, на которую предварительно изнутри пристрочены кусочки брезента в тех местах, где будут пришиты верхние концы лямок.

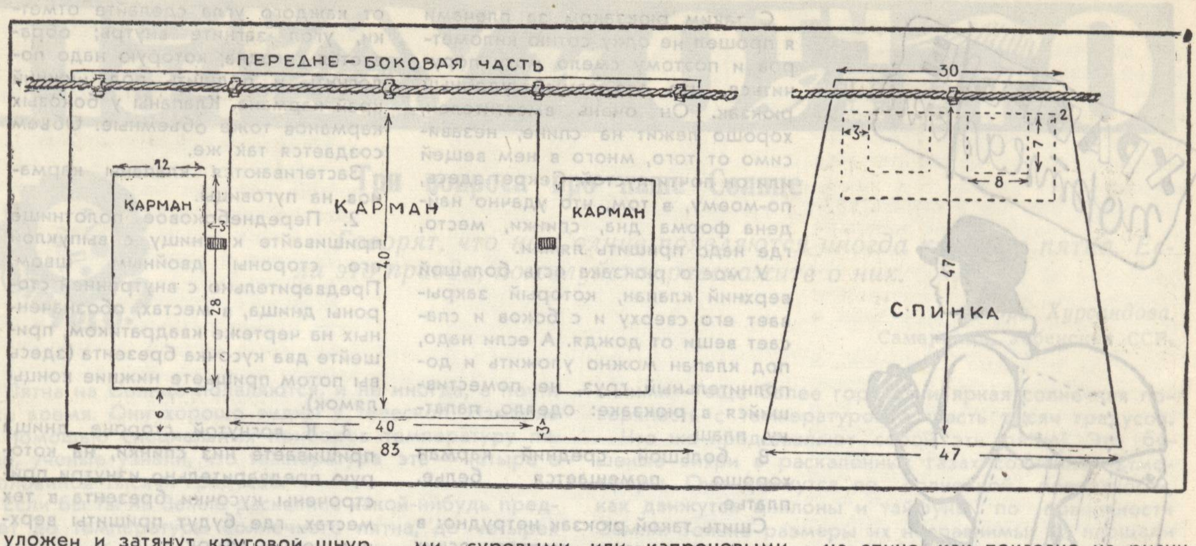
4. Сшиваете края переднебокового полотнища и спинки.

5. По верхней кромке рюкзака пришейте шесть скобок из плотной тесьмы или брезента. Под них подсовывается крепкий шнур, которым рюкзак затягивают.

6. После этого к верхнему краю спинки пришейте большой клапан, к которому предварительно пришиты две боковины. Боковина пришивается выпуклой стороной к вогнутому краю клапана.

Завязывается большой клапан двумя шнурками. Между средним и боковыми карманами пришейте по полоске сыромятной кожи в полсантиметра шириной и 2 сантиметра длиной. Когда рюкзак

уложен и затянут круговой шнур, шнурки клапана просовываются под сыромятную полоску, затягиваются и завязываются бантиком.

7. Лямки я предлагаю напрочно пришить и вверху и внизу крепкими суровыми или капроновыми нитками. Сначала пришейте лямки вверху. Потом наполните рюкзак, возьмите его на спину, определите длину лямки по своей фигуре и пришейте ее к днищу. Рюкзак должен занимать такое положение на спине, как показано на рисунке.

Внутренние швы рюкзака, клапаны карманов и край верхнего клапана рюкзака хорошо обшить тесьмой. Это предохранит швы от обтрепывания.

Что там внутри?

На четвертой странице обложки нарисован знакомый вам электрический утюг. Устроен он нехитро, и вы, внимательно разглядев рисунок, без труда разберетесь в этом.

Но все же это не совсем простой утюг. В нем есть «умный» автомат, управляющий нагревом.

Это совсем не хитрое устройство — тепловое реле. Две полоски из двух разных металлов прочно соединены друг с другом. Если нагреть такую полоску, она сразу изогнется дугой. Почему? Догадаться нетрудно: разные металлы по-разному расширяются от нагревания.

Такую двойную полоску поставили внутри утюга. Как только утюг нагреется больше, чем нужно, полоска согнется, кончиком нажмет на контактную пластинку и прервет ток, как показано на нижнем рисунке справа. Утюг выключится, станет остывать. Остынет больше, чем положено, — опять замкнется контакт, опять станет греться утюг (смотрите левый нижний рисунок). А чтобы для разных тканей на разную температуру налаживать утюг, сделали ручку — регулятор. Эта ручка передвигает контакт. Подвинет поближе к пластинке — выше будет рабочая температура утюга. Отодвинет подальше — температура понизится.

Тепловые реле работают во многих автоматах: в мигающих светофорах, в указателях поворотов на автомашинах и в разных других гораздо более сложных устройствах.

Такое реле вы можете сделать и сами. Склепайте тонкими заклепочками две полоски — жестяную и латунную. Если нагреете такую двойную полоску, сразу заметите, как она изгибается

Вам может показаться, что здесь, кроме цифр, ничего не написано!

Посмотрите внимательно на рисунки, и вы увидите, что художник схитрил: в каждом из рисунков не дорисовал какой-нибудь необходимый предмет или несколько. Вот тут-то и кроется загадка!

Напишите все названия недостающих предметов в порядке расположения отдельных картинок. Этих названий восемь. Вам понадобятся только некоторые буквы. Если вы правильно назвали недостающие в рисунках предметы и выписали буквы в том порядке, как они указаны на картинках, то легко прочтете наше пожелание всем пионерам и школьникам.

ГОРОДА И РЕКИ

С этой географической головоломкой вам придется повозиться.

1. Первым делом принимайтесь за ребусы. В них зашифрованы названия трех советских городов. Каких?

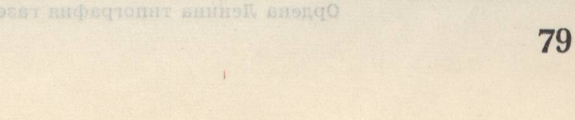
2. Напишите одно под другим названия трех больших рек, на которых расположены загаданные в ребусах города. Из начальных букв написанных вами слов должно составиться название четвертой реки. Какой?

3. На этой реке, в среднем ее течении, расположен старинный русский город, ныне областной центр. Назовите его.

4. Название этого города можно тоже записать ребусом. Попытайтесь сделать это сами.

ЦИФРЫ И БУКВЫ

Число «сто» изображается тремя знаками-цифрами. Название этого числа — «сто» — также состоит из трех знаков-букв.

Найдите другое число, у которого количество цифр равно количеству букв, составляющих название этого числа.

ЗАГАДКИ

1. Малютки в каютке
Считают минутки.

2. В землю врыто
Большое корыто,
Водою оно
До краев полно.

3. Осторожнее! Не тронь!
Горяча его ладонь,
Где он ею проведет,
Гладкий след за ней идет.

Прислала А. Круглова

МОЖЕТ ЛИ ЭТО БЫТЬ?

Поздно вечером почтальон позвонил в квартиру Марии Васильевны.

— Вам телеграмма-молния,— сказал он.— Вероятно, поздравительная. Вот здесь распишитесь в получении.

— Вы угадали,— сказала Мария Васильевна, прочитав телеграмму,— это от сына, он поздравляет меня с женским праздником. Не понимаю только, зачем ему понадобилось посылать молнию, что за срочность такая!.. Но смотрите, какая забавная ошибка: сегодня пока еще только восьмое марта, а в телеграмме помечено, что она отправлена девятого. Выходит, что она послана... завтра!

А вы как думаете, ребята, возможен ли такой случай, чтобы приходила телеграмма, отправленная в день, который еще не наступил?

ОТВЕТЫ *на задачи,*

ПОМЕЩЕННЫЕ В № 2

ОТВАЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ.
БЕЛКА. СТРЕЛКА.

Содержание

Слушай, пионер! 1
Красная Пресня. Зерно. Наступление цветов. — Стихи В. Товаркова. Рисунок Л. Тараканова . 2
Спасибо от всего сердца. — К. Паустовский . . 3
Лесу — пионерская защита 4
Когда я был вожатым. — Повесть Н. Богданова. Рисунки С. Забалуева 8
Великий Кобзарь. — Е. Рубцова 24
Из стихов Тараса Шевченко 25
Зола. — Рассказ А. Пунчонка. Рисунки Е. Расторгуева 27
Лина Одена.— Стихи Педро Гарфиаса 31
Мать.— Стихи Хуана Рехано. Перевел с испанского А. Янов. Рисунок Р. Вольского 31
Цейлон. — В. Горяев 32
Крылатые корабли. — А. Некрасов. Рисунки О. Рево 33
Ежата. — Стихи О. Высотской. Рисунок Е. Медведева 34
В клубе под лестницей. — А. Гарф. Рисунки Н. Борисовой 35

О смелых людях

Котлен-Пугал.— Л. Кафанова. Рисунки В. Цельмера 41

Моя страна

Город науки.— Д. Беленкин. Фото И. Гричера . 44
Про «кошки-мышки», веселые книжки и важное поручение.— Н. Панова, Н. Извекова. Рисунки В. Константинова 46

Школа пионерской дружбы

Чему ты учишься у друга? — Вожатый Сима Соловьев 50
Пионерские известия № 3 (15) 52
У Большой бараньей воды. — К. Шнейдер. Рисунки Г. Алимова. Фото И. Гричера 54
Максим в Стране приключений.— Повесть-сказка Юрия Самсонова. Рисунки В. Алфеевского . . 61
Кинорежиссеры — ребятам.— Н. Зеленко . . . 68

Спорт

Сто полей битвы. Из рассказов об олимпийцах.— В. Городецкий, судья всесоюзной категории 70
Юный турист, отгадай! 73
Что нам читать? 74
Почему и отчего 76
Храбрые портняжки 77
В часы досуга 79

На вклейках:
Цейлон. Рисунки В. Горяева.
Крылатые корабли. Рисунки О. Рево.

На обложке:
Весна. Рисунок П. Глебова.

Редактор Н. В. Ильина.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор В. Пархоменко.

А 01249. Подписано к печати 13/III 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 603. Заказ 406.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

К ПИОНЕРСКОМУ ЮБИЛЕЮ

К 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выйдут такие книги:

А. БЕК «Письмо Ленина». Цена 5 коп.

Н. БЕЛИНОВИЧ «Сказы о Ленине». Цена 38 коп.

П. МАКРУШЕНКО «Рассказы об Ильиче». Цена 45 коп.

Сборник «Смена комсомола». Документы, воспоминания о создании пионерской организации и о ее работе. Цена 2 руб.

А. ГУСЕВ «Год за годом». Пионерская летопись. Цена 50 коп.

«ТОВАРИЩ» — хорошо знакомая вам записная книжка пионера на 1961/62 учебный год. Цена 43 коп.

Сборник «Дети-герои». Цена 1 руб.

Сборник «У пионеров 15 республик». В книге описывается путешествие трех пионеров по Советскому Союзу, во время которого они познакомились с хорошими делами многих пионерских отрядов и дружин. В книге будут помещены рассказы, стихи и очерки писателей разных республик. Цена 1 руб.

Сборник «Верные заветам Ильича». Книга о том, как пионеры выполняют заветы Ленина. Цена 50 коп.

Сборник «С веселым другом, барабаном». Рассказы о пионерах прежних лет. Цена 60 коп.

Сборник «Пионерский театр». Выпуск, посвященный юбилею пионерской организации имени В. И. Ленина. Цена 50 коп.

В. ГОЛЫШКИН «Пионерская двухлетка». Цена 6 коп.

Сборник «Песни разных лет». Составил художественный руководитель ансамбля песни и пляски Центрального дома детей железнодорожников С. О. Дунаевский. В сборнике вы найдете лучшие пионерские песни. Цена 50 коп.

Кроме того, для оформления пионерских комнат будут выпущены:

Плакаты-выставка: «Пионерской организации имени В. И. Ленина 40 лет». Выставка состоит из девяти плакатов. Цена 60 коп.

Плакат «Пионерская двухлетка». Цена 13 коп.

Красочный плакат с обращением Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Десять фотопортретов: Героев Советского Союза комсомолок Лизы Чайкиной, Клавы Назаровой и Лели Колесовой (в юбилейные дни им будут открыты памятники, построенные на средства, собранные пионерами), пионеров-героев Павлика Морозова, Лени Голикова, Марата Казея, Гриши Акопяна, Кычана Джекыпова, Володи Дубинина и Вали Котика. Цена каждого портрета 5 коп.

Требуйте эти издания, когда они выйдут, в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

«Союзкнига».

Цена 25 коп.

1. Ручка настройки.

2—3. Контактные пластинки.

4. Биметаллический «автомат-регулировщик».

5. Фарфоровые изоляторы с заключенной в них спиралью.

Как работает «умный» утюг, который сам регулирует свою температуру, рассказано в журнале.